

ГОРЕЛА  
Наталья  
ЖЕЛНОРОВА  
ВРЕМЕНИ  
СВЕЧА...

*Как воск дни жизни отливали*



## Повесть

Как прекрасны утренние часы! Когда проснувшись, еще в полудреме, ты погружаешься в воспоминания, перелистываешь события своей жизни и иногда думаешь, как было бы хорошо окунуться в жизнь своих предков, почувствовать их переживания, поволноваться вместе с ними... Но не дано! Нет мемуаров — ничего, кроме нескольких старых фотографий и писем в старом портфеле.

Вглядываясь в фотографии своих предков, она всегда старалась представить себе, как жили они, о чем они думали, о чем мечтали. С какими нравственными проблемами сталкивались и как их решали...

Ее интересовала история души, быта и мысли, чаяния маленького человека. О великих много написано и еще напишут. А вот как жил, как растил себя, как страдал и чему радовался обычный человек, с чем он сталкивался на своем жизненном пути, как эпоха больших перемен воздействовала на его сознание, об этом ей хотелось рассказать своим потомкам. Как и о тех людях — добрых, нежных, умных, смелых, с которыми ее столкнула судьба и которые тоже благоприятно воздействовали на ее стезю.

Она понимала, что мы не случайны в этом мире. Мы для чего-то сюда присланы и должны выполнить некий Божий промысел, но всегда ли нам удастся его прочувствовать и хоть в малой мере осуществить? Жаль, что Оттуда, из иного мира, от умершей родни, предков мы не получаем никаких сигналов, чтобы вовремя можно было выправить свой жизненный путь.

Предки, предки... Бабушки, прабабушки, дедушки, прадедушки... Они жили в тяжелое время, их испытывала судьба, они тоже сомневались, огорчались, преодолевали различные препятствия, напряженно трудились, но верили, надеялись, любили и прощали во имя какого-то неведомого им будущего. То есть жили, наверное, так же, как и мы сейчас живем.

Горе тем, кто не чтит своих предков! Но ведь и сама она дальше бабушки никого не знала. Дедушка ушел из земной жизни, когда ей был всего лишь годик, а бабушка — когда девчужке исполнилось шесть лет. Только смутные образы остались в ее детской памяти.

«С каким живым интересом, — думала она, — я бы прочитала их дневники, их письма, их воспоминания!» Но они жили в период страшных потрясений и не могли, не смели, боялись предавать бумаге свои сокровенные мысли, наоборот, многие люди уничтожали любую связь с многочисленной родней и во времени, и в пространстве. Поэтому и относились к поколению, которое называют «иванами, не помнящими родства». Родство, род, родня на самом деле суть народа, часть его, тогда были опасны для власти, всюду подозревавшей возможный заговор. В итоге мы все остались без этих связующих нитей. Считай, без тылов, без сакральной эстафеты династий. Она искренне горевала, что не

знает ни имен, ни дат, ни профессий своих прапрадедушек и прапрабабушек. За кого молиться? Ей захотелось восполнить картину своего поколения, показать уже будущему потомству, как раньше люди жили, чего добивались и о чем мечтали...

Так по настоянию мужа («напиши хотя бы для внуков!» — увещевал он ее) она решила написать эту книгу. Внуков и правнуков у нее, к сожалению, еще нет, но она очень надеется, что они все-таки появятся. Бог милостив и Он слышит всех, к Нему обращающихся. Она верит, что Он услышит и ее мольбы, увидит и ее печаль.

Следуя заповеди о том, что: «Длина жизненного пути каждому отмерена Богом, а ширину каждый определяет самостоятельно», этими воспоминаниями она сама стала расширять границы своей жизни...

И в итоге была полностью солидарна с Иосифом Бродским:

«Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.

Только с горем я чувствую солидарность.

И пока мне рот не забили глиной,

Из него раздаваться будет лишь благодарность»...

Слава Тебе, Боже, во веки! Слава Тебе за каждый шаг жизни, за каждое мгновение радости, за каждый вздох грусти моей, за тайные и явные милости Твои...

## ЖАСМИН, ЗАЧЕМ ЦВЕТЕШЬ?

В зрелом возрасте она нашла свою формулу жизни. На вопрос: «Что такое жизнь?» — Она бы ответила так: «Это когда каждую весну на деревьях распускаются почки, и ты это видишь»... — «А что такое счастье?» — «Когда ты этому искренне радуешься».

Ах, как нежно пахнет жасмин! Этот совершенный в своей безыскусной простоте цветок. Вдыхаешь аромат его — еще, еще и еще раз! — и невозможно не изумиться тому изяществу запаха, который он источает. Белые лепестки его уже опадают на землю, и так жаль, что еще одно лето уносит это дивное белоснежное цветение и этот упоительный райский запах.

Сколько вечеров она собиралась поставить букетик жасмина на ночь у своей кровати, и столько раз ей было жаль прерывать его такую недолгую жизнь. Утром в вазочке могла оказаться жалкая поникшая веточка. И еще — ей казалось, что ночью, надышавшись божественным ароматом цветка, ей просто не захочется просыпаться и жить дальше. Не захочется возвращаться в созданный для человека, а и для человека ли, этот жесткий мегаполис, где люди словно забыли красоту природы и стали поклоняться технократическому молоху.

Иногда среди дачных забот она замирала возле наполненной теплой дождевой водой бочки. На поверхности ее плавали белые лепестки и желтые пестики жасмина. Листочки как малюсенькие яхточки еще продолжали жить, кучечкой, как у причала, сбиваясь у бортика бочки.

«А бывает и чай с жасмином, — подумала она. — Недавно заказывала в кафе, беседуя там с одной корреспонденткой. Может, стоит собрать, высушить и тоже смешать с чаем?»

Но рвать то, что еще цветет — рука не поднимается, а с земли собирать — мороки много, а лепестков — не очень. Пусть уходят в Лету, как и все красивое и живое. Может, оно потому и красивое, что редкое. Как сирень. Две недели буйного буйства благородных кистей — здесь тебе и махровые фиолетовые, и крупно белые, и редкие звездочки на неярких, слабых веточках бледно-сиреневых соцветий — а потом — бац — и нет сирени! Отцвела. Так же как и жасмин, она царит недолго и плохо выносит вазы. Словно намекает: не я к вам приду, а вы ко мне. Идите в кущи мои и дышите, дышите, наполнитесь моими нежными ароматами, мне не жалко. Только будьте добрее к нам — цветам, травам, лугам и рощам, потому что мы источаем к вам любовь. Поучитесь и вы у нас и у нашей матушки Природы.

...Вечерами она подходила к этим дурманящим кустам, смотрела на темное чистое небо, на крупные мерцающие звезды, чувствовала босыми ногами еще теплую мягкую траву и понимала, какой малюсенькой былинкой создал ее Господь. Но он вложил в нее бессмертную душу. И когда-то заберет ее, а что получит вместе с нею? Какой отчет выдержит она перед своим Создателем? Что скажет ему в оправдание бренности, а порой и никчемности своей жизни?

Есть у нее любимая молитва о детях, где присутствуют такие слова: «Соделай, Господи, да не увидим мы в них себе бесчестия и посрамления, но честь и радость. чтобы умножилось ими Царство Твое!». Эти строки что-то

выжигали в ее материнском сердце, и оно сжималось от любви к своим детям, и за то Благо иметь их, которое ей подарил Ты, Наш Господь.

Трава под ногами немного остывала, уже холодила кожу, а она представляла себя между небом — этой огромной Вселенной над нею, и землей — планетой, которая под нею. И там внизу не только корни растительности, а также подземные воды, но и дальше — глубже, глубже — уже огненная лава, магма. Она творит свою работу миллионы лет и выдает «на гора» этот необыкновенный земной рай. Его может ощущать каждый, кто только чувствует себя частицей природы, ее добрым животным, деревом или цветком, но не господином.

...Приехал муж — вот он идет по дорожке в белом костюме — усталый, до красноты обгоревший на вчерашней рыбалке, но довольный. Он сегодня подписал «в свет» свой сборник, а сейчас несет три «сигнальных» экземпляра.

Жена берет в руки один из них — и ее сердце замирает. Из глаз непроизвольно катятся слезы. «Услышь меня! Я рвусь к тебе...» Читает знакомое название. Немаленький плотный томик содержит столько новых знаний, пронизан мыслями и о вечном, и о бренном... Сколько раз она слушала, читала и перечитывала удивительные страницы, столько раз поражалась, какое богатство заключено в этом сборнике.

«Твоя жизнь прожита не зря», — сказала она мужу, и он согласно кивнул в ответ. В ней тоже была огромная радость — и от того, что она была свидетельницей его провидческого дара, и от того, что зажжена еще одна большая свеча, помогающая людям выбраться из темноты бытия и возжигающая в них новые светильники жизни.

Она часто думала, что не одна задает себе такие вопросы: «Кто я? Почему именно мне из миллиардов вариантов дана жизнь? Что должна я в ней сделать? Как мне состояться — по какому — по земному, или по небесному исчислению? Что мне оставить после себя — дворцы, хижины или пепелища? Кто я — для окружающего народа — пепел или алмаз? Учитель? Воитель? Былинка в мироздании? Но ведь и былинка для чего-то нужна. Что ждут от меня там, наверху? Что из заданного я сделала, а с чем не справилась совсем? И где границы мне дозволенного? Или их должна установить я сама? Где начинается моя юрисдикция? И до каких времен я буду испытывать свою судьбу? Либо она — меня? Как жить, если ты не ведаешь своего предназначения? Если ты и готов выполнить волю Божию, но не знаешь ее?

И ты, такой прекрасный и ароматный жасмин! Что мы спрашиваем его — зачем цветешь? — Разве не ясно — чтобы еще ярче подчеркнуть: все создано Богом и все — во славу Его!»

## КРАСНЫЙ БОР

В детстве была она маленькой и слабенькой. В этот период умерла от туберкулеза легких сестра ее мамы. Всем сделали «пирке» и у Наташи выявилась положительная реакция. Маме предложили отдать дочку на год в санаторно-лесную школу «Красный бор». Так что для нее, восьмилетней застенчивой девочки, второй класс начинался именно здесь.

Ей очень не хотелось туда ехать — терпеть не могла казенные детские учреждения! До этого она постоянно уходила домой из детского садика, ни дня не пробыла там до конца смены. То после обеда сбегала, а то и сразу после завтрака. Мать не знала, что с дочкой делать. Что ни делай — она все равно сбежит. А как она плакала — нет, они ревом ревели вместе с подругой Ольгой, когда их после первого класса отвезли в пионерский лагерь. И при первом же посещении их Наташиной мамой, которая привезла девочкам вафли, печенье и карамельки, и надеялась, что им тут хорошо, что они здесь организованно отдохнут, девочки-подружки устроили такую битву за свою свободу от этого противного лагеря, что она вынуждена была забрать их из него вместе с несъеденными карамельками.

А осенью Наташу ожидало такое непосильное испытание — целый год жить вдали от родного дома. Для матери это было удобно и хорошо: за ребенком следят, кормят, лечат, а для нее — ужасный стресс. (Именно поэтому в будущем при всей ее чудовищной занятости она никогда не отдавала своих детей на популярные тогда пятидневки).

Санаторно-лесная школа была в двенадцати километрах от областного центра, в котором жила их родственница Варвара Ивановна. На окраине города был ее маленький деревянный домик со многими пристройками и большим старым садом. Там росло много кустов крыжовника, «райских» яблонь и слив. Сама тетя Варя была очень полной и добродушной женщиной.

К ней они с мамой и пожаловали в канун Наташиного прибытия в школу «Красный бор». Мама рассказала тете Варе о предстоящих изменениях в жизни дочери, и наутро они покинули этот гостеприимный дом.

И вот школа. В большом красивом хвойном бору. Маленькие уютные корпуса. Все чинно и чистенько: домики покрашены свежей краской, спальни беленькие, а ночью горела лампа с синим светом — чтобы детям не страшно было спать. Хорошие дети и спокойные воспитатели — ни одного плохого слова нельзя сказать про эту школу. Но, как же Наташа, будучи там, мечтала вернуться домой! Ни новые подружки, ни новая обстановка не могли отвлечь ее внимание от дома.

Дома все хуже — но ты дома, среди родных, рядом с любимой мамочкой. Без нее она не могла прожить ни дня. И не баловала мама дочку, нет, наоборот, загружала по полной программе, но мама — как солнце — каждый день была рядом, и девочка была счастлива!

С первого дня Наташа стала замышлять побег. Долго искала напарницу. Нашла. Тайно они вынашивали время и маршрут побега. Катя тоже скучала по дому, по младшему братику, ей до слез хотелось к этим теплым, родным людям. Наконец, этот долгожданный день наступил. Был октябрьский теплый вечер. После ужина их вывели на прогулку, и дети затеяли игру в прятки. Шаг за шагом, дерево за деревом — все дальше они удалялись от санатория и все ближе к трассе. Неожиданно Катя отказалась идти — испугалась неизвестного пути. Наташа подумала: «А мне-то отступать некуда. Решили — так решили».

## ПОБЕГ

Она шла по дороге в сторону города и дошла до остановки автобуса. Солнце уже всюду катилось к закату, еще чуть-чуть и наступит темнота. Девочка стала ждать. Вскоре на ее счастье автобус появился, остановился, и она взобралась по ступеням. Тетка-кондуктор громким голосом скомандовала:

«Девочка, покупай билет!»

Денег не было, и она, покраснев, тихим голосом сообщила об этом кондуктору. «Тогда вылезай, — приказала кондукторша. — Зайцев мы не возим».

Автобус остановился, она сошла. И двинулась вслед за ним. Немного прошла, как солнце, завершив свой дневной оборот, село, закатилось за высокий сосновый лес, и темнота окутала все пространство. Девочке стало жутко. Дорога вилась сквозь лес, изредка мимо нее прошмыгивали легковые автомобили, но она не просила их подвезти. Да и не умела это делать. И еще что-то ее удерживало от этого шага. Возможно, опасение того, что взрослые расспросят, откуда она, такая маленькая, идет и куда, и повезут ее обратно сдавать в лесную школу...

Шла она долго, ориентировалась на огоньки машин и старалась не смотреть по сторонам, на темный и высокий лес, который казался ей каким-то сказочным чудовищем. Когда что-то мерещилось со стороны леса, она закрывала глаза, вся сжималась в комок от страха и только ускоряла шаг. Шаги ее эхом отдавались в ушах, казалось, что кто-то топает в унисон с ней сзади, было до ужаса страшно оборачиваться... А она и не оборачивалась, чтобы до конца не испугаться, если вдруг увидит кого-то чудовищного... Просто просила мамочку услышать и защитить ее.

К городу она подходила, когда уже была полная луна и многочисленные огни освещали улицы.

Села на какой-то трамвай, покупать билет никто не требовал, скорее всего посчитав, что она едет с кем-то из взрослых.

Как она нашла домик тети Вари — до сих пор неразгаданная тайна. Ведь была у тети Вари всего один раз в жизни и то — с мамой! За дорогой не следила, адреса (почтового) не знала... И нашла этот домик! Отгадкой может быть только какой-то природный инстинкт, как у животных, которые отыскивают свой дом даже за сотни миль. Но там «свой» дом, а здесь чужой, в котором она ночевала



всего лишь одну ночь.

В полночь она позвонила в звонок на калитке.

В окошке загорелся свет, и тетя Варя встревоженно спросила: «Кто там?» — «Это я, тетя Варя», — ответила смущенная девочка. — «Кто ты?» — не узнав ее голоса, спросила старушка. — «Наташа». — «Сейчас открою».

Тяжелой походкой, оставив открытой настежь дверь на веранду, чтобы свет освещал ей путь, тетя Варя прошествовала по дорожке к калитке и, открыв ее, спросила: «А где же мама, Наташа?» — «Она дома» — «Почему ты одна?» — «Я ушла из школы» — пришлось признаться Наташе. — «Как ушла? Сбежала?» — «Да» — «Проходи. Попьешь чаю, я тебя спать уложу. Как ты одна добралась? Не представляю. И как меня нашла? Вот какие теперь современные дети», — вопрошала и приговаривала тетя Варя.

Девочка была счастлива. Была счастлива и утром, когда сидела за столом перед красивой старинной чашкой, серебряной ложечкой ела янтарное крыжовничное варенье из хрустальной вазочки и болтала ногами. Мама любила тетю Варю, и она чувствовала себя здесь совершенно защищенной.

Первыми остановились ее ноги. Они почему-то перестали радостно болтаться. А дело в том, что они первыми почувствовали опасность. Кто-то позвонил в калитку. Тетя Варя прошаркала по дорожке, накинув на плечи старый плащ, и через мгновение в окне показался знакомый платок в красно-зеленую клетку. Это был платок ее воспитательницы. Тут же открылась дверь, женщина негодующим взглядом окинула девочку, и стала рассказывать растерянной тете Варе, какой плохой ребенок сидит у нее за столом.

...Весь вечер и всю ночь коллектив школы с привлечением солдат соседней воинской части разыскивал беглянку, освещая густой и высокий сосновый лес прожекторами. И только утром, допросив Катю, узнали о побеге. Стали звонить маме и осторожно выпытывать, не оказалась ли ее дочка каким-то чудом дома. Поняв, что ребенка там нет, стали расспрашивать, кто из знакомых живет в ближайшем городе. Они — деликатные люди! — не огорошили ее сообщением о пропаже.

Вот каким образом воспитательница объявилась здесь и нарушила всю идиллию. Девочка пыталась спрятаться за шкаф, в кладовку — все тщетно. Железной рукой, как наручниками, она схватила Наташу и, не отпуская ни на миг ни в трамвае, ни в автобусе, повезла обратно в санаторий.

Там ее долго журили все преподаватели, директор пообещал твердую «двойку» по поведению, вызвал в школу маму. Мама приехала, охала-ахала, ругала дочку, обещала дома как следует выпороть, но Наташа втайне всему радовалась: наконец-то мечта сбылась — ее забирают домой!

Когда ее искали всю ночь, боялись, что девочку задрал волк, но и в мыслях не было, что ее мог похитить и над ней надругаться какой-то злой человек.

## БЫВШЕЕ ПОРЕЧЬЕ

Надо хоть немножко рассказать о ее родном городе. Сейчас это небольшой провинциальный городок, а когда-то сама царица Екатерина вторая, побывавшая здесь, присвоила этому местечку статус города и повелела назвать его «Поречьем», так как находился он на слиянии двух рек — Гобзы и Каспли. Названия нерусские, так как и сам городок в далеком прошлом относился к польским шляхтичам, а затем к литовскому княжеству. Несколько раз он переходил у них из рук в руки. Но в 1654 году поречьские земли были присоединены к России, их отбили у ляхов русские воины, чтобы усилить Московское государство и отодвинуть свои границы подальше от столицы — ближе к Западу. Причем граница между этими враждующими соседями шла как раз по реке Каспля. Река была широкая, полноводная, по ней двигались баржи и перевозили в Ригу дубовые доски, пеньку, веревки из конопли (потом из них мастерили корабельные канаты), зерно, стекло, гончарные изделия, и много других полезных вещей. В городе была большая торговая пристань, на ней и происходила разгрузка-погрузка этих товаров. До сих пор сохранились кирпичные руины от здоровенных амбаров.

Здесь был крупнейший в крае стекольный завод, на котором изготавливалась «лучшая посуда» и литое стекло. Было четыре винокуренных завода, писчебумажное и ткацкое производства. Действовали семь кирпичных и восемь гончарных заводов, шло судостроение. Словом, работа здесь кипела! И управляли этим такие знаменитые люди, как боярин, дипломат А. Ордин-Нащокин (он удачно для России подписал мирный договор с Польшей), дворяне Гедеоновы, Нелидовы, Рачинские, Пржевальские, Огонь-Догановские, Глинки, Белавенцы, Энгельгарты, Лесли. Большинство из них хотя и имели польские корни, но они внесли огромный вклад в развитие предпринимательства, культуры и сохранение территории России.

Бывали в жизни города и другие значительные моменты. Они были связаны с прибытием сюда царствующих особ. Поречье посетили и Николай I, и Николай II, и обе Екатерины (в разное время, естественно), и граф Орлов, и царевич Алексей, в последствие дворцовых интриг убиенный в молодом возрасте. С чего бы этим вельможным людям здесь быть? Что тут особо примечательного? Ответ прост. Желая посетить европейские страны, где у них, как водится и ныне, было много родни, они часто выбирали речной — как более комфортабельный — путь. И тогда эти речки Гобза и Каспля попадали в систему их водного передвижения. Это был путь «из варяг в греки».

В городе было много больших храмов (один из них имел даже фарфоровый иконостас), где могли помолиться путешественники. Сейчас из больших соборов жив только один — Успения Пресвятой Богородицы. А от того иконостаса остались маленькие фрагменты. Был здесь и огромный красивый парк, вальяжно спускающийся к широкой реке. Даже свой монетный двор в Поречье был!

Словом, этот город входил в дворцовую волость — так назывались наиболее притягательные и богатые территории, принадлежащие царю и его окружению.

Но и войны не щадили этот дивный городок. Мало того, что русские, белорусы, литовцы и поляки сражались за него. Так и во время войны с французами (1812 год) три недели здесь стояли наполеоновские войска. Сожгли сотни домов, увезли с собой кучу добра, изнасиловали многих молодых женщин. Долго потом Поречье залечивало эти раны. Дворяне восстанавливали свои разрушенные усадьбы. Возводили новые дома, в том числе и для фрейлин царствующего двора. Странно, но здесь был и до последних времен сохранялся дом фрейлины императрицы Александры Феодоровны, которую в канун Первой мировой войны посещал смутьян и любимчик царицы Григорий Распутин.

...Потом здесь гремела гражданская война, за ней революция, в которой особой жестокостью отличался большевик Яков Демидов со своими подельниками. Много горя принесли они мирному населению, не желавшему кровавых перемен. За это мятежники убили Демидова вместе с другими членами уездного чрезвычайного комитета. В память об убиенных большевиках коммунисты переименовали старинный город Поречье в... революционный Демидов. И сразу он стал как-то угасать. Грустно, что так получилось, многие горожане этим недовольны, но такое имя он носит и поныне.

...Город выдержал испытания Великой Отечественной войной, вынес большие страдания — 800 дней и ночей район был оккупирован фашистами. Уже в середине июля 1941 года немецкие войска заняли эту территорию. Тысячи земляков полегли на полях сражений. Тысячи калеками вернулись домой — к сожженному или разрушенному хозяйству. Стали налаживать мирную жизнь, проходившую в напряженном труде. Но тут последовали новые бедствия, уже с хрущевскими реформами и его борьбой с личным подсобным хозяйством. А по сути дела именно огород, поле, домашний скот были единственными кормильцами людей во все трудные времена, впрочем, легких времен в России, кажется, и не бывало.

...Город понемногу восстанавливался, разумеется, не в прежних, царских, объемах, но люди латали свои хаты, поднимали осиротевших детишек, не щадя сил работали на сохранившихся чудом заводах. А потом гидроэлектростанции стали уводить воду на другие нужды, реки обмелели, люди обеднели, производство упало. Все это довершала горбачевско-ельцинско-путинская перестройка-перебранка-перелицовка... Не знаешь, как это и назвать, чтобы правильно донести их роковой смысл до потомков.

Разворачивая эти картины в своей книге, Наташа вспоминала и о том, что в 1921 году здесь родился и рос в младенчестве до 1925 года славный мальчик — будущий великий актер и клоун Юрий Никулин. Ее и его дома оказались по соседству. И это обстоятельство имело свое значение в ее судьбе. Но об этом она расскажет позднее — когда жизнь столкнет их в своем непредсказуемом сценарии. Словом, всему свое время.

## БАБУШКА И ТЕТЯ КСЕНЯ

Однако вернемся в годы ее детства. Итак... Она расскажет то, что вспомнит. Ее детские приключения продолжались.

А начались они еще в нежном возрасте, от трех до шести лет, когда девочка жила вместе со своей бабушкой, с добрейшей и кроткой женщиной. Бабушка Прасковья Николаевна была невысокого роста, средней комплекции, с гладко зачесанными темными волосами, забранными сзади в пучок. Но лицо ее, глаза были такими внимательными и добрыми, что люди моментально попадали под ее обаяние. Такой же была и мама девочки. Еще с ними жила бабушкина младшая дочка Ксения — высокая, стройная, рыжеволосая, с густой косой через голову. Тетя Ксения запомнилась тем, что очень больно хватала их с Ольгой — Наташиной двоюродной сестрой — «за пейсы» — так Ксения называла детские пышные волосы, и еще больнее выкручивала им уши. Делала она это, конечно, не каждый час, но скорее всего каждый день, потому что это особенно ярко запомнила и Ольга. Кузина была всего на три года старше Наташи, но тоже часто гостила у бабушки, и тогда девочки вдвоем озорничали. Бабушка только вздыхала, а вот тетиксенина узкая и длинная рука настигала девчонок, и тогда... было очень-очень больно! Может быть поэтому, когда Наташа вырастет и будет в своих молитвах поминать всех усопших родственников, она нет-нет да и пропустит рабу Божию Ксению. Непроизвольно.

Тетя Ксения вышла замуж за такого же высокого, белобрысого Ивана. Никаких подробностей в памяти у девочки не осталось — ни сватовства, ни свадьбы.

Потом тетя Ксения с Иваном стали жить отдельно, но однажды тетя вернулась в бабушкин дом, и девочка помнит, как пришел Иван и стал избивать свою жену, неистово бил сапогами по грудной клетке. Наташа испугалась, спряталась за печку и оттуда с ужасом выглядывала. В ее семье никто никогда никого из взрослых не бил, только дети иногда дрались, а тут такое! Чтобы поддержать тетю Ксению, она стала усиленно кричать из-за печки: «Не трогай ее! Не бей ее! Я все бабушке расскажу! Уходи от нас!» Она не знает, помогли ли эти вопли, но вскоре он ушел. Где была бабушка в тот момент — неизвестно.

После этого тетя заболела туберкулезом легких и лечилась домашними средствами — на подоконнике всегда стояли зеленые бутылки с какой-то дрянью — девочке так казалось — и тетя Ксения в ложечку наливала ее. Как-то разок дала и племяннице попробовать. Было приятно. Бабушка сказала, что это было алоэ с медом и водкой. Так она впервые попробовала водку. Закружилась голова, и внучка стала бабушке показывать, как она кружится, кружась по комнате.

Тетя Ксения родила дочку — беленькую, как Иван, и слабенькую девочку Анечку. Наташа и Оля с опасением подходили к ней, а тетя Ксения требовала вообще даже не приближаться к ребенку — так она защищала ее от шалостей

старших девочек. Вскоре «тетку Ксеньку» (так сестры звали ее между собой) положили в больницу, она там была долго-долго... А загадочная белая девочка, видимо, оставалась у Ивана.

Когда они уже стали взрослыми, мама рассказывала, что Ксении надоело лежать в больнице без всякого улучшения здоровья, и она стала проситься домой. Врачи не давали особых надежд на выздоровление, и Наташина мама приехала за своей сестрой. Но как только Ксения переступила порог больницы и глотнула свежего воздуха, она сразу же упала без чувств... И умерла! Тут же — на пороге между волей и неволей! Она умерла в 32 года от туберкулеза легких. Умерла ровно в день рождения своей двухлетней доченьки.

А что же беленькая Анечка? О ней разговор впереди.

Главной воспитательницей Наташи была бабушка — Прасковья Николаевна. Мама жила отдельно — поближе к работе, и приходила к ним только на выходные. Приносила гостинцы, беседовала с бабушкой, выспрашивала о дочкином поведении. Бабушка хоть и была к внучке жалостливая, но нет-нет, да и проговаривалась дочери о всяких внучкиных проделках. Тогда мать брала ремень и тут начиналось... Она бегала за дочкой, а та с ревом убегала, пряталась от нее, где только придется. В итоге на улице все знали: как воскресенье — так у девочки порка. Большая или маленькая — это зависело от обстоятельств. До сих пор у нее осталось это «родовое» чувство: если ребенок не слушается, хамит, дерзит, портит игрушки, требует невозможного — ему надо дать хорошего ремня. Может, это и непедагогично, жестко, но ее маленькая попка помнила те порки, а душа не скорбит о них, а ...радуется! Кнут и пряник еще никто не отменял. Нельзя вырастить хорошего человека на одних пряниках!

...Бабушку, мудрую, добрую, любили все — родственники, соседи. Она часто ходила в церковь. Тогда бабушка надевала на Наташу вельветовое пальто пурпурного цвета, пристегивала белый кружевной воротничок, заплетала косички, а на них прилаживала беретик. Девочка смотрела в зеркало и видела там себя совсем другую — просто картинку. Бабушка водила внучку в церковь и упрашивала тихо простоять всю службу. Наташа помнит, какие дивные в церкви были иконы, и как с них на нее взирали строгие лица. Потом она подолгу смотрела на кого-нибудь из святых, и ей казалось, что лицо того добрело к ней. Тогда она ему улыбалась и смущенно пряталась за бабушкиную юбку.

Больше всего ей нравилось причащаться. Батюшка протягивал маленькую ложечку с чем-то вкусным, и это вкусное еще надо было запить теплой сладкой водичкой и кусочком просвирки. Просвирки у них дома были всегда, и бабушка давала их со святой водой, особенно часто, когда заболеешь. Но смиренно стоять в церкви, как того требовала бабушка, было трудно, поэтому иногда она оставляла внучку одну дома. И тогда начинались новые приключения.

## ДЕНЬГИ ИЗ РИДИКЮЛЯ

Из ее самых неприятных детских проступков был такой. Однажды (ей было 5 лет) соседский парень (ему было в то лето 14) сказал девочке: «Я расскажу твоей мамке, как ты вон тот стог сена подожгла. Представляю, как она тебя отлупит».

Ничего она не поджигала, да и стог тот спокойно стоял. Но мама, навещая каждое воскресенье дочку с бабушкой, считала, что просто обязана наверстать упущенное воспитание и самый простой, быстрый и доступный путь — это ремень.

«Коль, ну пожалуйста, не говори ничего моей маме», — захныкала она. — «Ладно, не скажу, — согласился он, — если только ты возьмешь из тетиксениной сумки бумажки и отдашь их мне».

Она подставила стул и залезла в старинный ридикюль, висевший в спальне на стене. Там действительно были разноцветные бумажки. Отнесла их Коле: «Эти?» — «Да. Есть еще?» — деловито спросил он. — «Есть». — «Давай неси сюда».

Она снова залезла, вытащила все и отдала. Радостный Колька ушел, она тоже пребывала в хороших чувствах — ремень ей уже не угрожал.

В воскресенье приехала мама, сказала сестре, что едет в командировку и принимает заказы на покупки. Тетя Ксения сняла свой ридикюль и ничего приятного там не обнаружила. Денег в сумке не было. Они все оцепенели от жути: кто выкрал деньги?

«Дочка, ты брала деньги?» — строго спросила мать. — «Нет», — глядя на нее честнейшими глазами, ответила девочка. — «Смотрите, на стуле даже песок от ее сандалий!» — воскликнула тетя и бросилась драть племяннице уши — ее любимое наказание.

«Почему ты врешь?! Ты взяла деньги!» — наступала мать. — «Мамочка, я знаю, деньги брать нельзя (для нее деньгами были только монеты), я денег не брала, взяла для Кольки только бумажки!» — «Для какого Кольки?» — замерли сестры.

Пришлось все рассказать. Они выглянули в окно, увидели стог сена — живой и невредимый — подивились детской глупости и втроем отправились к Кольке. Дома его не было, а Колькин дед упрямо твердил, что никаких денег у внука не видел, и на такую подлость тот не способен.

Несолоно хлебавши, огорченные до слез, сестры вернулись домой и всю накопившуюся злость они выместили на девчонке. Одна — ремнем, вторая — выворачиванием ее ушей и дерганием за волосы. Причем возвращались к экзекуции несколько раз.

Только она отойдет от ора и боли, как они принимаются вновь. Тетя Ксения очень любила драть ее за волосы — это ужасно больно. Это специально сообщается тем, кто не подвергался в детстве подобной пытке, и Наташа очень

просит не применять этот прием к своим детям — они запомнят навсегда.

Потом Кольку увидели в новых кожаных желтых ботинках и на новом велосипеде, но он все равно все отрицал. Как и дед его. Даже бабушка стыдила его, сообщая о пытках над внучкой, но разжалобить Кольку не удалось, и деньги пропали окончательно.

...Пройдет лет двадцать, и Наташе будет суждено снова встретиться с Колькой на похоронах его бабушки. Это произошло случайно. Она навещала маму. Мать сказала, что завтра будут хоронить бабушкиного соседа (бабушки уж давно не было в живых — царство ей небесное!), а долг христианина велит провожать в последний путь знакомых. Словом, они пошли. У гроба стоял Колька. К этому моменту он жил уже в Коми и даже был начальником мехколонны.

Девушка не упустила случая подойти к нему после похорон и сказать о том, что помнит его подлость (надо прощать, конечно), как он через нее украл деньги бедной тети. Колька ухмыльнулся, кажется, покраснел, но не извинился. Бог ему судья!

## ВИШНЕВАЯ ДОРОЖКА

Были еще две большие порки, когда девочка в отсутствие бабушки стала угощать соседских мальчишек белым хлебом (свежим, с большими пористыми дырками) и свежим вишневым вареньем. На кухне она резала этот хлеб, щедро заливала его вареньем и через всю комнату несла к раскрытым окнам, у которых примостились ее друзья — на подоконнике торчали их локти и стриженные головы. Они дружно тянули в комнату голые руки и девочка едва успевала со своей работой.

Вернувшись из церкви, бабушка увидела печальную картину. Закрыв внучку одну в доме, она надеялась, что все будет в порядке. Однако деревянный, тщательно надраенный пол был залит дорожкой из вишневого варенья — из кухни до окон зала. Бабушка была щедрой, но не настолько, чтобы радоваться «вишневой дорожке». Она все рассказала маме. Методы ее воспитания и последствия для дочери вам известны.

Аналогичная история была и с тети-Ксениным лекарством. Тетя, борясь с туберкулезом, настаивала в темной бутылке сок алоэ, мед и водку — это было единственное снадобье, которое она принимала.

Бабушка ушла на рынок, друзья преодолели оконные проемы и были у девочки в гостях. На сей раз Наташа решила попотчевать их лекарством из бутылки. Тетя Ксения принимала его столовой ложкой, и она тоже наливала эту жидкость в ложку и вливала ее в открытые рты соседских ребят. Раз — по кругу, два — по кругу...

Когда бабушка увидела лежащих без признаков жизни вокруг табуретки ребят, ей стало плохо. Она решила, что все они умерли. А они не умерли, а опьянев от водки, просто заснули. Только увидев пустую бутылку, которая валялась рядом, бабушка все поняла. И облегченно вздохнула. Даже самое доброе сердце не удержалось бы от желания выпороть этого неугомонного ребенка.

Внучка была непоседливая. От ее активности была одна беда. Как-то мать на пятилетие купила Наташе новые туфельки. Счастливая юбилярша обежала всю улицу — похвастаться обновкой, и домой явилась в одном башмачке. Второй так и не нашли. В другой раз она обменяла на сливы свой велосипед. Велосипед взрослые потом вернули, но уже со сломанными спицами.

Помнила она и тот удивительный день, когда бабушка, мирно стряпая что-то на кухне, вдруг залилась слезами, зарыдала в голос (никогда так не плакала!) и ринулась к радиоприемнику. Оттуда неслись какие-то слова, но бабушка все рыдала, рыдала. И четырехлетняя внучка, заглядывая через дырочки в нутро радиоприемника, и с ужасом ожидала увидеть там что-то страшное. Но не видя ничего кроме запыленных ламп диковинной формы, никак не могла взять в толк, кто же это довел бабушку до такого отчаяния.

Потом она подросла и узнала, что в тот день умер Сталин. А когда еще подросла и узнала некоторые семейные истории, тем более не могла взять в толк, стоило ли бабушке так убиваться «по палачу»?!



## ВОСПОМИНАНИЯ МАТЕРИ

Уверена, что эта история жизни, записанная Наташиной мамой, будет полезной для будущих внуков и правнуков.

«Я родилась 23 февраля 1923 года в небольшом провинциальном городке Демидове. Надеюсь, что в недалеком будущем город вернет свое прежнее название Поречье.

Родители мои были простые мещане. Отец и весь их род занимались торговлей, мать была домохозяйкой. До революции слово «мещанин» было в почете. Мещане были ремесленниками, имели свои мастерские (веревочные, пошивочные, сапожные, пекарские) и занимались торговлей. После революции мещане стали изгоями, они с трудом устраивались на работу, к власти, даже незначительной, их и близко не подпускали.

Нас в семье было три дочери: старшая Мария, я и младшая Ксения. Когда родители поженились, то первое время жили с родными отца. Бабушка моя — мать отца, Евдокия, была суровой, властной и злой. Моя мама, долгое время терпевшая все обиды, оскорбления и издевательства свекрови, хотела оставить отца и уйти с двумя детьми в родительский дом. Тогда отец сам решил уйти от родителей, купил дом в обмен на зерно. Всей семьей переехали в него в 1924 году. С тех пор мы и жили в нем до начала Великой Отечественной войны.

Моя сестра Мария родилась в 1921 году. Когда ей исполнилось 8 лет, ее отдали в первый класс. Но не проучившись и полгода, девочка была исключена, потому как наш отец был репрессирован, находился в тюрьме и лишен избирательных прав. Только на следующий учебный год правительством был издан указ, что дети за родителей не отвечают, и Мария вместе со мной снова стала ходить в школу, в первый класс. После школы она поступила в медицинское училище, но, не окончив его, ушла, затем училась на курсах лаборанток молочного комбината. Работала по специальности на молокозаводе. Здесь и застала ее война.

В начале 1942 года Марию, как старшую в нашей семье, угнали в Германию. В Германии у нее был роман с военнопленным Николаем. Его уже освободили к тому времени из плена, и они на родине решили пожениться. Но буквально перед отъездом на родину, 8 мая 1945 года, когда они праздновали капитуляцию Германии, им в водку кто-то добавил отравы, и он скоропостижно умер. Вернулась она уже после войны, осенью 1945 года, а в марте 1946 года у нее родилась дочка Ольга.

Потом Мария вышла замуж за Кондрашкова Николая. От этого брака у нее родилось три сына: Михаил — 1954 года рождения, Сергей — 1957, и Владимир — 1959 года рождения. У каждого своя семья, а вот фамилии нашей Шейдины сейчас нет ни у кого. Многие считают, что эта фамилия еврейская, но я знаю со слов деда и отца, что у нас в близких коленах евреев не было. Может, где-то в 8–10 поколениях предки были евреями, но ведь и сам Иисус Христос тоже был еврей. И притом однофамильцев Шейдиных в период жизни моих деда и отца в

Поречье было множество, и все они были русские.

Младшая сестра Ксения родилась в феврале 1929 года. Она была очень симпатичная. Волосы золотистого цвета, глаза карие, с бледно-розовым румянцем на лице. Хорошо играла и на гитаре, и на балалайке. Окончила курсы операционистов по госбанковскому делу, и работала по специальности. 11 февраля 1960 года она умерла. У нее осталась дочка Анечка.

\*\*\*

Ранний период детства, который протекал в период НЭПа, был более благополучным. Мы были обуты, одеты и питались неплохо.

У отца была мясная лавка, где туши разделялись на много сортов и продавались. Он покупал скот у крестьян. Как обычно в те старые времена покупателями были знакомые и родственники, которые знали о честности отца, о его аккуратности и чистоте. Его девизом было: «Аккуратность — есть второй капитал», что передавалось и нам, его детям. После ареста отца в 1931 году, оставшись в пустом доме с нами, тремя детьми, мать нас не пустила по миру. Она стала искать работу, но найти что-либо подходящее не могла, везде получала отказ. Вся семья была лишена избирательных прав, в то время таких называли «лишенцами». И в праве на работу им было отказано. Спустя год-полтора ее приняли на работу в веревочную артель, там из пакли, расчесывая ее на ручной машине, плели веревки. Мать приходила домой вся в пыли, грязи, откашливалась этой черной пылью.

За этот каторжный труд платили так мало, что едва хватало на хлеб. За ним мы стояли в очереди с вечера, на холоде и в дождливую погоду, и в морозные ночи. Менялись по очереди, в основном это были я и моя старшая сестра. Отогреваться ходили в домик по соседству с хлебным магазином.

Когда я была маленькой, дом у нас был большой, деревянный, «пятистенка»: кухня отделялась капитальной стеной. Отопление печное, в передней была лежанка, а на кухне большая русская печь. Во время НЭПа мы хлеб не покупали, а мама сама выпекала его из хорошей ржаной муки, что привозил отец из деревни. Большие круглые буханки выпекались на поду по семь–восемь штук сразу. Ах, какой это был чудесный вкусный хлеб, и ароматные запахи его разносились по всему дому и двору. Бывало, мать отрежет краюху от большой буханки, положит на нее сливочного масла, и с каким аппетитом это уплетаешь! А еще в это время мы пекли пироги с картошкой (рубленной или толченой) и с капустой. Особенно они были вкусны во время Великого поста.

В доме у нас всегда был порядок и чистота. Обстановка небогатая, но все необходимое было, и это нас устраивало.

А вот когда после трех обысков и конфискации имущества мы лишились всего необходимого и самого главного — кормильца, — то наше уютное жилье превратилось почти в нежилое. Да так оно и было. Мы на зиму забивали дверь между жилой комнатой и кухней, так и жили на кухне до весны. Ведь дров не было, всю зиму ежедневно мы, девчонки (когда с мамой, когда и одни), ходили с саночками в ближайший лес, а это пять–шесть километров, там рубили тонкий хворост, привозили домой. Так и отапливались.

Спали все на русской печи, на которой была одна длинная подушка, и нас три детских головки и одна материнская покоились на ней. Бывало, проснешься среди ночи, горит коптящая лампада, а мать не спит, и слезы льются по ее щекам. Днем она как-то держалась, не показывая нам тоску от безысходности, а когда мы засыпали, она давала волю своим слезам.

Помню, как-то сразу после Нового, 1933 года дома из еды осталось одно ведро картошки и нескольких сухарей. Мать, перекрестив нас, ушла в деревню к знакомым, которые при отце, часто приезжая в город, останавливались у нас на ночлег. И всегда наши родители и накормят их, и чайком напоят. Мама в холодную зиму ушла пешком в деревню (это километров 30–35) и стала просить их помочь ей чем-нибудь прокормить детей. Уходя, она обещала нам прийти к Рождеству, но прошло уже больше недели, и наступило Рождество, а ее все нет. Мы сожгли остатки дров, в чугушке сварили последнюю картошку и съели ее. Сидели на печке, плакали. Ведь мы не знали, где мама, что с ней, жива ли она? И уже голод отходил на второй план.

Но вот открывается дверь, и в комнату заходит наш дядя, вернее, муж сестры отца. Увидев, что мы сидим на печи и плачем, а матери нет, он ушел и вскоре вернулся. Привез на саночках дров, принес хлеба, какое-то мясо. Но мы все равно продолжали плакать, так как не знали, что с мамой.

И только к вечеру пришла мать. Мы настолько были обрадованы, что даже принесенные ею подарки, какие-то сладости не могли так обрадовать нас, как само ее возвращение. И она нам поведала, где была, как хорошо приняли ее все наши знакомые крестьяне, как сами собрали всякой еды: картошки, хлеба, сала. И на следующий день все это на лошади привезли нам.

\*\*\*

И вот так, благодаря добрым людям, их отзывчивости на наше горе мы смогли выжить в те тяжелые и суровые времена. Точно так же в свое время и отец, и мать принимали всех, кто к нам приходил, хоть знакомый, хоть посторонний. Бывали дни, особенно предпраздничные, когда у нас ночевали по десять–пятнадцать человек. И всем находилось место, и все были накормлены. У отца был ведерный самовар, и любого человека он встречал чаем. Потому в трудную минуту и нам эти добрые люди помогли выжить. Делай людям добро, и оно обязательно добром отзовется тебе.

А о своей матери я скажу так: это была святая, или почти святая женщина! Царствие ей небесное! Это наш Ангел-хранитель.

Мне запомнился один случай, когда наша мама спасла человека от неминуемой смерти. Как-то поздно вечером в рождественские морозы мы уже ложились спать, мать вышла во двор принести охапку дров для следующего утра и вдруг услышала, как кто-то стонет и лезет на стенку амбара. Она в испуге прибежала в дом, закрылась и стала ждать, что будет дальше, так как подумала, что это вор. Но через какое-то время, набравшись храбрости, она вышла во двор и увидела возле амбара человека, лежащего на снегу. Она подошла поближе. Босоногий мужчина лежал и стонал, а рядом с ним стояли его сапоги. Поняв в чем дело, мама растолкала этого человека, помогла ему подняться и привела в

комнату. Ноги у него были синие, она их растерла и сказала ему, чтобы он лез... в печь — в комнате было холодно, а на печи спали мы вместе с мамой.

Наутро этот мужчина спрашивает, где он. Мама рассказала ему, как он очутился у нас, и принесла его сапоги. Оказывается, он изрядно выпил, шел в свою деревню, но, дойдя до нашего дома, разулся и, думая, что это печь, полез на амбар. Упал, не смог подняться и уже мог бы уснуть вечным сном, не оказись рядом матери. Как же он благодарил маму! Узнав, что мы бедствуем, привез нам мяса, сала, хлеба и картошки. И позже всегда привозил нам продуктов. Он говорил: «Это Бог меня спас, послав спасительницу». Вот такая была наша мама. В 1936 году, отбыв 5 лет в ГУЛАГе, вернулся наш отец, больной, изможденный. Накануне только что похоронили его отца — Павла Ивановича, он умер на 66 году жизни, бабушка Евдокия умерла чуть раньше его. Сколько ей было лет — не знаю.

Несмотря на то, что детство наше пришлось на самые тяжелые годы, однако протекало оно как-то беззаботно. Вроде и работать приходилось много, особенно в летнее время, но в свободную минуту мы непременно гуляли, ходили купаться, в лес, пели песни, водили хороводы и у нас во дворе устраивали домашний театр. Ставили пьески из сказок, декламировали стихи. Нашими зрителями были соседские дети, иногда приходили взрослые.

Когда пришел отец из ГУЛАГа, нам жить стало намного легче. Огород у нас был больше тридцати соток, где в основном выращивались огурцы и табак.

Каждую неделю огурцы вывозились на продажу в другие города. Обычно ездил отец и брал с собой меня или сестру Марию. Лошади медленно тянули обоз, а мужчины шли рядом. Нас же обычно привязывали к возу, особенно в ночное время, чтобы мы не упали. Так в течение суток добирались до базара и там распродавали товар. Обратное же ехали уже быстрее, налегке. Обычно в такие поездки отец брал с собой самоварчик на три литра, и на остановках кипятили чай и пили в прикуску с сахаром. Этот напиток был самым дорогим отцу, а затем уже и мы «пристроились» к чаю.

Так в течение лета родители зарабатывали на пропитание всей семьи. Выращенный табак тоже рубили тяжелыми сечками, высушивали его и продавали стаканами. И то втайне от милиции. Нельзя было. Как-то мать, когда еще отца не было, пошла (и я с ней) на базар продать табак, а тут откуда ни возьмись милиция, делает облаву на продавцов. Мама успела мне сунуть фартук с табаком, и ее забрали в милицию. Я вся в слезах пришла домой, рассказала сестрам, и мы все вместе пошли к зданию милиции, стали у дверей и плакали, чтобы нам отпустили мать. Но ее отпустили только на следующий день.

\*\*\*

Тяжелыми были и предвоенные годы, по-прежнему полуголодные и холодные. Огромные очереди были за хлебом и другими продуктами питания. В основном мы питались овощами, выращенными на своем огороде. Бывало, мать сварит большой чугунок картошки, поставит на стол, а рядом огромную миску с солеными огурцами и капустой. И как было вкусно, хоть и без хлеба.

На рынке крестьяне продавали зерно, но оно было очень дорогое, т.к.

колхозникам за их труд выставляли в табелях трудодни. А в конце года в лучших колхозах выдавали всегда по 100–200 г зерна на трудовой день. Все промышленное производство работало на тяжелую индустрию, товаров народного потребления почти не выпускалось, сельское хозяйство находилось в упадке. Все зерно, выращенное в колхозах, сдавалось государству, и только небольшая часть, необходимая для посева, оставалась в закромах. Как сейчас помню, в магазинах не было ни одежды, ни обуви, ни хозтоваров. Вот как жили «дорогие россияне» всего 70 лет назад.

Однажды по городу прошел слух, что в магазин завезли мануфактуру и вскоре ее будут «давать» (продавать). Народ к магазину повалил, как на демонстрацию. Очередь занимали заранее, хотя еще даже не знали, в какой день будут продавать. Пошла и я. Заняла очередь (мне было около 15 лет), двое суток «ходила в очередь». И днем, и ночью. И когда на 3-й день открыли ларек, то люди повалили к прилавку, ни глядя ни на очередь, ни на милицию, которая старалась остановить толпу. В эту мясорубку попала и я. Меня теснили со всех сторон, прижимали так, что вылезти из этой очереди не было ни малейшей возможности. Слезы потекли по моему лицу, и я закричала.

Тогда один милиционер помог мне протолкнуться к прилавку, и в ответ на сжатые в кулаке 30 рублей, покрытых потом, продавец отмерил мне десять метров ситца трех цветов. Чуть живая я вылезла из этого ада. А когда пришла домой, вся улица сбежалась смотреть мою покупку, и я была самая счастливая. К празднику Пасхи нам трем девчонкам сшили новые платья!

Окончив семилетку, я перешла в 8 класс новой средней школы № 1. Школа была двухэтажная, деревянной постройки, классы просторные, светлые.

Занимались мы во вторую смену, в каждом классе было учеников по 40 и более. И классов много, одних 8 классов было пять, остальных не меньше. Ведь эта школа была единственная в районе. Преподаватели у нас были очень хорошие, культурные, интеллигентные, еще с дореволюционным образованием.

В 1937 году почти всех наших преподавателей репрессировали вместе с директором школы Слобошевичем. В тот страшный год редко какую семью не постигло горе, когда уводили последнего кормильца. Моих двух двоюродных братьев сослали куда-то на Дальний Восток, и ни единой весточки не пришло от них, там они и погибли.

Когда научились читать и повзрослели, брали книги у одного инвалида с детства, у него была большая библиотека, и он нам давал читать. Помню, как мы еще подростками просили у него такие романы, как «Изъяны воли», «Опасные чары». Авторы этих книг я не запомнила, а читали мы по очереди ночами при маленькой коптилочке. Много и других книг читали, но эти запомнились особо. Уже будучи взрослой, хотелось перечитать эти произведения, но в нашей библиотеке их не оказалось.

В те довоенные годы у нас не было ни газет, ни радио, и только книги были нашими спутниками. И вот впервые в дом моей подруги провели радио. Черная тарелка начала говорить, и сколько народу со всей улицы собиралось, и все удивлялись, что голос слышен, а человека не видно.

Летом мы все вместе (здесь уже были и мои сестры Мария и Ксения), а также и другие девчонки с нашей улицы собирались возле нашего дома, рассаживались на двух скамейках, выносили гитару и играли — учились еще. А в праздничные вечера всей ватагой отправлялись в городской сад, там играл духовой оркестр и парами танцевали те, кто постарше. У нас, конечно, никогда не было денег, чтобы купить билет. Но сад был огорожен тесовыми досками, и наши мальчишки еще днем где-нибудь заранее отрывали доску и маскировали ее до вечера, и вход для нас был свободный. Мы, девчонки, обычно танцевали не на площадке, а рядом с фонтаном, вокруг него. До войны горсад доходил чуть ли не до реки Каспля. Там же рядом, прямо на берегу, стоял двухэтажный старый Собор, очень красивое архитектурное здание. Однажды и я с отцом побывала там на каком-то праздничном богослужении.

Тогда в городском саду проходили не только танцевальные вечера, но и часто приезжали артисты, ставили спектакли. Там была сцена и зрительный открытый зал. Помню, смотрели «Коварство и любовь» Шиллера и другие постановки. Зимой же спектакли ставились в доме Культуры (теперь музей). Народу всегда было полно. Мы же выпрашивали у родителей на билет копейки и покупали входные билеты без мест. Стоя в проходе или, если не удавалось купить билеты, смотрели в окна эти спектакли.

Был в то время и кинотеатр, помню, смотрели фильмы «Мост Ватерлоо», «Маленькая мама»... И всякий раз, выходя из кинотеатра, я говорила себе: «Вот буду работать и получать деньги, ни одного фильма не пропущу!»

\*\*\*

В 1943 году в сентябре, когда освободили наш город, мы вышли из леса, где мы прятались от немцев. Дом наш был сожжен нашими войсками при отступлении. И нам пришлось снять квартиру у одинокой женщины. Там мы прожили одну зиму, а на весну на пожарище начали строить свой дом: купили старый дом в деревне, подрубили и уже летом перешли туда жить.

С 1 февраля 1944 года я начала работать в МТС (машинно-тракторная станция) секретарем. Но прежде чем меня приняли на работу, я должна была вступить в комсомол.

Придя на работу, я узнала, что директора МТС на месте не было, и меня принял его заместитель — главный агроном Селюгин Семен Алексеевич — человек доброй души, внимательный, с большим юмором. Правда, у него был больной позвоночник, оттого ходил он согнувшись. Он просмотрел все мои документы и сказал, что меня возьмут на работу.

Вот так началась моя трудовая деятельность, окруженная хоть внешне и непривлекательными людьми, но вполне добрыми и внимательными.

Сама же я была старательна и дисциплинирована. Если у меня не было работы, я просила у главного бухгалтера дать мне какое-то задание. На газетной бумаге я чертила картотеку, а потом делали разноску по ней. Мое старание заметили, и меня перевели на место счетовода. На этой работе я долго не задержалась. Случилось так, что наш главный бухгалтер скоропостижно скончался (вскоре после окончания войны), и меня пригласили в райком и

предложили занять его место. Я долго не соглашалась, но секретарь РК сказала, что это временно, пока подберут другого человека.

Так и осталась я главным бухгалтером на всю жизнь. Уже все мои начальники, с которыми я начинала работать, ушли из жизни, на их места назначили новых. Так случилось, что где бы я ни работала, я была одним из лучших бухгалтеров в городе.

\*\*\*

Когда я работала в МТС, в ремонтной мастерской механиком трудился молодой интересный парень Дмитрий. Ему я очень нравилась, и для меня он был безразличен. Мы часто встречались, по вечерам ходили в кино, на танцы, просто гуляли, и так продолжалось более года. Для нас обоих это была первая любовь.

Но вот в мою жизнь неожиданно вторгся Николай. В доме его матери мы снимали жилье, когда оказались погорельцами. Там мы прожили около двух лет.

У нашей хозяйки было трое сыновей, все они были на войне, старший — погиб.

А младший Николай часто писал своей маме письма с фронта, а отвечать на них приходилось мне — по просьбе его матери.

После окончания войны мы переехали в свой дом, который уже был готов. Ксения устроилась на работу в госбанк. Я уже давно работала, а старшая сестра Мария еще находилась в Германии. Она приехала на родину осенью 45 года. Вот так мы начали обживатьсь.

Однажды, придя с работы домой, мать поведала мне о том, что какой-то симпатичный молодой человек приезжал к нам на велосипеде, долго сидел и разговаривал с родителями о минувшей войне, о жизни и прочих делах. Ничего не сказал конкретно, что ему нужно было. Через какое-то время он снова посетил наш дом, снова не назвал причину своего визита.

Однако мама интуитивно узнала в нем сына прежней хозяйки, хотя о себе он ничего не говорил. В третье свое посещение он дождался моего возвращения с работы, и здесь он уже рассказал, кто он и что за интерес он проявил к нашей семье. Оказалось, те письма, которые я писала на фронт от имени матери, заинтересовали его. Демобилизовавшись в 1946 году, он решил лично познакомиться с автором писем.

Как он признался, я ему понравилась, и он начал за мной ухаживать. Он поджидал меня, когда я шла домой, и провожал. Он ждал моей взаимности, но я сказала, что у меня есть парень, с которым я дружу, и изменять ему не собираюсь. На некоторое время он отстранился от меня, а я по-прежнему с Дмитрием проводила свободное время. В доме культуры проходили танцевальные вечера, собиралось много молодежи, возвращались из армии оставшиеся в живых парни, и все проходило очень интересно. Несмотря на то, что Дмитрий не танцевал, я никогда не имела недостатка в партнерах, однако домой мы шли вдвоем с Дмитрием.

Но это все продолжалось недолго. В очередной танцевальный вечер,

наблюдая за мной и видя, что Дмитрий не танцует, Николай торопился приглашать меня на танец и не отпускал в течение всего вечера. Когда заканчивались танцы, он просил разрешения проводить меня, но я видела, как страдает Дмитрий, и отказывалась. Николай не отступался, еще упорнее на вечерах не отходил от меня, пользуясь тем, что Дмитрий не танцует. Николай начал снова встречать меня с работы, говорить, что я ему очень нравлюсь и его матери, что он любит меня.

Мои встречи с Николаем стали все чаще и чаще. Зимними вечерами он поджидал меня с работы, мы шли к нему в дом, там всегда топилась печка-лежанка, усаживались возле нее, вели разговоры о будущем, строили планы, где и как будем жить. Между тем его мать угощала чаем с сухариками и как воспитанная в старых правилах старалась в наши разговоры не вмешиваться, удаляясь на кухню.

Итак, наши встречи продолжались на протяжении всей зимы, весны и лета. Я полюбила Николая, считая, что лучше его нет в мире никого, он это понимал и старался разжечь мою страсть и приблизить к себе не только духовно. Он объяснял мне в любви и говорил, что мы должны ближе узнать друг друга. Мой разум меня останавливал, а чувства были выше.

В тот день Николай приехал к нам на велосипеде и пригласил меня поехать с ним на пикник. У него была сумка с продуктами и какое-то красное вино. Погода была отличная, в тот год весна началась рано, деревья были одеты листвою, луга были покрыты молодой травой, птицы пели, все располагало к близким отношениям, что и случилось. На втором месяце я узнала, что беременна.

Мне было 25 лет.

В первую очередь сказала об этом Николаю, надеясь, что он будет доволен и предложит оформить наш брак.

\*\*\*

Мое сообщение он принял спокойно, сказал, что надо освободиться от этой беременности, так как он не готов к семейной жизни, что еще год ему надо учиться.

Можно себе представить, каково было мое состояние, после такой сильной страстной любви услышать от любимого человека — НЕТ! Это было как гром среди ясного дня. Я страдала, рыдала и думала, как можно было так подло поступить со мной! Ради него я оставила Дмитрия, который от горя чуть было не покончил с собой.

После этого мы долго не встречались. Я не искала его. Как ни любила его, как ни страдала, но унижаться и о чем-то просить его я не могла...

Такое мое состояние первой заметила моя мама. Она попросила рассказать, в чем дело. Я ей во всем призналась, и она стала меня успокаивать. Дескать, вот я пойду к его матери и попрошу ее воздействовать на сына. Я сказала, что ходить никуда не надо, что у меня тоже есть гордость.

Я решила взять перевод в другой город на эту же должность, тем более мне и раньше предлагали переехать в областное управление.



Мои родители, узнав о моем положении, не ругали меня, успокаивали и просили ничего не предпринимать, говоря: «родится ребенок, ты же сама в силах воспитать его без помощи отца».

В последнюю встречу, когда я была на второй половине беременности, Николай пришел ко мне и спросил: «Сделала ли я так, как он просил?» Я ответила: «Нет» и спросила, в чем причина его отчуждения?

Он мне сказал, что вместе с ним учился парень, и однажды он пригласил его поехать с ним к родителям на его день рождения. Николай согласился, и этот парень познакомил его со своей сестрой — Татьяной. Сидя за столом, Николаю якобы подливали водки, он пил и не помнит, как оказался на постели рядом с Татьяной. Из его слов, после той выпивки его так тянуло к ней, что и дня не мог прожить, не увидев ее. Он думал, что ему подлили в водку какое-то зелье, которое так на него подействовало.

Вскоре он женился на этой Татьяне. Когда мое начальство узнало обо всем, тем более о том, что я подала заявление о переводе, наш директор, присланный из Москвы, и секретарь партбюро стали уговаривать меня никуда не ехать, обещали мне дать квартиру и помочь, если я буду в чем-то нуждаться.

Директор вызвал Николая и предложил уйти с работы. Тот категорически отказался, говоря, что они не имеют права. Однако директор и секретарь ему прямо сказали: «Мы не можем терять такого главного бухгалтера из-за тебя». Подыскали ему работу и путем перевода освободили. Тут я еще раз убедилась, что этот человек был ничтожный.

Я родила ребенка, и утром мне принесли его кормить. Со слезами на глазах я благодарила Бога за то, что он спас меня и моего ребенка от убийства. Как счастлива я была! Ведь это дитя было плодом моей бывшей, но очень сильной любви.

После выписки из роддома первое время я находилась дома с родителями, а затем мне дали квартиру рядом с работой, мне было удобно приходиться кормить ребенка, тем более что мама была рядом. Весной матери надо было заниматься огородом, и я наняла няню — девочку шестнадцати лет, старательную, чистюлю. И моя дочь всегда была ухожена, накормлена и прямо на глазах подрастала. Я не могла нарадоваться на нее.

У Николая уже родился сын. И вот однажды в выходной день приходит он ко мне. Был теплый весенний день, моя девочка и я сидели на полянке возле квартиры, я что-то читала.

Я спрашиваю: «Что тебе нужно?» — Он молчит, глядит на ребенка и говорит: «Хотел на нее посмотреть».

Я отвечаю: «У тебя уже есть на кого смотреть. Ну, посмотрел — и иди своей дорогой». Он стоит, молчит, а затем говорит: «Меня такая тоска гложет, и ничего поделать с собой не могу».

Я отвечаю: «Что искал, то и нашел. Только зачем ты все это мне говоришь? Уходи!». Он ушел, а я подумала, как же счастлива, что судьба нас развела — так было угодно Богу. Николаю я никогда не желала плохого, только молилась, чтобы он понял, что он навсегда потерял любимую женщину и свою дочь».

Так закончилось это повествование, написанное рукой Валентины Ивановны — Наташиной мамы.

## ИСПИЛИ ЧАШУ ПО ПОЛНОЙ

...Еле-еле выкарабкались из всех этих бурных пятилеток, как началась война. Город, в котором жила их семья, оказался уже с июля 41-го под немцем. Что только они здесь ни творили: и дома жгли, и в Германию молодых девчат угоняли...

Много чего пришлось жителям города вынести: и полы девчонки мыли, и переводили с немецкого на русский (фашисты знали, что в здешних школах учили их язык), и в госпиталях работали — перевязывали страдальцам раны и, стоя по пояс в холодной воде, добывали торф из болота, сушили его. Однажды они опоздали вовремя — до комендантского часа — вернуться в свой барак, где ночевали, и немцы их арестовали, заподозрив в том, что они ходили к партизанам. Партизан фашисты боялись как огня. Что те предпримут в следующую ночь — никто не знал, и поэтому девчонкам пришлось сидеть в заточении и дрожать от страха: вдруг их расстреляют? Но Бог миловал, вовремя нашелся человек, подтвердивший, что «девки бегали к мамке», то есть домой, а не в лес, к партизанам. Потом и «мамка» пришла, узнав, что дочку с подружкой «заарестовали», стала умолять немцев отпустить на свободу «беспутниц».

Во всех семьях были свои проблемы и печали. У многих детей не было отцов — это частое явление, связанное с войной и неродившимися детьми от погибших парней. Крепкое семя полегло на ратных полях. Останки тех воинов находят до сих пор, хотя прошло уже более 70 лет. Вот какая тяжелая напасть пришла на нашу землю. Бабушка и Наташина мать считали, что эта война и такие потери были следствием того, что народ «забыл Бога», отстранился от Него, допустил святотатство, когда разрушали прекрасные храмы, украшающие их землю, жгли иконы, священные книги, люди срывали с себя крестики...

Для богомольного старшего поколения это было потрясением, они понимали, что теперь «жди кары Господней». Так оно и случилось. Пожарища, похоронки, голод, холод, изнурительная работа и унижения от фашистов — и без того несладкую жизнь людей опустили в эту адову пучину. И только тогда из уст даже безбожников стали раздаваться вопли: «Господи, помилуй!», «Боже, спаси нас!» То есть опомнились, умопомрачение стало проходить. И не только у простых страдальцев, но и в Главной ставке. Один старец попросил передать Сталину: «Церкви не вернете, священников из лагерей не выпустите — войну не выиграть». Так Сталину пришлось поступиться «принципами», что они сами — боги и не надо им никаких «конкурентов».

## БУДЕМ ЖИТЬ!

...Жизнь словно поставила своей целью загнать в «потемки» все мамино поколение. Но лучшего они не знали — и поэтому двигались по лабиринтам своей судьбы, как обреченные. «Надо жить? — Будем жить!»

Отец (Наташин дед) после освобождения из лагерей жил так же тихо и «культурно» — никогда не буянил, не матюгался, жену свою и девчонок не трогал. Горевал как-то больше внутри, агрессию свою не выплескивал. Туберкулез легких долго мучил его после лагерей на Беломорканале, а потом и вовсе победил — увел его в мир иной. Хотя отцу тогда было чуть больше пятидесяти лет. Его представления о чести, порядочности, крепком хозяйстве и богатой стране в тот период никому не требовались. Были даже лишними. С ними он и умер, как лишний порядочный человек.

Старшая его дочь Мария вернулась из Германии, но уже носила под сердцем дочь Ольгу.

И это были уже не первые испытания, выпавшие сестрам.

Как они не сломались? — Они упорно надеялись на лучшее, они верили, что это лучшее еще ждет их впереди! Так, видимо, действует сила внушения у каждого человека: он понимает, что с каждым рассветом тают дни его жизни, но уверяет себя, что следующий день будет лучше и ярче предыдущего. Только в этой вере он и черпает энергию своей жизни. Иначе — откуда она берется?

Бабушка тоже недолго продержалась в этой жизни без деда. Они любили друг друга, всегда поддерживали, хотя на людях нежных чувств не показывали. Не принято было, стеснялись. Жизнь тогда была построена на одном — выживании. А тут уж не до сантиментов. Лишь бы выдержать все испытания, сохранить свою веру, совесть и детей. А там как Бог даст.

Бабушка подрастила свою внучку Наташу, пока ее средняя дочка Валентина самоотверженно работала. Тактично отговаривала ее от замужества с вдовцом с двумя детьми. Наташина мать не послушалась, вышла за него, вступив на дорогу новых испытаний. А вскоре бабушка умерла, не дожив даже до 65 лет. Царствие ей Небесное! Это был преданный Богу, кроткий и беззлобный человек. Дочь Валя долго не могла смириться с этой потерей, такая сильная духовная связь была у них с мамой.

## АРЕСТ ОТЧИМА

После смерти своей первой жены Зины Илья Алимпиевич Чехов женился на Наташиной маме, имея на руках двух детей — 14 и 15 лет. Володя и Аня. Наталье же было всего шесть лет. Через год у мамы и отчима родился общий ребенок — Витя. Илья Алимпиевич был видным мужчиной. Высокий, стройный, с правильным красивым лицом и военной выправкой, он ходил в военной форме, и его хромовые сапоги всегда блестели. Он прекрасно пел и танцевал, мог это делать до упаду. Все уже просили «чуру», а он все приглашал и приглашал женщин потанцевать. После войны с мужиками вообще был дефицит, а тут такая видная партия. Мама была невысокого роста, с хорошей фигуркой, аккуратно и приятно одетая, всегда очень милая и доброжелательная. У нее были темные волосы, выразительные карие глаза и нежное лицо. Свое очарование она сохранила до конца жизни, и Наташа всегда удивлялась тому, что и в 90 лет можно быть такой красивой. Но это уже была глобальная внутренняя красота, напитанная добротой и верой, и именно она давала такой свет ее внешнему облику.

Мама с отчимом в целом ладили, надеялись построить счастливую жизнь, мать искренне верила, что все худшее уже позади, однако...

Отчим терпеть не мог Хрущева, он радел всей душой за Сталина, восхвалял его воинские подвиги, знал наизусть его высказывания, горячо одобрял ежегодное мартовское снижение цен — это вскоре после такой опустошительной войны! Никиту Сергеевича тогда многие не любили, но молчали о своей нелюбви к «кукурузнику», зато отчим активно распространял свое неуважение к власти: писал стихи, сочинял анекдоты.

В один осенний день Наташа вернулась из школы и увидела в доме полный разгром — оборванные обои, перевернутые ящики, разворошенные постели. Потом во внеурочное время прибежала с работы очень взволнованная мама и отправила детей к своей подруге — пообедать, сделать уроки. К вечеру молва разнеслась по всему городу: «У Чеховых был обыск, он арестован как американский шпион».

Допрашивали и Наташу. Дядька в мундире совал ей разные цветные карандаши и спрашивал, какие из них ее. Вечером он приходил к ним и, сидя на кухне за чаем, что-то тихо говорил маме. А она его вежливо, но настойчиво выпроваживала.

Отчим был арестован как враг народа. Что он понаделал как враг, никто не знал. И даже — что обиднее всего — даже не догадывался. Потом выяснилось, за что взяли этого человека. Кто-то донес, что он написал: «Никита — дурак», «Хрущ — самозванец», где бы вы думали? — В общественном туалете, где его и подкараулили. В последующие дни говорили, что на чердаке нашли радиостанцию, а в сене — золотые слитки.

Насчет сена ситуация была драматическая. Когда отчиму дали первое свидание с женой, он тихонько маме шепнул, что яблоки спрятаны в сене. Оперативники восприняли это как шифровку, тут же ринулись в сеновал, но riskовать собой не захотели: «Лезь первая», — говорят маме. Она: «Не полезу,

лезьте сами, если вам надо».

Тогда опера, посадив на сеновал ее дочку Наташу и наблюдая за реакцией жены арестованного, стали протыкать сено вилами, надеясь найти там оружие или еще что-то важное и секретное. В итоге прокололи все яблоки, которые отчим прятал от детей. Тут уже мама в слезах и сердцах готова была вилами понаделать дырок в их офицерских телах: пропала вся семейная витаминная заправка. Зато аромат антоновских яблок еще долго держался в сеннике.

В школе, в городе люди тыкали пальцами в детей, обзывали их по-всякому.

Некоторые знакомые отшатнулись от матери, а верные друзья остались — они игнорировали эту чушь. Райком потребовал от управляющего на маминой работе уволить ее — как жену врага народа. Но тот — а это был Юлий Иванович Чугунов — ответил, что жена за супруга не отвечает и что лично он не имеет права лишать коллектив такого хорошего главбуха, каким является Валентина. «Следить за ней, как бы чего не вышло, я приставлю особого человека. А если что произойдет — отвечаю партбилетом». Райком вроде не соглашался на такие рискованные условия, но и не давил. Так Юлий Иванович спас их многострадальную семью от голодной смерти.

Суд над отчимом был закрытым. Судья, следователи были из Москвы. Статья, разумеется, 58 прим. 10 (измена родине). Потянуло на 6 лет строгого режима.

Теперь они — мама и четверо детей — стали жить без него. Мама со своей зарплатой главбуха могла обеспечить большую семью только необходимым. Но мамины испытания еще продолжались.

## АНЯ

Как Наташа уже вспоминала, сестра мамы — Ксения — умерла ровно в день рождения своей двухлетней дочери Анечки.

В момент смерти матери девочка (до того мирно спавшая) вдруг заплакала, замахала бледными ручонками и стала звать: «Мама, мамочка!» Нянька, не знавшая о кончине Ксении, очень удивилась и встревожилась. А когда до нее дошло сообщение о ее смерти, она поняла: это душа матери прощалась со своим бедным ребенком.

После похорон родня и знакомые советовали Наташиной маме отдать племянницу в дом ребенка. «Не справишься, тебе всего тридцать пять лет, а у тебя и так четверо детей! Да и нельзя столько нагружать на одного человека, надорвется».

Послушав советы, ее мама поступила наоборот. «Бедную девочку нельзя отдавать в чужие руки. Не выживет. И так бледна, слаба, тиха, — подумала она. — Бог нам поможет».

...Вспомнила Валентина и рассказ уже ее матери о своем младенчестве. Валюша тоже была слабенькой. Долго — до двух лет — не ходила. И вот однажды ее мама, купив на рынке корзинку с малиной, поставила на пол в комнате, где в кровати спала дочка. Заглянув позднее в спальню, она застыла: возле корзины с раздавленной малиной лежала ее девочка, вся перепачканная ягодой и без сознания. Столько малины ребенок не мог съесть и не умереть! Но выславшись, девочка встала и уже на следующий день пошла своими ножками. Вот такая история произошла с Наташиной мамой в двухлетнем возрасте.

Мать верила, что спасет Аню, станет ей настоящей мамой. Так и растила: все дети — родные! Ласка — поровну, редкая сладость — поровну. Строго организовала семейный быт, всем раздав обязанности. Сама мама с девяти до девяти была на работе. Работа — главное, она — кормилица.

Аня стала жить у них. Ее все полюбили, привязались к этой черноглазой девчужке. А Иван? — Иван куда-то уехал.

## СЕМЕЙНЫЙ КАПИТАН

Вот тогда для разрядки ситуации мама и отвезла свою дочку Наташу в санаторно-лесную школу «Красный бор», где детей лечили и учили и откуда дочка так бесславно сбежала. Для маленьких детей пришлось взять няньку из деревни (за хлеб — было тогда такое понятие). Это значило, что деревня не могла прокормить даже сама себя! Разве не прав был арестованный отчим в своей оценке Хрущева?

Дети отчима притихли и никак не могли понять, за что на них все это свалилось: смерть матери, женитьба отца, мачеха, чужие дети, арест отца, маленькая слабенькая кроха — тоже Анечка — и деревенская нянька. Старшая в семье девушка (ее тоже звали Аня) оканчивала школу, училась «на медаль» и мечтала о пединституте. Ее брат Володя хотел в военное училище. Они уже переживали, удастся ли им из-за отца осуществить мечту. И не зря.

Прошло время, и родным детям отчима стало ясно, что ни военного училища, ни пединститута им не видать. Сын Вовка обозвал отца «сволочью», потому как «совсем о них не думал, революционер сраный». Но мать вступилась за мужа, резонно замечая, что он не убийца и не вор, а страдает исключительно «за идею». Вовка не разделял ее всепрощения и ушел к своему деду Крючку (это прозвище он получил как заядлый рыбак), страдавшему неудержимой тягой к горькой.

Большая Аня со своей медалью по совету мамы послала документы в областной пединститут и выдержала экзамены. Но зачислять ее не стали, объяснив маме, что «дети изменников Родины не имеют права обучать детей неизменников».

Валентина написала письмо в ЦК, где напомнила, что сталинские времена, о которых тосковал ее муж — политзаключенный, прошли. И пусть Хрущев своим разрешением принять Аню в пединститут всем докажет, что он лучше Сталина. В смысле, добрее. Письмо на удивление всем подействовало! Аню зачислили, дали стипендию.

Мама, как капитан, верным курсом вела семейный корабль и поровну делила все редкие блага. Вкусную еду, праздничные подарки. Ее мать, когда еще была жива, не хотела этого брака с вдовцом, имеющим двоих детей. Она говорила: «Плохой мачехой быть нельзя, и ты ею не будешь, а хорошей быть так трудно...»

Валентина старалась быть справедливой, не прикидываясь «родной мамой». Она требовала, чтобы в православные праздники дети шли вместе с нею на кладбище, к могиле своей матери, а до этого — наводили там порядок. Она внушала им, что в этом их жизненном испытании никто не виноват — ни она, ни отец, ни сами дети. Это Божья воля, что их мама так рано ушла в другой мир. Но она все оттуда видит и молится за вас, дети. Мама неустанно приучала детей к порядку, к заботе о ближнем, к трудолюбию и доброте.

Родная дочь Наташа была «ответственной за малышей» — брата и сестренку. Конечно, Ане-маленькой не говорили о том, что у нее была другая мать.

Но как-то раз брат обидел Аню, и она в слезах пригрозила: «Вот придет с работы мама, я ей все расскажу». — «Твоя мамка в могилке на кладбище, иди туда и рассказывай!» — раскрыл семейную тайну Виктор.

Девочка заплакала, Наташа стала утешать ее, Витьке врезала крепкий подзатыльник. Вечером, когда мать вернулась с работы, все рассказала ей. Мама, даже не сняв плаща, схватила толстый офицерский ремень и рванула к сыну.

Тот за столом делал уроки. В ярости мама стала так хлестать сына, что Наташа пожалела о своей опрометчивости. Она била его отчаянно, словно хотела раз и навсегда выбить из головы сына всю память об Аниной матери. Сестра крутилась вокруг брата, защищая его от яростной порки, так что ремнем попадало и ей. Только когда совсем выбилась из сил, мать сбросила плащ, села и заплакала. Сначала тихо, всхлипывая, а потом в голос. Но что-то все-таки из сыновней памяти она выбила. (Он уже никогда не вспоминал о тете Ксене как об Аниной маме. Когда Аня подросла, нашлись доброхоты, которые ей все рассказали. Однако приемная дочь была уже шестнадцатилетней и отнеслась к такому рассказу своей судьбы не очень трагически.)

Младшие стали ходить в детсад. Отводила, приводила их Наташа. Если кто-то заболел, мать оставляла ее дома. Не без претензий, конечно, со стороны дочери: «Мама, но у меня контрольная, я еще и дежурная...»

Но у мамы не было иного варианта: «Терпи, дочка, терпи. Учебу нагонишь, куда денешься».

Бывало, что дети болели разом. Тогда она брала пустые стеклянные банки и шла в детсад за готовой едой. Глядя на девочку — маленькую, худенькую, которая уже вынуждена была выполнять роль матери, детсадовские поварихи (добрые души, дай Бог им здоровья, если они живы!) наливали в банки супу больше положенного, накладывали побольше и второго, чтобы и она могла попробовать блинчики с джемом, кисель или куриную лапшу с ломтиками моркови. Кажется, вкуснее этого в тот период она ничего и не пробовала! Матери было не до кулинарных изысков. Все было поставлено на одну цель — лишь бы выжить. Какие тут пироги, кисели да блинчики!

Как часто и с какой благодарностью она потом вспоминала этих поваров!  
Это были настоящие сердобольные матери!



## УЛИЧНОЕ ДЕТСТВО

Но детство брало свое! Наступало долгожданное лето, тетрадки и дневники заброшены подальше, чтобы не портить настроение одним своим видом, и вот на речке, по которой плавали цари и царицы, воцарялся детский разгул. Купались до посинения, надували наволочки, выхваченные из тазов с бельем, что прополоскали матери и еще не успевали донести до дома. И смех, визг, брызги воды наполняли округу ребячьим счастьем. Если кто-то умудрялся на старенькой лодчонке проплыть мимо, то детские ручки крепко ухватывались за их край для продления речного удовольствия, хотя фактически могли потопить эти несчастные суденышки. Тогда кормчий хватал выщербленное временем, отбеленное солнцем весло и прогонял резвых детишек, как бы намереваясь надавать им по рукам и головам...

Голодные дети прибежали домой, и мать, ругаясь за просроченное время, наливала им тарелку щей, потом накладывала каши и давала домашнее задание — прополоть грядку, помыть посуду или пол в доме, встретить с поля корову, чтобы она не забрела в чужой двор или еще страшнее — на огород, не помяла бы там грядки да не съела подросшую зелень: заборов тогда не было — не разрешали. Дел в хозяйстве набиралось много, и детские ручки тоже еще как пригождались.

Требовались они, когда был сенокос. Родители еще в темное время по зорьке добирались кто на чем мог до своих наделов, мужики косили высокую влажную траву, кругом только и слышно было «вжик, вжик», потом «отбивали» эту косу, то есть подтачивали ее бруском, протирали скошенной травой и снова «вжик, вжик». Когда становилось тепло, косить было невозможно — косарей одолевал овод. Спасение от него — только домой. Женщины потом переворачивали эти подсохшие на солнце пласты травы и мечтали, чтобы не было дождя и не пришлось им вновь сушить промокшее сено. Оно для семьи было сокровищем. Таких сокровищ было три: сено, дрова и картошка. Если все это было припасено — можно жить, не бояться долгой и пустопорожней зимы, которая не давала никакого урожая.

Дети тоже участвовали в сушке сена, в перевозке его — это было весело, они топтали, дурачась, на сеновале душистые копенки, чтобы получше утрамбовать сено, попутно пихаясь, отплеываясь от травинки, попавших в рот, а также за шиворот, где срезанные стебельки больно кололи нежную детскую кожу. Родители по привычке покрикивали на них, озорников, опасаясь, что они «напорются» на вилы, с их помощью подавали наверх сено, но сами были довольны, что сено уже убрано на место.

Помогали дети и сажать картошку, вдыхая влажное тепло отдохнувшей за зиму земли... Картофелины падали в борозду, сделанную плугом, резво

двигающимся за трудовой лошадкой, дети подтаскивали корзины с отобранным семенным клубнем и тоже радовались, что скоро работа закончится, и тогда родители отпустят их на улицу. К другим таким же сорванцам. Осенью картошку убирали, обсуждали качество урожая, сортировали ее на три части. Одна — на семена, это непреклонно, вторая — на корм скоту, ну а третья — на прокорм семье. Всегда было беспокойство: какая будет зима и хватит ли картошки до следующего урожая, ну или минимум до лета, когда уже пойдет дополнительное пропитание: огурцы, помидоры, редиска, зелень...

Матери после войны вынуждены были работать — советское правительство сознательно установило малые оклады работающим отцам, да и вообще всем, чтобы вынудить и жен выйти на заработки: надо было поднимать народное хозяйство. До этого (до 1932 года) матерям с детьми не полагалось трудиться на производстве. Но это были взрослые заботы.

## КИНО И ТАНЦЫ

А детское счастье продолжалось. Вечером — игра в лапту, в прятки, в догонялки, мальчишки в «войнушку», а девчонки старательно вырезали из бумаги куколок и раскрашивали им платья. Или находили маленькие бутылочки, закрашивали разным цветом воду и продавали ее... То есть копировали то, что видели в жизни. Телевизоров еще не было, в кино иногда родители давали по 10 копеек, и тогда наступал новый прилив счастья..

Кино. Окно в мир. Чужая насыщенная жизнь поглощалась ребятней не только глазами, ушами, но и широко раскрытыми ртами — чтобы уж ничего не пропустить! Зато потом после просмотра они подражали актерам и в поведении, и в одежде — выстругивали деревянные сабли, цепляли на лицо усы из кусочков меха, из старых бушлатов вырезали папахи... Господи, что только не творили, чтобы продлить очарование фильма! Родители хоть и ругались, но больше для острастки, понимая, что детям тоже хотелось жизни иной — с приключениями, борьбой, схватками со злодеем, которого ты обязательно победишь.

Взрослые тоже любили кино. В единственном кинотеатре «Луч» кино показывали в три сеанса: в 5, 7, 9 вечера. И то не каждый день. Только в среду, в субботу и в выходной (тогда еще он был один, в воскресенье, а в субботу работали до трех часов). Билеты достать было трудно, у окошечка кассы происходила настоящая битва, но вот билеты на руках, и наряженные люди, мужчины в довоенных костюмах, начищенных сапогах или ботинках, женщины с завитками на голове и с накрашенными помадой губами, в туфлях на каблучках и в белых носочках важно входили в зал, находили свои места, здоровались со знакомыми и мечтательно погружались в чужой роман либо в «Броненосец Потемкин», в «Чапаева», в «Волга-Волгу», в «Весну на Заречной улице», или в страдальческое индийское кино. Какие тогда были песни, музыка, какие красавцы влюбленные мужчины и какие нежные с томными взглядами женщины, а уж какие страшные злодеи — их разлучники... Индийское кино с Раджем Капуром в главных ролях было хитом тогдашних романтических женских вкусов.

В субботу вечером в городском саду играл духовой оркестр. «На сопках Манчжурии», «Венок Дуная», «Амурские волны», «Аргентинское танго», «Рио-Рита», вальс-бостон и другие музыкальные шлягеры раздавались по всему городу. Народ шел в городской сад, как на демонстрацию. А в общем так и было. Старшее поколение — лет до пятидесяти, гордо отплясывало, вдохновенно это делая, молодые тоже не очень-то отставали от них, а мелюзга бойко крутилась вокруг этой площадки. Деревянная площадка была круглой, с красивыми бортиками по грудь танцующим и скамейками по всему периметру. Яма для оркестра была совсем не ямой, а подиумом, на котором размещались важные своей миссией музыканты. Репертуар им был прекрасно знаком, и эта работа им нравилась значительно больше, чем другая — похоронный марш, который сопровождал в последний путь усопшего горожанина.

Мужчины отлучались «с танцев», чтобы выпить в недалеко

расположенном буфете «Голубой Дунай» кружку пивка, обязательно строго проследив за доливом после спадения обильной пенки. Затем они, приветствуя друг друга, чокались тяжелыми стеклянными кружками с соседями по высокому мраморному столику, где кто-то уже разделявал принесенную с собой сушеную рыбу. Ну и, конечно же, получив протянутый им соленый кусочек воблы, мужчины благодарили доброго человека, оказавшего им такое уважение...

Вокруг танцевальной площадки была вытопанная многими ногами и годами хождений дорожка, по ней прохаживались парочки, не попавшие на танцы. За дорожкой были густые липовые деревья и скамеечки, где получали свое настроение старшие. Они наблюдали за тем, кто с кем «гуляет» или «ходит» — этими словами обозначались начальные любовные отношения. Потом они, конечно, бурно обсуждались, либо приветствовались, либо — осуждались.

«Мелкие», вертящиеся под ногами, бузили друг с другом, на них покрикивали старшие, но все равно одни мечтали, как они вскорости будут кружить своих подруг на этих танцах, другие уже сожалели, что время их ушло, оказалось съедено войной, и удел их — только любоваться на чужую молодость, красоту и ожидаемое всеми без исключения счастье. Люди так устали от войны, бедности, непосильных трудов, потерь, что сейчас рады были этому немудреному отдыху.

## ОГУРЕЧНЫЙ КРАЙ

Город славился своими огурцами. Что уж тут такого нетипичного было в земле, в воде или в воздухе, сказать невозможно. Но что-то было, так как хрустящие ароматные огурцы хороши были и в засолке, и в салате, и так, живьем, сорванные с грядки они просились в рот один за другим. Огурцы в течение столетия были городским бизнесом. Как только проходила масленица, сажались в коробки, ящики проросшие семена. Начало сезону было положено. Ящики хранили как зеницу ока от сквозняков, холода, жары... Потом рассада попадала на свое постоянное место жительства — подготовленные, удобренные грядки, и ее уже там спасали от превратностей судьбы. Некоторые люди десятилетиями вели тетрадки, куда записывали, когда сажали, когда народился первый огурец и какой урожай сняли.

Едва появился целлофан, демидовцы даже последние деньги отдавали за этот драгоценный материал. Делали дуги, натягивали пленки и уже этим резко приближали получение первого — самого дорогого — урожая. Первые десятки килограммов стоили столько, сколько центнеры во время масштабного сбора. Огурцы ценила вся большая округа. При появлении частных авто и когда еще был дешев бензин, эти огурчики попадали даже в Мурманск! Не говоря уже о Москве, Ленинграде, тем более Невеле, Смоленске, Пскове. В летние каникулы дети-подростки совершали вместе со взрослыми и огурцами свои первые путешествия. С прибыли им покупались обновки, книжки, игрушки. Но с последним было строго. Это считалось роскошью и баловством... Книжки — это да! И старые, и малые зачитывались хорошей литературой. Иные книжки были в таком удручающем состоянии, что годились разве что для печки. Но нет! Листки — полуистлевшие — бережно складывались по нумерации, и все это пухлое от множества рук сокровище передавалось другому счастливчику...

Тогда еще при городе был аэродром, с него совершали воздушные маршруты маленькие кукурузники. Мест в них было мало, удобств тоже, но скоростью передвижения они устраивали горожан. Можно было смотреть в иллюминаторы, и там виднелась стеклянная плантация — земля под крылом самолета была покрыта льдом, сияющим на солнце. Такое впечатление производила территория огородов, засеянных огурцами под пленкой. В конце сезона огурцы стоили сущие копейки, не покрывающие трудовые затраты. Но тогда рук своих и детских не щадили, были рады хоть какому-то приработку. И правильно: меньше пили, меньше ругались, а детишек приучали к постоянному труду.

## ПОСЛЕ ТЮРЬМЫ

Настал 1964 год... «Кукурузника» Хрущева, павшего в результате кремлевских интриг, сменил Брежнев, и всех сидельцев по хрущевским делам стали выпускать на свободу. Никита Хрущев пришел к власти вскоре после смерти Сталина и прославился тем, что разрабатывал целинные земли, сгоняя туда молодежь, построил в Москве много дешевого жилья, и люди наконец-то стали выбираться из туго набитых коммуналок. Но народ был недоволен им, в том числе и тем, что Никита провел перепись домашней живности, чтобы обложить людей продналогом... Каждое утро хозяева, державшие на своем подворье коров, шли с бидончиками с молоком на пункт приема. Самим молока не хватало, так как после войны, даже при отсутствии мужчин, в стране наблюдался демографический взрыв. Люди соскучились по любви, и тогда было много неполных семей. Что касается кукурузы, которой Хрущев хотел засеять поля, чтобы обеспечить сполна кормом животноводческий комплекс огромной страны, то Наташа до сих пор не понимает, что в этом плохого, почему все население потешалось над ним и дало Никите такое прозвище — «кукурузник».

Хрущев побывал в Америке, которую после этого он очень хотел по уровню жизни и по всем иным показателям «догнать и перегнать», но, к сожалению, он не учел, что Штаты 250 лет не воевали, после того как подавили коренное население, не несли таких невосполнимых человеческих потерь, а, наоборот, очень ловко наживались на чужих войнах, и сейчас во втором десятилетии двадцать первого века, желая смягчить свой собственный кризис, хитроумно развязывают войны в Старом свете, на другом континенте — от себя подальше, чтобы огонь войны ненароком не задел их землю.

Никиту Сергеевича Хрущева свергли так же подло, как до этого и он свергал Молотова, Маленкова и Кагановича. Таковы были правила кремлевских интриг.

Вернулся в родной дом и отчим. Мать, дети ожидали его с нетерпением. Все-таки будет помощь, дополнительные руки взрослого человека — это всегда благо. Он вернулся похудевшим, постаревшим, но таким подкованным в политике, что все только диву давались. Словно там он окончил политический университет. Младших детей он сразу разделил на своих и чужих, что возмутило мать, которая вовсю старалась слепить из нас настоящую семью.

Уже в первую ночь после его возвращения Наташа услышала, как он разбудил своего шестилетнего сына Витю, стал совать ему конфеты: «Ешь, сынок, ешь!» Пацан, приученный матерью к семейному равенству, спросил: «Ты Анютке уже дал?» — «Нет, только тебе! Ешь, сынок, спрячь под подушку и никому не показывай и не рассказывай! Я тебе всегда буду сладости приносить». — «Нет, пап, один я не буду — мама накажет!» — «А ты и ей не говори! Никому не говори!» — «Пап, давай я завтра их угощу!» — «Что ты! Не надо, а то я тебя накажу!»

Такой шепотливый диалог Наташа услышала, потому что все дети спали в маленькой комнатке. Девочка была ужасно расстроена. Не из-за конфет, конечно,

ей уже было одиннадцать лет, и она понимала, какое совращение души брата творит его долгожданный отец. Неужели он не понимает, что этими конфетами делает пацана несчастным?

...Много было случаев, когда отчим унижал и ее с Анютой. Та еще не осознавала этого, звала его «папочка, папа!», карабкалась ему на колени, ведь мать много раз говорила, как хорошо мы заживем, когда вернется отец. Она заставляла старших детей писать ему в тюрьму письма, малых — рисовать ему картинки... А теперь он быстро спихивал Анютку с колен: «Иди отсюда!» Однажды она возбужденная прибежала из школы домой и сразу к отцу: «Папочка, привезли мороженое, все дети побежали домой за денежками, дай и мне 10 копеек!» — «Ты что?! Какие еще деньги? Нет у меня ничего!» — «Папочка, ну пожалуйста! Ну найди где-нибудь!» — «Где я тебе найду? Деньги что ли на дороге валяются? Тогда иди и сама найди!»

Была весна, природа расцветала, Наташа мыла раскрытые после зимы окна, и ее слезы смешивались вместе с грязной водой. «И зачем он только вернулся? — думала она. — Все нарушил в нашем распорядке, смел всю справедливость, которую воспитывала в нас мамочка. Зачем он ей нужен? Ну мы же сами научились со всем справляться!»

Когда мама пришла с работы домой, дочь попросила ее: «Спроси у папки, есть ли у него какая-нибудь мелочь?» — «Зачем это?» — «Потом объясню».

Мать попросила, он тут же достал из кармана полную горсть монет. Дочка потом потихоньку рассказала маме про мороженое, мать учинила мужу небольшой скандал, заключив словами: «Илья, ну ты же не негодяй! Почему тогда так поступаешь?»

Понятное дело, что хорошие отношения у отчима с падчерицей не складывались.

## КАК УСТРОЕН ЭТОТ МИР?

Удивительно, но многие взрослые мысли и вопросы приходили к Наташе, когда она была еще маленькой. Ей лет семь. Она смотрела на свое отражение в зеркале, видела там живые черные глаза, смешную мордашку и спрашивала: «Я — это ты? Или ты — это я? Мы — двойняшки? Кто за кого отвечает: ты за меня? Или я — за тебя? Зачем мы здесь вместе?»

Она видела, что все предметы существуют зачем-то. Дом чтобы греть, кастрюля — чтобы кормить, соль — чтобы солить. Даже расческа, и та имеет свою работу — расчесывать ее длинные черные бархатистые волосы. А я — зачем? Какую я должна нести пользу?

Этот детский вопрос не отпускал ее ни на один день — он стал плотью ее жизни. «Не живи зря! Ты должна греть, как малое солнышко!» С точки зрения психиатрии это может быть даже диагнозом, но как иначе возвращать, растить себя, если не ставить высоких целей? Так думала эта девочка.

В детстве, лет в десять, она не понимала, почему их не воспитывают? Почему не сажают рядом и не рассказывают, «кто мы такие? Для чего мы учимся, растем, едим, спим? Неужели это тайна? Но когда ее нам раскроют? Когда расскажут, как устроен этот мир? И кто мы в нем? Как выбрать свой жизненный (правильный!) путь?»

Она видела ребят из школы: часть их была явно хулиганистая. К ним она особенно присматривалась: почему они выросли такими «отвязными», нахальными? Ясно, что это неправильно, но почему тогда ими никто не занимается? Нет возле них надежного дядьки, который и подзатыльник даст, и ремнем выдерет, и поговорит с ними по душам. Почему никто не интересуется их внутренним миром, их душой? Разве не душа — главное?

Ей тоже очень хотелось, чтобы с ней как с равной разговаривали взрослые. С равной — это она так, какая она им равная? Но ей хотелось в отношениях со взрослыми искренности и серьезности.

Была в их школе чудесная женщина Вера Максимовна Денисенкова. Всего пять лет учительствовала по русскому и литературе у них, но сумела (дар такой) заставить детей почаще задумываться. Потом она с мужем, партийным работником, уехала в другой город, и Наташа долго переписывалась с ней и терзала ее и свою душу разными непростыми вопросами. Учительница даже как-то раз ей написала: «Ты задаешь мне такие серьезные вопросы, что я теряюсь с ответами. Дежурно тебе отвечать не могу — ты поймешь это, а по-настоящему... сама, милая моя, не знаю, сама часто иду по жизни с завязанными глазами».

Так вот: детям трудно дожидаться откровения от взрослых, те сами живут, «куда кривая выведет».



## ДЯДЯ САША

Невысокий, худой, очень энергичный, быстрый на ногу, как говорили у нас, «одна нога здесь, другая — там», дядя Саша был умница и скромняга. Господи, как к нему дети липли! Их тянула неодолимая сила, заставлявшая бросать свои ребячьи игры и часами торчать возле него, смотреть, что и как он делает.

...Вот он заходит в комнату — и все, взрослые, дети, улыбаются. Жмет руки и непременно острит. У него любимой прибауточкой была «Ниночка». «Ниночка, не дри-гай-те но-га-ми, не па-ди-май-те кверху зад...», с соблюдением особенного акцента. При этом он так потешно демонстрировал «Ниночку», что все, хотя и видели много раз эту сцену, находили в ней новый нюанс и покатывались со смеху. Никому так ни разу не удалось выяснить, что же было с Ниночкой дальше.

В компанию он как-то легко вписывался и был всем интересен. При этом он совершенно не походил на пресловутых «любимчиков», «своих в доску». Нет, любимчиком он не был, его просто по-человечески любили. Бывало, соберется молодняк — и начнет он рассказывать, как в молодости за тридцать километров ходил к своей Марусе, будущей жене. Высокая, красивая была тетя Маруся. Они часто приходили в Наташину семью в гости. Но тетю Марусю немножко недолюбливали. Может, за излишнюю строгость, за скрытность и прижимистость?

А может, за то, что уж больно крепко «в ежовых рукавицах» держала она дядю Сашу. За каждым шагом зорко следила, за каждую выпитую кружку пива гоняла. И был он при ней какой-то другой, запуганный, словно под «дамокловым мечом», который вот-вот опустится на него за малейшую провинность.

«Гоняла» жена дядю Сашу за широту натуры — «последнее отдаст» — в ее устах звучало, как смертный грех; за то, что любил «водиться» со многими «голодранцами». А может, просто завидовала его неугомонности? — И такое бывает...

А что касается работы, трудолюбия, то вот уж где «досуж» был дядя Саша! Работал он в типографии наборщиком. Каторжный труд, между прочим. Это в более поздние годы появились лино типы и даже фотопленки, а теперь уже компьютеры, а ведь раньше газету набирали вручную. Он часами стоял за наборным столом, на котором в ячейках-кассах лежит шрифт. Шустрый, в промасленном халате, он быстро набирал матрицы, весело поблескивая стеклами очков.

Сотрудники дядю Сашу любили, нежно называли его «Ксан Саныч». Фотография дяди Саши не снималась с Доски почета. Он там в выцветшей гимнастерке, красивый, веселый. Во время войны он тоже работал в газете, был на передовой. Награжден несколькими медалями и орденом. Но о своих подвигах на войне он не любил рассказывать. Лишь раз как-то поведал детям, как, выходя из окружения, грязный, оборванный, смертельно голодный, он наткнулся на

разбитую снарядом походную кухню. Заглянул в котел — каша! Страшно обрадовался, схватил пригоршнями, стал есть, есть, есть... И лишь потом, наевшись, когда без сил уже лежал возле этой кухни, он прочувствовал солоноватый вкус во рту и заметил, что то были... черви.

Наташа с его дочкой, Люськой, дружили, поэтому часто околачивались возле типографии, среди вороха бумаг, краски, негодных клише.

Однажды «типографские» решили над ними подшутить. Они послали девчонок (им было лет по восемь) в аптеку купить смекалку. А чтобы это слово они по дороге не забыли, дядя Саша крупными буквами его написал, велел в случае чего прочесть. Довольные порученным делом, девочки побежали в аптеку и спросили: «Есть ли у вас смекалка?» — «Что-что?» — недоуменно переспросила женщина. Они сверились с бумажкой и снова: «У вас есть смекалка?» Тогда, догадавшись о розыгрыше, провизорша рассмеялась: «А у вас?» Подружки хором: «Нету, нету!» Женщина усмехнулась: «Я это и вижу». — «Так дайте же, дайте нам скорее, а то больной человек умрет!» — настойчиво требовали девчонки. — «Кто же у вас такой больной?» — спрашивали нас. — «Да дядя Саша Соколов из типографии!» — дружно отвечали они. — «Ах, вот оно что... Сейчас дадим!».

Принесли им в виде порошка аккуратно завернутую бумажку и велели пулей лететь к больному. Сломая голову они неслись, бережно зажав в кулаке драгоценное лекарство. В типографии дядя Саша его торжественно распечатал и весь цех склонился над «порошком». Там было написано: «Сан Саныч, не дури девчонок! Сам приходи к нам за смекалкой! Кое-что еще осталось! Проверим на тебе ее действие!» Хохот стоял невообразимый.

Говорили, будто в молодости он был необычайно силен, несмотря на изящество своей фигуры. Будто мог он поднять мешок пудов на 7–8, мог выпить 25–30 кружек пива и съесть столько же сырых яиц «за раз». Этому все-таки верилось, потому что и в свои 50–60 лет он мог поднять мешки по 70 килограммов. Видимо, и ведро пива мог бы за раз выпить, да вот жаль, никто ему по столько не давал. А те редкие две–три кружки в неделю, за которые его так беспощадно ругала тетя Маруся, ему доставались с трудом.

Жена дяди Саши была противоположностью мужу. Высокая, прямая, суровая. Она всегда осуждала своего благоверного, да и дочерью редко была довольна. Дочка росла сорви головой. Чистый мальчишка — хулиганистая, привирающая, громогласная. Мать все деньги строго учитывала и никаких поблажек мужу и дочке не давала. Ни вам ни пива, ни вам мороженого. Живите скудно. Но они быстро нашли выход из этого неудобного положения. Когда им отпускались деньги на закупку продуктов, они всегда надували мамашу. Вместо 1 кг песка покупалось 900 г, вместо 1 л молока — 800 мл, в которые добавлялась колодезная вода, и так во всем... Прибыль Люся и дядя Саша честно делили пополам.

Но недолго дурили тетю Марусю ее дочь и муж. Когда Люсе было всего двенадцать лет, ее мать умерла. Ушла в мир иной с классической болезнью наборщиков типографии — свинцовым отравлением.

## «МОЛОДОЖЕНЫ»

Заскучал дядя Саша, руки опустились (привык быть в «ежовых рукавицах», а тут вдруг — свобода). Долго горевал, даже пробовал начать пить — не получилось. Люська стала дикая и беспризорная. Дядя Саша переживал, казнил себя, во многом раскаивался.

Шло время. Как-то само собою получилось, что дядя Саша привел в дом женщину, подружку Наташиной мамы. С нею были двое детей. Тетя Валя оказалась очень хозяйственной и ласковой женой. В доме все преобразилось. Стали хорошо, по-домашнему питаться, Люська и дядя Саша выглядели ухоженными. Накупили дяде Саше всяких нарядов. Они его явно смущали — не привык он к «пижонству»: шляпы, галстуки. Хотя, впрочем, и нравились они, забавляли.

Дядю Сашу и тетю Валю прозвали — «молодожены». Дружные, вечно «под ручку», куда один — туда и другой, они были похожи на малых детей. Дядя Саша каждый день встречал тетю Валю с работы (он уже был на пенсии), а в течение дня выполнял всю домашнюю работу. Очень часто они ходили в кино. В остальное время — в гости. Их принимали с большой теплотой и радушием.

Но больше всего дядя Саша ценил юмор. И сам он был великим шутником. В связи с этим вспоминаются его игры в карты. Вот где был виртуоз! Детям всегда казалось, что дядя Саша на ощупь чувствует карту. С первого же захода он знал карты у каждого. И бывали моменты, когда он, оставшись в игре один на один с противником (кстати, он умышленно «тянул» игру, чтобы продлить удовольствие в острой схватке), в миг решающего хода партнера спокойно рекомендовал ему лучший ход против себя. (Научил игре он и их, салажат. До сих пор Наташа сохранила чутье на карты и хоть редко в карты играла, но также редко бывала «в дураках». Спасибо дяде Саше.)

...Однажды в их дом влетел дядя Саша с ошеломляющей вестью: у них будет ребенок! Все изумлялись и радовались: еще бы! В шестьдесят лет, и ребеночек!

Тетя Валя рожала тяжело. Дядя Саша и дневал, и ночевал возле роддома. И вот появилась Леночка. Как же счастлив был дядя Саша, как он гордился дочкой! Многие думали, что это его внучка (дочь Люська была на выданье), но дядя Саша лишь загадочно улыбался. Обожал девочку, не спускал ее с рук, сам стирал пеленки, сам готовил ей кушать. Они вместе с малышкой встречали тетю Валю с работы. Когда Леночка подросла — катал ее на велосипеде, брал с собою на рыбалку, придумывал сказки, прибаутки, мастерил ей игрушки диковинные, рисовал мудреные картинки. В дочке он души не чаял, все ждал, когда она в школу пойдет — уроки вместе делать.

Подвыпивший дядя Саша был чудным. Сцепившись с друзьями по вопросам политики, спорили далеко за полночь. Скандалили, резко переходили на «личности». Напрочь разругавшись, расходились. Но это было до утра. Утром наступало перемирие.

Что касается их «политики», то тогда трудно было понять их логику. Между собой они, взрослые, рассуждали так: как было хорошо в старые времена («какое дешевое масло», «а сахар, хлеб, крупа!») и как стало хуже теперь. Детям, наоборот, твердили: как было плохо раньше (ни одежды, ни кино, ни продуктов, «масло видели только на пасху», «сахар — по воскресеньям») и как хорошо, ну просто великолепно теперь. Всего-всего вдоволь, о чем невозможно было даже и мечтать.

Неожиданно дядя Саша заболел. На самом деле нездоров он был давно, но никогда никому не жаловался. Язва желудка. Затем рак. Во время операции у него был полностью вырезан желудок. В это время он лежал в областной больнице, в реанимации. Наташа заехала к нему. Было уже поздно, ее не хотели пускать, но она пробилась. Белый, светящийся изнутри, худющий — таким она увидела своего любимого дядю Сашу. С трудом открыв глаза (видимо, чувствовал чье-то присутствие), он узнал ее: «Выросла», — еле слышно произнес. Сил на улыбку не хватило. Странно было таким видеть дядю Сашу. Больше часа она просидела у него, смачивала водой ему губы, тихонько плакала. Она только здесь поняла, до какой степени ей дорог этот человек. Перед уходом она поцеловала его и перекрестила.

## ИМЯ ЕМУ — ЛЮБОВЬ

Однажды утром Наташа, уже будучи в Москве, проснулась с мыслью немедленно написать письмо дяде Саше (он снова был в больнице). У нее была масса дел, но на них она махнула рукой, зашла на почту и написала. Письмо получилось небольшое, но теплое, дружеское и даже немного с юмором — для поддержки духа. Она знала, что дядя Саша очень плох.

Вечером этого же дня ей пришла телеграмма. Короткая и острая, как хлыст: «Умер дядя Саша».

...Было тоскливо, больно, щемяще одиноко. Она потеряла драгоценного человека! Не успела сказать ему, как его любила, как дорог был он ей и как скрашивал ее детство. И какой бесценный пример любви, добродушия, щедрости дал всем детям — и ей в частности. Еще она горевала о том, что как же часто они, в суете утонувшие, опаздывают со своим милосердием! Думают, что время для них бесконечно, а оно раз! — и для кого-то закончилось. А так и остался ты наедине со своим «любовным посланием»!

Наташа поняла, за что дети любили его. За то, что он их любил, не был к ним равнодушен, не отмахивался от них, старался привлечь к какому-нибудь увлекательному делу. Показывает замысловатый жест и спрашивает, а умеют ли они так делать. Дети тут же принимались копировать его, тренироваться и с едва заметными успехами бежали к нему «Дядь Саш, дядь Саш». Он снова: «А попробуйте-ка вы решить вот такую задачку...» Или: «А кто сможет нарисовать...»

У него всегда о каждом из детей было свое мнение. Каждого из них он рассматривал как взрослого, со своими наклонностями, характером. Всегда он замечал, какое у кого настроение, всегда был в курсе всех школьных дел. Знал друзей, к ним тоже относился с уважением, с большим интересом. И вот за этот интерес, за желание возиться с ними не по необходимости, а по душевному призыву — за это дети были крепко к нему привязаны.

Вспомнился (вроде как не по делу) такой эпизод. Это было в Сочи много лет назад (она только что окончила университет). Идет по пустынной улице и на перекрестке встречается с пожилым горцем. По скорости передвижения она первой должна пройти перекресток — перейти ему дорогу. Вдруг мужчина строго кричит девушке: «Стой! Не переходи мне дорогу!»

Она, конечно, остановилась, чтобы он первый прошел. Снова его голос: «Теперь иди!» — «Как же я пойду, если вы еще не перешли?» — не понимает она.

«Э, у меня вот важное дело — понимаешь ты, да? Нельзя плохому человеку пройти поперек моего пути — понимаешь, да? А хорошему — можно. Иди, я сказал тебе!»

Она улыбнулась и пошла вперед. Что-то в нем, в этом горце, было от давно уже умершего, но не забытого ею дяди Саши.

## ШКОЛА

В школе, это был третий класс, любимая учительница по русскому и литературе Вера Максимовна Денисенкова послала Наташу в учительскую за тетрадями. Девочка кубарем скатилась с лестницы на первый этаж, влетела в кабинет, схватила тетради и бегом обратно.

«Ты взяла по русскому, а надо по литературе, — строго сказала Вера Максимовна. — Иди обратно». Наташа проделала тот же путь и с новой стопкой тетрадей стоит перед учительницей. «Ты взяла 3 «А», а надо 3 «Б». Иди снова!» — «Можно я! Можно я!» — закричали ребята. — «Нет, она сама пойдет и принесет, что требуется», — сказала учительница.

Кстати, этот урок она запомнила гораздо больше, чем ту тему, которую они тогда проходили. И очень благодарна преподавателю за это. «Не торопись! Лучше медленнее, но толковее». Не зря же Сергей Королев — великий космический ученый говорил: «Сделаешь быстро, но плохо, все будут помнить, что плохо и забудут, что быстро. Сделаешь медленно, но хорошо, все запомнят, что хорошо, но забудут, что медленно».

Она вспомнила еще одну смешную историю. В этот день — 12 апреля 1961 года — всех школьников выстроили во дворе и стали объявлять, что сегодня в космос полетел Юрий Гагарин. Его космический корабль «Союз» поднялся на высоту 80 км и трижды облетел вокруг Земли. Ура!!! И тут она, вспомнив выученное на уроках, что космос начинается со 100 км от Земли, а до этого все считается стратосферой, сразу же возмущенно закричала: «Нет, он не в космос слетал, а в стратосферу! Это еще не космос!!!» На нее учителя зашикали, а она все удивлялась их несправедливости — сами же их так учили, а теперь что же...

В десятом классе, на уроке литературы им дали задание написать любой рассказ. Наташа написала, как молодые труженики-бамовцы встречали в тайге Новый год. Там был и сильный мороз, и крупные низкие звезды, и скудный стол, и крепкая дружба. И конечно, преданная любовь.

Рассказ вышел нежный, лирический, но она за него получила «двойку». «Не списывай!» — было выведено красными чернилами. «Ты и сама могла бы что-то придумать, а не списывать», — с укоризной сказала учительница. — «Я и так сама...», — попыталась оправдаться Наташа. — «Не ври!» — не поверила она, а девушка не стала оспаривать, так как это «не ври» восприняла скорее как награду, а не как досадную «двойку».

В те годы было много шума вокруг вновь образованного государства Израиль. «Израиль заявил, Израиль требует, Израиль протестует...» — только и несло из динамиков. Она разглядывала карту мира на уроке географии и никак не могла найти, где же он, этот неугомонный Израиль? Ведь он никак не может быть меньше СССР! Где же он? Спросила у географички, та долго искала его на карте возле Красного моря, а Наташа была удручена. Боже мой, такая

малюсенькая страна, а столько шума! Как же так? Помнит, как она, подросток, столько лет удивлялась, что страна, которая и на карте едва видна, делает такую шумиху. Во дела! «И чего только Израиль все требует и требует, он ведь такой молодой — появился на свет в один год со мной?... Может, потому и горланит, как неугомонный младенец?»

## ВГИК

В школе после восьмого класса на общем собрании родителей и учеников всем детям был задан вопрос о том, кем они мечтают стать. Каждый что-то там отвечал, и Наташа неожиданно для всех — и даже для себя самой! — ответила: журналистом. Потом сама испугалась своей смелости. Она была очень застенчивой, а это никак не вязалось с профессией журналиста. Но уже в десятом классе стала сотрудничать с местной районной газетой, писать какие-то небольшие заметки.

Конечно, работа в газете была совсем другой — официальные материалы, а если рассказ о людях — то тоже по определенной схеме, где он, этот человек, должен быть прежде всего передовиком производства и думать всегда только об одном — о плане. Поэтому все газеты были так похожи друг на друга.

В тот год в школах было сразу два выпуска — 10 и 11 классы. Напор абитуриентов на вузы соответственно двойной. Для определения своих сил она решила начать атаку на вузы с самых ранних сроков приема документов. Вышло так, что первым — в июне — принимал экзамены только ВГИК. Там обнаружился экономический факультет. (Мама — главбух, сама она с пятерками по математике, все годится.) Сдала по почте документы, к нужному времени приехала в Москву, поселилась в общежитии.

Абитуриентская жизнь была ключом. Девушек, съехавшихся со всей страны (даже на этот факультет) было по тридцать на одно место. Но не только это тревожило ее. По вечерам по общежитию прохаживались щеголеватые парни, называвшие себя студентами, аспирантами, режиссерами, преподавателями, членами приемных комиссий, и выманивали из комнат своими посулами симпатичных и доверчивых девчат. Куда-то их увозили, утром привозили, словом, не оставляли тех без своего внимания. Ей тоже делались такие же предложения «поехать подготовиться к экзаменам, а потом хорошо поразвлечься, чтобы установить контакты».

Некоторые девочки были готовы на все ради поступления. У Натальи же характер оказался потверже, и ни на какие посулы она не соблазнялась. Девочки уходили в ночь с этими франтами, влюблялись в столичных повес, грезили ими, пропуская драгоценное время подготовки к экзаменам, а потом — в решающий момент сдачи — те куда-то испарялись, словно их и не было. Слезы, драмы, провалы.

...И вот ее первый в жизни вступительный экзамен. Математика. Не очень



волновалась, так как знала и любила этот предмет. Вытаскивает билет — все нормально. Немного подготовилась и идет к столу, где расположилась приемная комиссия. Вдруг встречает медленный жесткий циничный взгляд, который с головы до ног как бы раздевает ее.

Сейчас девушки к этому привыкли, у них напрямую спрашивают об объеме груди, талии и бедер, просят поднять юбку, чтобы оценить ноги, открыть рот и т.д. В эпоху рынка некоторые считают — да, они — товар, и надо продать себя подороже. Но для Наташи тогда это было, как удар хлыстом. Да по лицу!

Еле сдерживая свои бурлящие чувства, она села и стала отвечать на вопросы циничному наглому молодому человеку, которому явно было наплевать на этих дрожащих тварей и на их знания.

Неожиданно он поднялся из-за стола и, закинув руки за спину, стоя перед ней, стал перекачиваться с пяток на мыски и обратно. И тут она — тоже неожиданно для себя — медленно опускает глаза и проводит оценивающим взглядом (она сама не знает, получилось ли это у нее, но она старалась) по его фигуре — с ног до головы. Он все понял — ее ответ шпагой — и резко сел за стол. — «Все, хватит, переходите к следующему вопросу», — приказал он. — «Я еще на первый до конца не ответила...» — «К следующему!»

Она стала отвечать, он снова прерывает: «Все! Хватит! Тройка». — «Почему тройка? Я знаю все ответы и могу это доказать», — хочет продолжать свой ответ абитуриентка. — «Все! Хватит!» — категорично заявляет преподаватель.

Сидящие рядом с ним преподаватели с удивлением посмотрели на коллегу: почему он так волнуется? Да и девочка вроде не запиналась, бодро отвечала. А этот нахал уже сует ее экзаменационный листок для подписи коллегам: «Ну что ж, девушка, у вас хорошая крепкая тройка!» — утешили ее добрые женщины.

И это по ее любимой математике! Что оставалось делать? Идти на другие экзамены при таком конкурсе было бессмысленно, и она, в очередной раз наслушавшись «страшилок» о соблазненных девушках и узнав, что здесь это обычные рядовые истории, собралась домой. Но одна девочка сообщила, что начался прием абитуриентов в финансово-экономический институт (МЭФИ). И Наташа сразу же решила отнести туда документы, попытать счастья еще раз. Что и сделала. А потом, чтобы не проедать в Москве мамины деньги, уехала домой. Увозила в своем сердце впечатления о столице, как об ужасном и безобразном городе. И зачем она собралась в нем учиться? Как она перенесет его бездушие? Но и дома оставаться она не могла: ненависть отчима убивала ее. Туда возвращаться нельзя.

## МЭФИ

Через несколько недель в МЭФИ начались вступительные экзамены. Наташа приехала и сдала первые экзамены на четверки. А третий экзамен — на тройку. Эти оценки ее очень огорчили. Она решила — не судьба! И не надо тратить деньги, силы на последний экзамен, и вообще пора уезжать домой.

...Она пришла утром в приемную комиссию за своими документами.

«По какому предмету у вас двойка? Нам надо для отчета», — спрашивают ее. — «У меня нет двоек, но я не пройду по конкурсу и поэтому уезжаю домой». — «Зря вы так. У нас даже те, у кого «неуды», не хотят забирать документы, не знаю уж, на что надеются», — сказал пожилой, с добрыми глазами и пышной шевелюрой председатель приемной комиссии. И продолжил: «Девушка, у вас очень неплохие результаты. Не торопитесь уезжать. Через час начинается последний экзамен — математика — сходите на него. Советую вам. Тем более что раньше двух часов мы документы вам не отдадим — они в сейфе у декана».

Она послушалась этого по-отечески доброго человека. Экзамен был по письменной математике. Она стала быстро набрасывать ответы, перед собой положила часики. Отписавшись за два часа, она досрочно сдала свои листки и пошла за документами.

«Ну что, сходила на экзамен?» — спросил тот же пожилой мужчина, сразу перейдя на «ты». — «Да», — ответила она. — «Все написала? Все верно ответила?» — допытывался он. — «Да, думаю, все верно». — «Молодчина. По-прежнему хочешь забрать документы?» — вспомнил ее утреннее желание. — «Да». — «А зачем тебе они сейчас?» — «Просто так — для порядка. Я же уезжаю», — объясняет она ему, недогадливому. — «Знаешь, я тебе их так — для порядка — не отдам! Пройдет конкурс, ты в нем поучаствуешь, посмотрим результаты, не пройдешь — тогда и придем, не волнуйся. Все равно нынче приемная пора закончилась», — убеждал ее председатель комиссии.

На том и расстались. Дома матери было сказано, что не прошла по конкурсу, а буквально на следующий день позвонили из местной газеты, пригласили на работу. (Раньше она писала туда заметки о комсомольской дружбе, стройотрядах и т.п.) Естественно, она согласилась. И уже в середине августа у нее появилась трудовая книжка, свой стол в редакции, 75 рублей зарплаты и тема — молодежная. А еще через неделю пришла из Москвы открытка, где сообщалось, что она зачислена на 1-й курс МЭФИ. Открытку первой из почтового ящика достала мама и учинила большой разнос за обман.

## КАРМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ

Все-таки почему она все не бросила и не уехала на учебу? Честного, вразумительного ответа и сейчас нет. Видимо, она настолько одурела от столичного «напряга», что даже домашний казался меньше. Возможно, морально не могла так надолго лишиться общения со своей матерью, к которой была привязана всеми нитями своей души. Считала, что надо адаптироваться к переезду в большой неласковый город. Но, скорее всего и вероятнее всего, здесь было вмешательство Судьбы, которая одна объясняет все нелепицы наших поступков.

...Между матерью и дочкой произошел горячий разговор над московской открыткой, в результате его дочь осталась дома. Вообще же ее привязанность к матери была фантастической. Дочь не представляла себе жизни без нее. Никуда далеко от нее не хотела уезжать, была какая-то магическая связь между ними. Однажды дочь была в отъезде и оттуда позвонила маме на работу. За нее ответила ее коллега. «Где мама?» — спросила дочь. — «Ой, дорогая, ты только не волнуйся, мама ездила в командировку, и по дороге их машина опрокинулась, но ты не волнуйся...»

Где бегом, где на попутной машине Наташа неслась в сторону дома. Сердце бешено колотилось, мысли путались, а в душе была горячая мольба к Богу: «Миленький, добренький, только Ты спасешь мою мамочку! Хочешь — меня заведи, но ее оставь! Умоляю Тебя!!!» Прибежала домой, стала, задыхаясь от волнения, спрашивать у отчима, где мать? Глядь, а она сама калитку открывает. Слезы перешли в рыдания, она долго не могла успокоиться и поверить своим глазам, что матушка ее драгоценная жива! Господи, да слава же Тебе и еще тысячу раз — Слава и Слава! За Твое милосердие к ней и к матери!!! Много домашних работ в доме держалось на Наталье. Старшие дети отчима поступили на учебу, а ей надо было и воду таскать, и посуду мыть, и в доме убирать, и за детьми младшими смотреть. Тогда было в моде поздравлять родителей со стороны школы с разными праздниками, и у нее накопилось несколько открыток, где директор школы писал: «Спасибо тебе за воспитание своих брата и сестры». Так, по сути дела, и было. Мать часто приходила домой поздно, часов в девять вечера. То готовила отчеты, то сдавала их. Она была главбухом в лесхозе. И у нее там все должно было быть в полном порядке.

Однажды, когда Наташе исполнилось тринадцать лет, мама не пришла домой ни в девять вечера, ни в десять. Наташа страшно переживала — не случилось ли что. В пол-одиннадцатого не выдержала и, уложив спать накормленных детей, пошла маму встречать — лишь бы только поскорее увидеть. На улице сплошная темнота. Даже свет из окон чужих домов был редким — люди уже легли спать. Пробиралась чуть ли не на ощупь. Вдруг мимо в сторону лесхоза быстро проехала машина скорой помощи. И все. Ее воображение сразу нарисовало картину маминой острой болезни или даже смерти, и она упала в обморок. На ее счастье, мама уже шла домой, наткнулась на свою дочку и

остановила скорую помощь, которая возвращалась со срочного вызова к какой-то старушке. Дочку привели в чувство, а мать отругала ее за чрезмерное беспокойство.

## УРОКИ ПО ТВ

Наташа не понимала, почему по телевизору не воспитывают народ? Почему не показывают самые интересные мировые кинокартины и спектакли, почему лучшие учителя страны не ведут классы по иностранным языкам, по математике, литературе, по физике. Ей казалось, это с огромной пользой прослушивали бы не только дети (у которых бывают Бог знает какие невежественные учителя), но и взрослые, не получившие образования.

Удивляло ее и то, что страна не строит дорог, словно боится, что враг снова нападет на нас и по хорошим дорогам быстро доберется до Кремля. Но как прикажете развиваться родной земле, если от сел, деревень даже до райцентра — непролазная грязь и топи болотные? Разве умный, активный человек проедет туда, даже при желании учить-лечить сельских детей? Какие артисты, певцы, чтецы, поэты захотят преодолевать такие испытания? Почему власти не строят эти живительные — как капилляры для организма — пути, соединяющие, культурно поднимающие людей?

Ей хотелось, чтобы ее Родина была прекрасной, какой и должна быть. Иначе для чего мы здесь? Зачем нас нарожали наши родители? Вот, например, она не понимала, почему по телевизору не учат людей воспитывать своих детей; культурно жить — не сморкаться в «кулак», не материться, не хлопать женщину или девушку по плечу или того хуже — по попе.

Почему людям не прививается и красота быта: ухоженные дома, цветники, мощеные дорожки, уютные лавочки? У них дом был неплохой, но внешне не очень ухоженный: где-то торчали жерди, не было резных наличников, аккуратной калиточки, не было даже палисадника! А у бабушки все это было! Она просто страдала, что их дом — не самый красивый на улице, тем более что и труда-то для этого надо немного. Говорила маме, та говорила своему мужу, но эти эстетические заботы совсем не вписывались в быт взрослых..

Почему нигде не воспитывается у детей красота отношений? Ну есть же она где-то, есть! Почему не у нас? «Барышня, дорогая, позвольте, извините, рад стараться, при всем моем почтении...» Все это было вычитано из книг, но разве не они — учебники жизни? На эту тему она даже написала письмо в Верховный Совет, но ответа так и не получила: постеснялась указать свой полный адрес (вдруг там узнают, что ей всего семнадцать лет, и она, салага, их учит!).

...Вот такие глупые девочки росли в нашей стране, мечтали о большой, сильной любви и крепкой семье, мечтали что-то важное, полезное сделать для своей Родины. Наташа понимала, что все будет очень непросто, за это придется «постоять», много попотеть, но была заранее согласна на все, лишь бы не серая, бездарная жизнь, в которой и вспомнить-то будет нечего.

Она была терпелива, вынослива, неприхотлива во всем, кроме цели. А теперь, Боже, скажи честно, на что я Тебе в свои семнадцать лет сгожусь?

## ЗИМНИЙ ВЕЧЕР НА ДОРОГЕ

...Морозное утро. Конец февраля. Сегодня день рождения ее любимой матери, и она, 17-летняя девушка, едет в областной центр за подарком. До него 75 километров. Решено: покупает для мамы красивые часики на свои первые трудовые деньги.

День пробежал мгновенно. Коробочка с часиками «Луч», сладости, гостинцы — все при ней. Однако обледенелый трамвай тянется в сторону автовокзала ну совсем уж медленно, а временами и вообще стоит на месте из-за снежных заносов. Наташа мучительно всматривалась в оттаявшую дырочку запечатанного морозом стекла, надеясь вот-вот увидеть автовокзал...

Но время бежало быстрее трамвая, и на последний вечерний автобус в сторону ее городка Наташа опоздала. И всего-то чуть-чуть, на десять минут. Но автобус ушел! Что делать? Девушка мечется по автовокзалу, не веря своему несчастью. В сторону ее райцентра до утра ничего не идет.

Но не может же она, в конце концов, смириться с такой несправедливостью!

Подбегает к такси. За рулем сидит пожилой, простецкого вида таксист. Так и так, рассказывает дядьке, давайте догоним автобус. «Пока он, большой и неповоротливый, выползет на трассу, мы — такие быстрые и ловкие — его перехватим». — «Давай уж прямо до дома, — говорит таксист. — Денег-то хватит?» — «Нет, не хватит, — отвечает Наташа. — Денег только на четверть пути». — «А что дальше будешь делать?» — усмехается он. — «Но ведь мы догоним. Поехали!» — настаивает она. — «Нет, у меня через час заказ. Не могу».

Просит других таксистов. Они отказываются, не верят, что при таком снегопаде можно кого-то догнать. Тогда она вернулась к первому таксисту. Он ей показался добрее остальных. Стала снова уговаривать его, «ручаясь», что они догонят автобус и он еще успеет на свой заказ. «Ладно, садись».

Поехали. Едут-едут, а автобуса все нет. Дорога — полный кошмар.

Лед и метель. Проходящие огни машин едва видны. Счетчик крутится, а такси еле двигается. В кармане — 1 рубль 56 копеек.

Таксист тревожно на нее поглядывает:

«А если не догоним?» — интересуется. — «Когда накрутит 1-56, я выйду, — успокаивает его. — Буду ждать попутку».

Этот роковой момент все-таки очень скоро наступил. Они уже свернули с большой трассы на малую дорогу, по которой надо проехать пятьдесят километров до родного дома, где уже вот-вот начнется веселье в честь дня рождения мамы. Она уже чувствует ее волнение из-за Наташиного отсутствия и что та не помогает ей с подготовкой к столу.

Девушка отдает таксисту деньги, выходит из машины. Кругом чистое поле, вдалеке лес, где жилье — не видно, не ясно, есть ли оно поблизости.

«Ладно уж, давай обратно отвезу, на вокзале дождешься утра, а там что-нибудь придумаешь», — предлагает таксист. — «Нет. Мать волнуется, у нее сегодня день рождения, а у меня подарок. Буду ждать автобус — вдруг мы его обогнали, не заметив в снежной мгле, или попутную машину...»

Такси развернулось и уехало.

Сначала она ожидала, что автобус вот-вот появится и мимо нее уж никак не проскочит. Но время шло, мороз к ночи крепчал, уже пробирал до костей, а машин — ни одной! Ни к дому, ни обратно. Тем более что и дорога была «местного значения».

Стыли руки, она совсем уже не чувствовала ног, лютый холод пробирался под одежду. Пустая белая дорога, полная луна и несчастная замерзшая девочка. Картина того вечера отпечаталась в ее сознании навсегда.

Она помнит, как обессиленная, уставшая от притоптываний и маханий руками, стараясь сохранить в себе последнюю «теплиночку», подоткнула под себя полы зимнего пальто и села на сумку с покупками... Сжалась в комочек.

И все.

## ЕЕ СПАСАЮТ!

Сколько это длилось, Наташа не представляет. Но сквозь ускользающее сознание вдруг ощутила, как кто-то поднимает ее и толкает в приятное тепло. Сон готов вновь сморить ее, но от тепла «отходят» руки, ноги, и дикая боль пронзает все тело. Слезы, пылающее лицо, немеющее тело. Кто везет ее? Куда они едут? Пока не до этого. Не все ли равно? Хотя бы справиться со своим организмом, перевести его из режима «холод» в «тепло», преодолев режущую боль, боль, боль...

Когда критический момент был немножко пройден, ее сразу же сморил сон. Потом раздался голос: «Просыпайся, скажи, куда в городе ехать? Где твой дом?»

Она открыла глаза и увидела перед собой в кабине что-то знакомое. Закрученный синей изолентой прибор на панели. Посмотрела на водителя, сидящего рядом. Это был тот же дядька из такси!

«Но ведь вы же уехали! — удивилась она. — А у меня больше нет денег! Почему вы вернулись?» — «Что удивляешься? Я ехал, думал, что встречу какую-нибудь машину, которая подберет тебя, но встречных не было. Погибнет, думаю, девка на дороге. Так тебя жалко стало! Ты представляешь, как бы я заснул, зная, что сегодня ты насмерть замерзла на дороге? Сколько лет я бы себя корил, зачем согласился тебя подвезти! Поэтому развернулся — и обратно. Еле отыскал тебя, всю уже снегом занесло. Хорошо, что увидел маленький бугорок». (То была она, видимо, уже уходящая к праотцам.)

Они подъехали к дому, и девушка стала уговаривать доброго человека зайти к ним, обогреться, поесть, получить деньги...

«Нет, я тороплюсь на заказ», — отказался таксист. — «Спасибо вам! Большое!» — понимая его значение в своей жизни сказала она. — «Спасибо и тебе, что ты уцелела», — ответил он.

Таксист развернулся и уехал. От неожиданности Наталья даже не рассмотрела залепленный снегом номер машины и не спросила имя водителя, а по сути — своего спасителя...

Впереди его ждало расстояние в семьдесят пять заснеженных верст, а ее — долгая-долгая благодарная память об этом простом, но таком удивительно благородном человеке. Сколько раз она, мысленно обращаясь к Богу, благодарила этого бесподобного человека за его поистине царский подарок — жизнь неразумной девушке.

В то время чаще встречались люди, которые не допускали мыслей о том, что на дорогах можно убивать, грабить, насиловать беззащитных людей. У них в душе еще было живо понятие о милосердии и любви к ближнему. Спасибо всем вам, добрые, добрые люди! Слава Тебе, Боже, за умиленные молитвы растроганной души!



## ДЛЯ ЧЕГО МЫ ЗДЕСЬ?

Наташа постоянно задумывалась, зачем, для чего люди живут? Что они должны сделать за свою жизнь? Что понять? Что совершить? И еще — зачем они без радости, без доверия и понимания живут в браке? Кому нужна эта бесцельная беспросветная жизнь? Почему-то чаще всего она об этом думала зимой, в сильные морозы, глубоким вечером.

Вовсю светила луна. Она с ведрами шла на колонку за водой и медленно возвращалась, неся полные ведра, а когда через несколько шагов останавливалась передохнуть, то обязательно разговаривала с полной луной: «Скажи мне, зачем мы здесь? Зачем я родилась? Ну не просто же так?! Что я должна сделать в этой жизни, чтобы не быть пустоцветом?»

На засыпающей улице не было ни одной души, лишь кое-где светились маленькие окна под занесенными снегом крышами. Уже замерзли ее руки в мокрых рукавичках, а она смотрела на эту потрясающую красавицу луну, улыбалась ей, и ей казалось, что ночное светило ее обязательно слышит, понимает ее вопросы и тревоги и даже в ответ улыбается девушке. Такое нежное доверчивое отношение с Луной у них установилось тогда еще, много лет назад, и не прекращается до сих пор. Луна ее по-прежнему «слышит».

Вопросы о смысле жизни она задавала и своей любимой учительнице по русскому и литературе — интеллигентной худенькой и красивой, невзирая на большую хромоту, Вере Максимовне Денисенковой, которая после своего переезда в другой город находилась с девушкой в долгой переписке. Обмен письмами шел по фундаментальным вопросам бытия.

Что она к тому моменту (ей — 17 лет) уже понимала? Надо рассказывать детям, зачем они рождены. Нельзя доверять воспитание детей кому попало или бросать его на самотек. Молодые люди должны понять, что они хотят (и смогут) сделать для своей родины. Твердо идти к своей цели. Любовь может и должна преодолевать любые преграды! Для нее нет слова «нет». Любишь — найдешь любимую хоть на Марсе. Семья должны быть только счастливой. Иначе нет смысла затевать это рискованное дело. Верность друг другу должна быть без всяких оговорок.

Словом, типичный юношеский максимализм, романтизм, наивность плюс идеализм. Но самое страшное (или удивительное), что и сейчас она считает так же, как в семнадцать лет. Время не «излечило» ее.

## «ИЗВЕСТИЯ»

В один из весенних дней она прочла в «Известиях» статью о столичных вузах и приеме абитуриентов. Там рассказывалось, как провинциальные школьники реагируют на вступительные экзамены и на отношение к ним, салагам. Приглашали абитуриентов поделиться своими впечатлениями. Наташа тут же написала о своей летней московской эпопее, о том, какой барьер преодолевают выпускники школ, когда сталкиваются с нигилизмом, но потом, спустя годы, она поняла — не с нигилизмом, а с вброшенным в вузовскую культуру духом шариковского превосходства и хамства, абсолютно чуждым столичной интеллигенции, но, к сожалению, укоренившимся...

Дух письма заключался в том, что даже при случившемся прошлым летом столпотворении абитуриентов можно по-разному на это реагировать. Чванливо и нахально, как во ВГИКе, и заботливо, как в финансово-экономическом институте. Правда, в письме она не написала об открытке из вуза, где ее уже зачислили. Видимо, потому, что к конкретной теме (человечности) это не очень-то и относилось.

Вскоре она получила ответное письмо из «Известий». Корреспондентка газеты Элла Максимова благодарила за отклик и за искренний рассказ. Кроме того, она писала, что почувствовала в девушке хорошего, доброго человека, у которого в жизни все должно получиться. Она сообщала, что ее письмо будет опубликовано весной, ближе к экзаменам.

Так и случилось. В июне вышел очередной номер «Известий», и там — Наташино письмо. Упор в публикации сделали на то, что два вуза — как две планеты. «Культурный» вуз вел себя не вполне культурно, а бухгалтерский — считай канцелярский — наоборот, по-отечески заботливо. Все зависит не от профиля вуза, а от «человеков». А «человеки» в Москве должны быть лучше остальных, так как столица — лицо государства.

Через пару недель ее вызвали в райком комсомола и передали распечатанное толстое письмо. Она прочитала и густо покраснела. Полная отповедь ей по поводу известинской заметки. Она до сих пор помнит свое тогдашнее состояние тошноты. Смысл письма: «Как ты, негодяйка, посмела поднять свой мерзкий голос на ВГИК! Тебя не приняли, и ты нам гадишь! Мы все тут — такие заслуженные... А ты? Ты — кто?» Профессор ВГИКа предлагал райкому осудить ее поведение как не соответствующее облику советского комсомольца. Дальше профессор вопрошал: «А кто знает, может этот реверанс (первый раз она слышала это слово) по отношению к МЭФИ был сделан ею в далеко идущих целях?» Каких? Ах, да они ведь не знают, что ей нечего «реверансировать», —

МЭФИ ее и так уже принимал.

Это гневное письмо на имя райкома комсомола с требованием принять меры к Наташе, присмотреться, «какую змею выращивают», подписал профессор ВГИКа Лебедев. Но в райкоме ее уже хорошо знали — она же работала в газете! — и только посмеялись над этим письмом. Они, наоборот, гордились, что их корреспондентка выступила в такой уважаемой газете.

Наташа плохо спала пару ночей, а потом решилась на неожиданный поступок. Документы уже были собраны, она дождалась новых фотографий и медсправки и отправила все это «абитуриентское добро» в Москву. Домашние и друзья считали, что письмо отправлено в МГУ на журфак (об этом она мечтала всю зиму и весну), однако документы пошли по другому адресу. Во ВГИК! Доводы: вы думаете, я вас испугалась? Нет, мы встретимся глаза в глаза! И я точно хорошо сдам экзамены, не зря же весь год готовилась к ним.

Старый ее друг, преподаватель немецкого языка Владимир Ипатьевич Хорошкин, узнав об этом (что она снова «двигает» во ВГИК), заволновался:

«Кому ты хочешь что-то доказать? Зачем ты себе делаешь плохо? Театральные жесты никто не оценит!» Эту же песню запели и коллеги «по цеху». Их активное здравомыслие воздействовало: «Зачем кому-то тебе что-то доказывать?! За письмо обиделась? Да пошли ты их! — возмутились они. — Представь, а вдруг ты туда поступишь? Как же тогда без тебя будет жить любимая журналистика?!» Это был сильный довод. О нем Наташа думала всю ночь — в поезде. И когда ступила на московскую землю, решила все-таки убрать свою строптивость, забрать документы из ВГИКа и отнести их в МГУ. Наутро она стояла в приемной комиссии. Дежурившей красотке с распущенными ржаными волосами сказала, что пришла за документами. Девушка сонно произнесла: «Отдам, но давайте ваш паспорт». Увидев ее фамилию, она заинтересованно, словно проснувшись, внимательно посмотрела на абитуриентку и, буркнув: «Я счас», ушла в другой кабинет.

Ее не было минут пять. Затем вышел высокий, чуть сутулый, седовласый и властный человек. В руках у него был Наташин раскрытый паспорт. Он молча обошел вокруг девушки, словно не веря своим глазам, а потом паспорт закрыл и сказал: «Документы получите только после вступительных экзаменов. Не раньше. Заберите свой паспорт».

И ушел. Растерянная, она осталась один на один со своей судьбой. Что делать? Такого поворота Наташа не ожидала. Выйдя на улицу, зашла в сквер, села на скамейку и долго смотрела на скульптуру «Рабочий и колхозница». Этой картинкой всегда начинались кинофильмы. Хорошо же, им, рабочему и колхознице, стоят себе мирно, все ими любят. И никаких тебе экзаменов, никаких приемных комиссий.

Неожиданно в голову пришла спасительная мысль: позвонить в «Известия»

Элле Максимовой! Что она посоветует? Наташа купила свежий номер «Известий», позвонила из телефонной будки в известинскую справочную и вскоре уже знала телефон Максимовой. А вдруг ее нет? Вдруг в отпуске? Или в командировке? Что тогда? Но все обошлось. Ангел помог. Добрый голос ответил: «Вас слушают. Я — Элла Максимова».

Как могла кратко и внятно рассказала про письмо из ВГИКа, про свою дурацкую затею с документами и про то, что их ей не отдают обратно, а завтра — последний день приема документов в МГУ... Максимова все поняла. Она сказала: «Перезвони мне через час». Девушка хоть и с тревогой, но с облегчением бродила по парку, зажав в кулаке двухкопеечную монету и заучив наизусть телефон Максимовой. Через час Элла Максимова сказала: «Иди в приемную, они вернут документы».

И вот она снова в приемной. Красавица молча — уже без паспорта — отдает скромную тоненькую папку документов. Наташа благодарит и уходит. Учеба во ВГИКе не состоялась и расправа им не удалась.

## МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Через порог факультета журналистики она переступала с замиранием сердца. Самое известное заведение страны. Куда она идет? Да как она смеет? Какие у нее провинциальные знания? Разве они могут сравниться со столичными? Да и вообще — какой из нее может получиться журналист?

Возле приемной факультета журналистики МГУ сплошные чьи-то дочки и сыночки. Мальчики вальяжные, девочки симпатичные, уверенные в себе. Но тут же стоит и стайка провинциалов. Отличаются разительно. По выражению лиц, одежде, поведению... Шансов у приезжих немного, но надо попробовать. За ними никого с термосами, с именами педагогов, репетиторов, профессоров. Но за ними кое-что все же есть — малая родина, которая их выпестовала и вытолкнула в большой мир, а теперь наблюдает, что из этого получится.

Ну и что? Смелость — второй капитал. Ничего не бойся, ничего не проси — сами дадут (если стоишь того). И дали. Преподаватели были доброжелательные, прощали мелкие ошибки, и Наташе показалось, что к провинциалам они были снисходительнее...

...Начались суровые студенческие будни. Учеба шла неплохо, но когда она приезжала домой, отчим упрекал: «За наши деньги ты учишься. Ты должна быть мне благодарна...» Деньги, она знала, были мамины, но упреков ей не хотелось. А денег тех было — всего 15 рублей в месяц. Ей их явно не хватало. Разумеется, ни покупки книг, ни одежды, ни походов в театр на них не совершишь. Да и все так жили. Подрабатывали, как и где могли. Поняла — надо и ей искать заработок, иначе к концу учебы она по гроб жизни будет должна отчиму.

Подалась на заработки и она. На ближайшей к МГУ почте стала работать с 6 до 8 утра. Вставала в 5 утра. Почтовики собирали ей большую сумку — с газетами и журналами, письмами. Вот и пожалуйста, к своим жильцам по участку, на котором пять больших домов. После этого заслуженно выпивала стакан кофе с молоком и съедала бутерброд с докторской колбасой.

Тогда еще не было почтовых ящиков на первом этаже подъезда, и подниматься приходилось к каждой квартире. Для того чтобы не таскать за собой по этажам все газетные пачки, она припрятывала их под лестницей на первом этаже. Разнесет все положенное в один подъезд, возьмет новую порцию и в следующий. Однажды спустилась с этажа, смотрит — газет нет! Ни одной стопки! Где они? Никто не знает. Все качают головами. Пока не появилась уборщица, она предположила, что пионеры приняли свежие газеты за макулатуру и унесли их в школу. А какие пионеры и в какую школу — кто же их знает и кто теперь найдет? Так вместо прибыли оказался у нее большой убыток. Пришлось бежать в МГУ и занимать у друзей деньги, в киоске покупать по почтовым спискам газеты, журналы (да еще далеко не все нашлись!) и разносить их с глубокими извинениями по квартирам.

## ИВАН ЕФРЕМОВ И ТАИС АФИНСКАЯ

Так она познакомилась с замечательным писателем-фантастом Иваном Антоновичем Ефремовым. Он как-то сразу обратил на нее внимание, очень сочувствовал ее пропаже, приглашал в свое жилище и вместе с женой — маленькой очаровательной Таисией Иосифовной — или иначе знаменитой «Таис Афинской» — принимался допрашивать: кто она, как учится, о чем мечтает. Сам он был высок, бритоголов, чрезвычайно любознателен и доброжелателен. Девушку удивляло, что в глаголах вместо конечного «л», он говорил «в»: «я пришел, увидев, поев, сделал»... Потом узнала, что так говорят волжане. Иван Антонович часто угощал ее конфетами, но от стеснения она категорически отказывалась. Он «говорив», что симпатичным девушкам неприлично отказываться от конфет, «велев» получше учиться, «разрешав» пользоваться его библиотекой. А Таисия Иосифовна все совала в ее карман то деньги, то пирожки. Рассказывал Иван Антонович о своих детях — Алане и Даше: как учатся, как не слушаются. Дети были большими, и в доме она их ни разу не видела.

Как-то раз в их подъезде, в лифте к ней стал приставать какой-то наглец. Лез с поцелуями, зажимал рот, когда она хотела кричать, и норовил попасть руками внутрь ее одежды. Как могла она давала отпор, ей было ужасно стыдно, что к ней пристают, но она вынуждена была производить побольше шума. Кто-то проходил по лестнице мимо, услышал шум, поднял еще больший, люди вышли из квартир (тогда еще выходили!), но этот паразит, натянув на голову свитер и грубо растолкав пожилых людей, выскочил из подъезда.

Жильцы дома ей очень сочувствовали, они уже привыкли к «маленькой студентке», а Таисия Иосифовна поила ее у себя чаем и ругала стервецов. Нежная, необыкновенная, интеллигентная была эта удивительная семья. А Иван Антонович, потом увидев девушку на улице, всегда упирал пальцем в свой нос и поднимал голову повыше — дескать, не отчаивайся, студентка, держи нос и голову выше! Эта простота великих людей ее и потом всегда трогала и подкупала; она знала, что только мудрые люди могут быть доступны и просты со всяким — и большим, и малым.

Она вспомнила такую притчу. «Одна женщина захотела побеседовать с царем. «У меня нет времени», — ответил он. — «Что же ты за царь, если даже у тебя нет времени».

Учеба не была легкой, тем более что вскоре, после упреков отчима, Наташа решила найти себе работу, чтобы не зависеть от матери и отчима. Чтобы он и маму не упрекал, что, дескать, зачем она шлет мне деньги. Помог ей устроиться на работу муж родственницы Анжелы — Юра. О нем и о работе она расскажет позже. А пока про учебу. Днем — работа, а за ней вечерние лекции, а потом зачеты, экзамены. Бывало и такое, что от усталости она засыпала на занятиях.

Но все-таки Москва — это Москва! Столица, друзья, приобщение к культурной жизни, новые увлечения. Скверы, магазины. Театры, улицы, Главный телеграф, улица Горького — как Бродвей в Нью-Йорке. Хотя она его

еще не видела. Подружилась со студентами-философами. И дружила с ними больше, чем со своими однокурсниками.

#### «ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА»

Много разных — смешных и драматических — случаев было во время учебы. Она помнит, как на экзамене по зарубежной литературе молодой амбициозный преподаватель Александр Сергеевич Мулярчик, прослушав весь ее ответ (а один из вопросов был по Диккенсу), спросил: «А вы читали «Трудные времена» Диккенса?» — «Нет, не успела», — честно ответила девушка. — «Что ж вы идете на экзамен, если не прочитали всю рекомендованную литературу? Ну что ж, тогда экзамен не сдан, придете на пересдачу».

Это была первая двойка. Она, естественно, не стояла в зачетке, но виртуально все же была... На следующей неделе Наташа пришла к нему на пересдачу. Хорошо ответила на все вопросы. Ну прямо почти на пятерку — не потому, что так уж хорошо она знала «зарубежку», а просто повезло с вопросами. Мулярчик удивленно спрашивает: «Почему вы не сдали в прошлый раз?» Она все честно рассказала. Он неожиданно спросил: «А теперь-то вы прочитали «Трудные времена»?» Ну что ей стоило соврать, даже если бы он и понял это, то, скорее всего, простил бы — сам же, в конце концов, не так давно был студентом! — «Нет», — потупившись, честно ответила она. — «Извините, ну тогда у вас снова не приму. Ничего другого вам предложить не могу...»

Страшно огорченная, она удалилась. И лишь позже узнала, что теперь ее ожидал... уже не один Мулярчик, а целая экзаменационная комиссия! Кошмар! Вот до чего докатилась! И вот она сидит перед четверкой преподавателей. Три женщины и тот самый Мулярчик. Достаточно хорошо отвечает на все вопросы в билете. Снова повезло с билетом, наверное, за правду. Преподаватели готовы поставить «отлично», но одна из них все же интересуется, что случилось, почему студентка докатилась до комиссии...

Наталья все честно рассказывает. И про первый случай, и про второй... Женщины вовсю хохочут, Мулярчик немного смущен.

Но он и здесь «не подкачал»: «Ну хоть теперь-то вы наконец прочитали «Трудные времена»?!!» — «Да, да! Расскажите нам, вы все-таки прочитали эту книгу?!» — они вопрошали это с таким намеком, что скажи же ты, злодейка, слово «да»! Но в ответ они услышали другое слово: «Нет, не прочитала», — честно, глубоко вздохнув и потупившись так, словно ее поймали на краже, ответила Наталья.

Смех грянул еще сильнее и не стихал пару минут. Некоторые из преподавательниц даже слезы вытирали...

«Ну все, выгонят меня из университета, и ведь будут правы. Какого черта я никак не прочитаю эту дурацкую книжку?» Наталья сама себе удивлялась... Но, видимо, в благодарность за эти минуты расслабления и разрядки женщины вдруг накинулись не на девушку, а... на Мулярчика! — «Александр Сергеевич, что же

вы творите?! Нельзя же так издеваться над бедной и честной девушкой! Почему вы к ней привязались — читала, не читала? А вы-то сами читали эту книжку?!»

Мулярчик поднялся и, громко хлопнув дверью, ушел из аудитории. За это вместо «отлично» в зачетку ей поставили «хорошо».

Преподаватели, скорее всего, понимали, что прочесть весь огромный список рекомендованной литературы нереально. К тому же впереди — большая жизнь, и не надо лишать людей вдумчивого знакомства с хорошей классической литературой.

Потом Наташа и сама думала, откуда же взялась у нее такая настырность? А поняв, успокоилась: разум ей диктовал не проскакивать ради экзаменов, как бешеный козел, по настоящей хорошей литературе. Потом, в жизни, появится «синдром уже прочитанного», и будет трудно возвращаться к книгам, которые уже «прошел». А где и как же тогда получить настоящее наслаждение от мировой классики? Кстати, это часто с ней и потом случалось: во время учебы она старательно примечала, к чему надо неторопливо и основательно вернуться после университета. После сдачи экзамена она купила себе эту книгу и с удовольствием ее прочла. Она очень даже достойна прочтения. Спасибо Мулярчику — он оказался таким же настырным человеком, как и Наташа.

## СВЕТА

Наташино первое знакомство с ней произошло на лекции, на журфаке. Поговорив на животрепещущую тему — о предстоящих экзаменах, Света спросила, где она живет. Наташа чистосердечно призналась, что жить ей негде. До того момента она снимала жилье, но хозяйка встречала сына из армии. Куда теперь деться? Арендодателей было мало, а нанимателей — много, поэтому Наташа пополнила армию людей, ищущих жилье. Света, не задумываясь, сказала:

— Поехали ко мне. Сразу после лекций.

У девушки выбора не было, напротив, это был подарок судьбы.

...Вот таким образом после общежития МГУ и съемной квартиры ей выпало счастье жить в одной комнате со своей подругой Светой, с которой они потом делили последний рубль. Света помимо учебы работала секретарем у одного большого московского начальника. Благодаря этому у нее было место в общежитии на станции Лось. Вот туда она и пригласила Наташу. По дороге предложила купить мороженую треску и картошку, чтобы вечером плотно поесть.

Наташа была обрадована и удивлена тем, что кто-то так просто зовет ее к себе на ночевку, это раз. И два — что у человека есть условия жарить рыбу и варить картошку! Повеяло чем-то совсем домашним и основательным. По душевной доброте подруги Наташе удалось прожить в этом спасительном месте до облавы, то есть до тех пор, пока о ее ночевках не проведала комендантша и не попросила немедленно, с вещами, покинуть комнату не в меру гостеприимной подруги. Это было правильно, и даже хорошо, поскольку они со Светой спали на



одной панцирной кровати, и Наташа всю ночь держалась руками за металлический каркас, чтобы не мешать подруге выспаться перед работой.

Кто эту кровать знает, тот понимает, что это ложе — не для двоих. В ней, как в мешке, — один мешает другому. Наташа собрала чемодан и вышла в черную ночь. Света выбежала следом: «Надо что-то придумать».

Наталья вспомнила, что коллега дал ей вчера телефон старушки, которая колеблется — сдавать жилье студентке или нет.

Нашли монеты, стали из телефона-автомата ей звонить. Старушка уже спала и, понятное дело, очень не хотела ночью кого-то пускать к себе. Но кое-как удалось ее уговорить. Жила она на другом конце Москвы. Прикинули свои финансовые ресурсы и решили, что на метро лучше, но не успеем. А тут как назло оторвалась ручка у чемодана. Света вызвалась ехать на такси вдвоем — вдруг старушка передумает Наташу пускать?! С другой стороны, а что изменилось бы от присутствия Светы? — Ничего, но все же была бы моральная поддержка.

Взяли такси, доехали, отдав последние деньги. Решили: здесь заночуем вдвоем, это лучший выход. Но старушка была тверда: пушу только одну — и никаких компромиссов. Скажите спасибо, что вообще дверь открыла... Спасибо, спасибо, куда ж они денутся да еще с чемоданом без ручки? Света благословила подругу, а сама ушла на вокзал — дожидаться первой утренней электрички: денег на такси уже не было.

## ВАННИКОВА

Другой случай тоже был связан с литературой, с «зарубежкой» — той ее частью, которой «заведовала» знаменитая на весь факультет своей «жестью» Ванникова.

В тот день на экзамене она особенно лютовала. Неуды шли чаще, чем через одного.

Наташа была в числе последних, она прибежала на факультет после работы — усталая и страшно голодная: вместо обеда штудировала учебники. Последней зашла в кабинет, вытащила билет — он ее, к счастью, не испугал, ответы уже рисовались в воображении.

Сидит, готовится, но от умных мыслей отвлекает желудок. Тем более что прямо перед заходом в аудиторию дорогая подруга Света подсунула ей два свежих кекса. Съесть она их не успела, но думала о них больше, чем о билете.

Положила их в ящик парты, и рука ее непроизвольно заползала туда, отламывала кусочек и, наклонив пониже голову, она засовывала его в рот. И так несколько раз.

Вдруг передо ней — как монумент — встала разгневанная Ванникова: «Сейчас же покиньте аудиторию! Я не стану принимать у вас экзамен! Я ненавижу, когда студенты нагло списывают! Будете сдавать только комиссии!»

Наташа встала и... стала собирать свои вещи. Потом подошла к общей полке, она висела вдали от парт у самого входа, взяла учебник по зарубежке, потом из-под парты достала полтора кекса и двинулась к двери. Неожиданно в аудиторию влетел студент, который уже сдавал этот экзамен и, извинившись, он ринулся к той же парте, из ящика выхватил раскрытый учебник и исчез из аудитории. Все это произошло за одно-два мгновения. Наташа уже выходит и вдруг слышит гневный голос Ванниковой: «Стоять! Сейчас же назад! Так это был не ваш учебник?» — «Какой?» — растерянно спросила Наташа. — «Какой был раскрыт под партой!» — пояснила Ванникова. — «Не мой». — «Вы смотрели в него?» — «Нет». — «А что вы делали под партой?» — продолжается допрос. — «Кекс ела», — смущенно ответила студентка. — «Садитесь, отвечайте на билет».

Только она собралась отвечать на вопросы, как Ванникова сочувственно говорит: «Вы никогда не станете журналистом. Бросьте, пока не поздно, эту профессию». — «Почему?» — удивилась Наташа. — «Вы еще и удивляетесь? А чего удивляться, сразу же видно, что вы не умеете защищаться, не умеете и нападать! Без этого журналисту дороги нет».

Наташа молчала. Что она могла ответить? Она сама еще не знала, получится из нее журналист или нет.

«Вот и сейчас вы молчите. Почему не оспариваете мои утверждения?»

И правда — она сидит и тупо молчит. Почему? Ванниковские упреки так

далеки от ее ежедневных проблем: где переночевать, как не проспять на работу, как сделать там все положенное, как найти деньги на еду, на квартиру... Если уж совсем честно, то сейчас ей точно нет никакого дела до Мопассана, Твиста, Джека Лондона, Байрона, Гюго и прочих, кстати очень хороших писателей. Им хорошо, у них уже нет тех проблем, что тяготееют над нею, простой провинциальной студенткой. Сейчас для нее главное — не разобрать «по косточкам» их творчество, а физически (или биологически) выжить. Но разве она может сказать все это преподавателю? Вот и молчит.

«Я видела у вас кексы. Не угостите меня? Я с утра не ела», — «помягчала» Ванникова.

Наташа достала свой сверток, и они вместе стали есть кексы, студентка доедала начатый, а другая, естественно, целый.

«Простите меня, что я на вас так накричала. У меня дома сейчас все так плохо, что нет сил ни до еды, ни до здоровья. Ставлю вам «хорошо» и очень прошу вас — научитесь защищаться. Иначе так трудно будет в жизни!»

Вот такой славной оказалась суровая Ванникова. Когда Наташа через час вышла из аудитории, ее ждала только истомленная верная подруга Света. Подруга страшно удивилась, что экзамен сдан. Из всей группы его сдали всего лишь шесть человек.

Еще один эпизод был связан с учебной частью факультета. Из-за несдачи какого-то экзамена Наташу не допускали до сессии. А экзамен сдать все время не удавалось — отсутствовал преподаватель. Девушка попросила своего куратора допустить ее до сессии — та ни в какую. Тогда другая кураторша (даже не этого курса), слышавшая этот печальный диалог, тихонько подзывает к себе Наташу, выводит ее в коридор и говорит: «Я дам вам допуск к сессии. Напишите мне свою фамилию. Приходите завтра. Почему дам? Да вы мне давно нравитесь!»

С утра Наташа поехала в Елисейевский магазин, отстояла очередь и за 5 рублей купила корзиночку клубники. Она бережно довезла ее до факультета. Открыла дверь в «учебку», кураторша, увидев ее, быстро вышла и протянула заветный листок. Наташа вручает ей клубнику — она не берет!

«Я рада вам помочь. Зачем вы тратились, у вас, студентов, знаю, и так нет денег!» Наташа умоляет ее взять клубнику, чужая кураторша умоляет девушку «не умолять ее», избавить ее от подарка. Молодая воля оказалась сильнее, корзиночку удалось вручить. Впрочем, здесь была не воля, нет, а то, что Наталья даже представить себе не могла, что она сама будет есть эту клубнику! За 5 рублей! Скорее она у нее сгниет, чем будет ею съедена..

На следующий день добрая кураторша перехватывает Наташу в коридоре и, отозвав в сторонку, вручает ей... флакончик французских духов! Боже мой! Почему? За что ей такие духи? «Я не должна была брать у вас клубнику, но коль уж вам удалось ее мне подарить, то я тоже хочу вам сделать подарок — возьмите эти духи», — она так твердо и настойчиво это говорила, что не взять их девушка не могла. Как, кстати, и попользоваться ими — это была непозволительная

роскошь, и при первой большой необходимости она их подарила тому, кто, на ее взгляд, их гораздо больше заслуживал.

## ЭКЗАМЕНЫ ЗА СЕСТРУ

Был еще один любопытный студенческий эпизод. Двоюродная сестра Ольга — с ней они «шкодничали» в детстве у бабушки — пригласила Наташу летом к себе в гости в областной город Черноземья. Там она работала и уже имела семью. Мужем ее стал симпатичный геодезист, который приехал на практику в их городок и на танцах познакомился с Наташиной симпатичной сестрой. У Оли были красивые карие миндалевидные глаза, прекрасный цвет лица и пышные кудрявые волосы. Он влюбился и через пару месяцев сделал ей предложение. От него нельзя было отказываться, тем более что Оля тоже, как и Наташа, жила в семье не с отцом, а с отчимом, он пил, бил домочадцев, которых уже было четверо детских душ. Сам отчим был прекрасным краснодеревщиком, но распространенное в народе зелье сгубило не одну семью, выпило кровь миллионов женщин...

Оля ответила согласием выйти замуж, но свою девичью честь даже после свадьбы берегла еще целых 17 ночей. И вот теперь она живет с мужем в этом славном городе, и, пока муж в длительной командировке, хочет сделать ему подарок — поступить в вуз.

Наташе она сообщила, что собирается поступать на вечернее отделение в местный филиал Московского финансово-экономического института, но боится, что не сможет выдержать экзамены.

«Давай, — говорит Наталья, — помоги мне, сдай за меня! Ты хорошо знаешь математику, да и вообще — ты же учишься в МГУ!» Вместо законного возмущения о предложенном обмане Наталья деловито спросила: «Слушай, а как же зачетка? Там и фото твое, и фамилия».

Они с сестрой были немного похожи. Решили так: на зачетке будет фото Наташи, а фамилия и имя — Оли. Экзамены будут сдавать пополам. Наташа взяла себе родное и близкое: математику и сочинение. Ольге оставались география и история. Наташа просила достать ей учебники, чтобы возобновить школьные знания, но сестра проигнорировала эту просьбу.

Что с нее возьмешь? Идея-то хорошая — учиться! И вскоре совершенно свободно без подготовки Наташа сдала «свои предметы» на четверки. Ольга никакие учебники не припасла для экзаменов, а потом совсем распустилась и историю сестре подсунула, оставив себе только географию.

Словом, с поставленной задачей обе начинающие аферистки справились, в вуз Оля поступила и училась в нем...

На последнем курсе она переехала в другой город и захотела перевестись в местный филиал института. Но центральный офис этого вуза был в Москве, и она попросила Наташу съездить туда и оформить перевод.

Наташа нашла вуз на улице Олега Дундича. Пришла туда, изложила просьбу сестры.

«Как ее фамилия?» — спрашивают в канцелярии. Называет. — «А кто вы ей?» — «Сестра». — «О, да вы так друг на друга похожи! Такая редкость». Только тогда Наталья вспомнила, что в деле Ольги была именно ее фотография.

## НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ

Прошло время. Наташа на каникулы приехала в гости к Ольге.

И вот в этом чужом городе Наташа к вечеру поехала навестить своих знакомых, которых никак не могла предупредить о своем приезде: телефона у них не было. Дома знакомых не оказалось. Она прождала их допоздна — до тех пор, пока не появились соседи и не сказали, что ее знакомые уехали надолго. Надо было возвращаться в дом к сестре. Зима, холодно. Ходит только один трамвай. А ей надо с одной окраины города перебраться до другой.

Одиноко стоит на остановке, ждет трамвая, мерзнет. Но тут вместо трамвая появляется компания молодых ребят, разгоряченных спиртным. Они сразу к девушке: «Давай с тобой знакомиться, ты нам нравишься! Поехали с нами, весело проведем эту ночку!»

Наташе становится противно и тяжело на сердце... «Господи! Помогите! Спасите меня от них!» — ее душа взывает к Богу, но на горизонте пока никакой помощи. Но вот вдалеке проявляются огни трамвая. Она понимает, что только он спасет ее, хотя ребята хватают девушку за руки и оттягивают в сторону от стоянки.

Как озарение мелькнула мысль! С волнением она сказала им: «Ребята, я сама рада с вами познакомиться, но мне позарез надо сесть на этот трамвай, а денег — ну ни копейки! Будьте добры, дайте мне сколько не жалко!» Парни не ожидали такой просьбы и дружно переключились на свои карманы. Стали рыться, но у них тоже было не густо, поэтому время шло, а трамвай приближался. Наконец вот он рядом. Наташа умоляюще смотрит на них, они наскребли какие-то монеты и высыпают их в ее протянутую руку. «Спасибо вам большое! И за деньги, и за компанию, а то я так боялась одна здесь стоять!»

Заходит в вагон, и вдруг... вся эта «кодла» влезает следом за ней: «Слушай, да мы тебя проводим до дома! А то тут знаешь какие братишки шастают! Тебе с ними точно несдобровать!» Трамвай тронулся, в нем они одни. Наташа мысленно себя ругает на чем свет стоит: «Зачем только сказала, что боюсь?! Вот навязались на мою голову! И что будет дальше — кто ж их знает?»

Надежды на водителя нет — это пожилая женщина. Трамвай долго «телепается» по студеному городу, и вот скоро ее остановка. Она благодарит — искренне! — ребят, но они хотят сойти вместе с ней, чтоб уж проводить — так до самого дома. Наташа, в свою очередь, просит их не выходить, так как, возможно, это последний трамвай. Время близится к полуночи. Они ей вняли.

Выходит счастливая, машет им рукой, они ей тоже, и направляется через пустырь — чтобы срезать дорогу — домой к сестре. Трамвай ушел. И тут на нее неизвестно откуда бросился здоровый бугай! Он почти коснулся растерянной девушки, раскинув свои лапы, но она чудом выскользнула и побежала изо всех сил, а сил было мало. Зимняя одежда и сапожки на каблуках не позволяли быстро двигаться. Здоровенный монстр не отставал от нее и злобно сопел за спиной буквально в двух-трех метрах от нее. «Господи, Боже Ты мой! Ну почему я

отказалась от тех парней, что были в трамвае?! Что мне теперь делать? Как мне спастись, этот бугай может даже убить меня! В нем какая-то звериная ярость! Неужели это мой последний день жизни?! Помогите мне, ангелы!»

Ноги разъезжались на ледяных корках, она вся вымоталась, сердце бешено билось, но из последних сил она все-таки бежала. А что еще она могла делать? И вдруг... Наташа поняла, что ей... вняли Силы Небесные! Ее свирепый догоняльщик поскользнулся и грохнулся — со страшным хрустом! Он ревел как зверь, ругался грубым матом, но встать не мог!!! Что там стало с ним — не знает. И оказывать ему первую помощь она совершенно не жаждала. Наташа сбавила скорость только чуть-чуть, но все равно бежала к домам.

...Она четко запомнила два этих случая и поверила в теорию парных ситуаций. Если что-то неординарное случилось один раз, оно обязательно повторится и еще раз. Один раз как трагедия, другой раз как фарс. Или наоборот. Но в целом — слава Тебе, Боже, за непрестанные заботы обо мне! За то, что слышишь мой вопль.



## СЕКРЕТАРША

Вместе со своей подругой Светой они учились по вечерам, а днем Света работала секретаршей одного крупного начальника Главмосстроя — Юрия Владимировича Комиссарова. И интересных событий с ней происходило много. Вот одно из них. Наташа разговаривает со Светой по телефону.

«Что будем сдавать на этой сессии по русской литературе?» — спрашивает Света. — «Горького, Блока, Цветаеву, Маяковского...» — перечисляет Наташа. — «Спасибо, я записала, надо будет сходить в библиотеку, почитать».

В это утро начальник попросил ее обзвонить нужных людей и пригласить их на совещание. Она все сделала, а потом заходит к нему, отдает список: «Это те, кто сегодня не придет, у них или командировки, или больничные». Начальник смотрит на листок, а на нем имена: Горький, Блок, Цветаева, Маяковский... «Что это вы мне даете?» — «Ну я же сказала — это те, что не придут. Не смогут». — «Я и сам понимаю, что они точно не придут». — «Ну почему же «точно»? — укорила его Света. — У каждого уважительная причина...» — «Понимаю. Но я же и не просил сюда звать ни Горького, ни Блока, ни Цветаеву! И даже Маяковского не просил прийти! Зачем они мне тут нужны?!» — «Ой, извините! Я сейчас дам другой список!»

Он знал, что Света учится в университете, и не устроил ей разнос. В целом добрый был человек, хотя и исключительно занятой.

Или вот еще случай. Через неделю после выхода на эту работу, когда начальник ушел домой, Света села в его большое кожаное кресло, и стала крутиться на нем в разные стороны. И вправо, и, быстро оттолкнувшись — влево. Класс! А потом еще вспомнила, как в американских фильмах кладут ноги на стол, так и она положила ноги на стол, и вжик туда, и вжик сюда! Ну прямо как на аттракционе! Красота!

Так увлеклась, что не заметила, как в кабинет вошел начальник: что-то забыл. Пораженный такой легкомысленной картиной, он замер у двери и внимательно наблюдал за происходящим, пока его не заметила секретарша. Света молча и медленно убрала ноги со стола, остановила развеселившееся кресло и медленно и виновато прошла мимо своего начальника, мысленно понимая, что, скорее всего — уже бывшего. Он посторонился, вежливо пропустил ее и пошел вглубь комнаты за тем, чтобы взять забытую вещь.

Света уныло стала собираться домой. Она понимала, что уже навсегда. Она на ключ закрыла свой письменный стол, скрипучий шкаф — начальник слышал это, и уже вышла из приемной. Но потом что-то вспомнила и решила вернуться к начальнику. Открыла едва прикрытую дверь и увидела потрясающую картину. Начальник положил ноги на стол и с силой стал крутить свое кресло справа налево, слева направо, а потом еще сильнее. Видно, он не знал, что это кресло можно использовать и по такому назначению. Вдруг увидел удивленную секретаршу, которая, опомнившись, пришла сказать ему: «Извините», убрал ноги со стола и сказал: «Ну что ж вы не ушли? Давайте до завтра!» А Света-то думала,

что теперь он ее уж точно выгонит с работы...

## БУМАЖНИК

Наталье надо было сделать срочный звонок, и вот она встала в очередь к телефонам-автоматам. Это было в фойе метро «Университет». Конечно, сейчас молодым людям и в голову не приходит, что когда-то (и не очень уж давно) не было мобильных, планшетников, компьютеров. Да, да, ничего этого не существовало в нашей просвещенной стране. Были деревянные будки, в которых висели на стене большие металлические (против вандалов) телефоны. Надо было опустить в прорезь две копейки, и звони, пожалуйста. Подошла ее очередь, она заходит в будку, закрывает от шума дверь, снимает трубку и видит на полочке возле телефона бумажник. Толстый, из хорошей кожи, почти новый, но... забытый хозяином.

Наташа набрала нужный номер, а сама ожидает, что сейчас откроется дверь и протянутая рука хозяина заберет свою пропажу. Этого не происходит. Закончив разговор, она взяла бумажник и уже с ним вышла из будки. Остановилась возле очереди и вроде как ждет своего черед. Проходит минут десять, к очереди подбегает невысокий, плотный, симпатичный, черноволосый мужчина лет тридцати. На вид похож на иранца. Он устремляется к будкам, открывает одну дверь, потом другую, третью, люди из очереди начинают на него шуметь, дескать, чего рвешься, все тут уже занято, становись в конец очереди. Одна Наташа понимает, что вот именно он — хозяин бумажника. Но пока в суматохе не рвется к нему. Надо убедиться, что действительно он владелец, а не просто человек, которому надо срочно позвонить.

Мужчина все-таки настырно проверил все шесть будок и, страшно огорченный, остановился тут же, возле очереди, не зная, как быть дальше. Наталья к нему подошла и тихо спросила: «Вы что-то потеряли?» Он удивленно посмотрел на нее и без всякой надежды на возвращение пропажи сказал: «Да». — «Не это ли?» — она показала ему бумажник. Лицо его преобразилось, наполнилось такой великой радостью, он схватил этот заветный бумажник, прижал к груди, горячо пожал ее руку, сказав: «Спасибо, большое-большое спасибо вам!!!» Она покивала ему головой, повернулась и ушла.

Да, у нее не было денег, может быть, не уйди она так скоро, он бы дал ей какую-то сумму, и это было бы тоже правильно, приемлемо, ведь она вернула ему целое, а не часть. Но! Никакая сумма не сравнится с тем выражением лица, которое только что было несчастным и через мгновение — благодаря ей! — стало таким безгранично счастливым, и той огромной благодарностью, что лилась из его глаз. Это же тоже сильная энергия. Его энергия, подаренная Наташе. Может, он потом за нее помолится, может, будет долго помнить, может, тоже отдаст кому-то что-то потерянное. Хорошая энергия дороже денег. Она ни секунды не сомневалась, правильно ли сделала. Более того, ей даже казалось, что это была проверка ее Сверху: дрогнет или нет? Там ведь тоже знали, что в карманах у нее

пусто.

## СЕМЕЙКА ОТВАЖНЫХ

Младшей сестре Ане захотелось из Демидова в Москву, к Наташе. И вот на летние каникулы Аня приехала в столицу. Решиться на этот шаг было непросто, так как Наташа весь день работала, но жила уже на съемной квартире далеко от места работы. Кто покажет шестикласснице столицу? Некому. Разве что вечерами. Так и договорились. День будешь дома, а в 18.30 встреча у метро, ближайшему к Наташиной работе.

И вот в какое-то летнее утро старшая сестра предложила младшей сдать вещи в прачечную самообслуживания и уже с чистым бельем встретить ее после работы.

Наташа расписала ей все — создала настоящий маршрутный лист. На какой трамвай сесть и как доехать до метро, на какой станции сделать пересадку, где выйти, на какой автобус снова сесть, где выйти, как найти прачечную, что и как там правильно сделать.

Во время работы сердце, конечно, екало: как там Анютка? Справляется ли? Ведь впервые в Москве, сама-то из маленького городка! Но надежда была в основном на эту бумажку — там же все написано! (Естественно, что никаких мобильных тогда не было.)

Вечером Наталья пришла на место их запланированной встречи и не нашла своей сестры. Вот тут она запаниковала: «Где Аня? Где ее искать?» Поэтому на вопрос, где ребенок и какой дурак мог дать ей такое сложное задание — ответа не было (на первую его часть). Время шло, но ничего отрадного с собой не приносило...

Наташа проглядела все глаза; уйти с места встречи не могла, но что же ей делать дальше?

«Боже, милый, любимый, драгоценный, верни мне мою сестру! Пусть она потеряет сумку с бельем, деньги — только верни мне! Боже, Боже, пусть никто не обидит нашу девочку! Мне так стыдно, я нагрузила ее таким сложным заданием, но прости меня, неразумную, — верни мне сестренку!» — это взывание к Богу было единственным, что она тогда делала. И что еще она могла делать? Толпы людей проходили мимо, но Анютки среди них не было. «Боже, накажи меня, но пусть никто не обидит ее! Верни мне Аню!» — на все лады просила она Господа. Сердце бешено билось, слезы катились из глаз. Что делать? Кругами отчаяния она ходила вокруг метро.

И Он смилостивился. Часа через два она — как в мираже — увидела ее тоненькую фигурку в клетчатом пальтишке и заплакала от радости. «Она? Или не она? А вдруг я обозналась? Вдруг просто похожа? Я буду радоваться, только когда обниму ее».

«Анечка, родненькая, прости меня, если сможешь, — осыпала она ее поцелуями. — Где ты была?» — «В прачечной, там очередь большая». — «Так ты

и белье постирала?» — «Да, и погладила его», — спокойно отвечает сестренка. — «Ну как, ты легко нашла эту прачечную?» — «Конечно, ты же мне все расписала».

Прачечная та была в Новых Черемушках, а жили они в тот момент на Подбельского, за метро «Преображенская площадь» — это для тех, кто знает Москву. Но сестренка Москву не знала, так как была в ней всего третий день. И ни метро, ни прачечных самообслуживания, ни таких транспортных артерий и знать не могла. А возраст у нее был всего тринадцать лет. Вот каких детей вырастила их мама!

## БРАТИК ПРОИГРАЛСЯ

Приезжал к Наташе и брат Витюшка, тоже школьник. Она тогда снимала восьмиметровую комнату в новостройке на окраине Москвы. В комнате стояла узкая кровать и столик со стулом. В другой комнате жила молодая женщина, к которой периодически приходил ее любимый мужчина. Как-то они с Наташей случайно встретились на кухне, и он сразу же стал испытывать к Наталье какие-то особенные чувства. Она старалась не выходить после работы на кухню, чтобы не нарваться на его нелепые и грубые ухаживания. Но и это не помогало. Женщина озлобилась на студентку и мечтала, чтобы она поскорее отсюда съехала.

И вот к Наташе приехал брат Витя. Ему было 14 лет. Естественно, он стал ночевать в ее же комнате (спал на полу). Молодая соседка обрадовалась такой оказии, быстро вызвала милицию, чтобы уличить Наташу в совращении малолеток. Пришел участковый, поговорил с ними, все понял и посоветовал подальше держаться от соседки: он ее уже знал, так же как и ее «хахалю».

Брат не хотел сидеть целый день дома, дожидаясь окончания рабочего дня сестры, и просился в Парк культуры и отдыха на аттракционы. Наташа его отпускала, выдавая по рублю на день. Но однажды дала 5 рублей одной бумажкой — это было все их финансовое состояние. Разрешила потратить только 1 рубль (по 5 копеек на 10 аттракционов и еще 50 — на еду). Такие были цены. Но и зарплаты были под стать им — по 100 рублей в месяц (из них 50 — на жилье). Брат заигрался, забылся и спустил все деньги. Виноватый, встречает сестру. Что делать? Но есть-то хочется! Стали по карманам выгребать всю мелочь, отложили на дорогу.

«Иди, вот тебе 20 копеек, покупай на 11 копеек 50 граммов докторской колбасы да одну булочку», — велела ему Наташа. Он ушел и вернулся с большим куском колбасы. — «Откуда столько?» — спрашивает сестра. — «Не знаю, я в кассе выбил 11 копеек, а тетенька взвесила полкило! Но я ей ничего не сказал».

Какая у них была радость! Нарушая все нормы воспитания честности у ребенка, она не смогла заставить его пойти в магазин и вернуть продавщице неоплаченный товар. Брат решил, что им привалило счастье, так как убыток от него стал меньше! Он искренне радовался, что не нанес большой потери их более чем скромному бюджету!

## НУЖНЫ ДОБРЫЕ И УМНЫЕ НАСТАВНИКИ

В то время Наталья искренне не понимала, почему подросткам не дают права работать там, где они хотят? (Подмастерьями, разумеется.) Разве сложно доплачивать какие-то деньги умелым людям, которые смогут стать добрыми учителями и наставниками тянущимся к ним, к их ремеслу детям? Это же такое благо иметь «звено» верных тебе ребяташек!

Почему детей уводят от творчества? Когда-то еще были мастерские, ПТУ. И они давали свои плоды — дети чаще и точнее находили свое призвание. Дети — это же наш народ в ближайшем будущем, это же реально самое дорогое, что только может быть. Зачем мы строим дома, создаем заводы, вузы, если некому в них будет работать и учиться? Все же захватят чужие народы! И чего тогда наши родители горбатились?

— Почему люди с помощью детей не стремятся украсить — облагородить свое жилье — свой дом, двор, палисадник, улицу! Почему не помогают друг другу в этом? Молодые — старикам, семьи с мужчинами — одиноким матерям, вдовам. Разве не радостно идти по улице, где все сверкает красотой и опрятностью, где окна вымыты, а накрахмаленные занавески нежно колышутся от чистого ветерка? Где пахнем геранью, левкоями или фиалкой?

Прошло несколько десятилетий... Соседский пятилетний сын сказал своему отцу: «Вот подрасту, куплю себе ружье и тебя убью. Надоел». А что еще он должен сказать, если его до макушки телевизором и компьютером набили подобными сюжетами и внушили один способ решить все проблемы — убить надоевшего. Боже, неужели ты не покараешь тех, кто гнобит наших детей и превращает их в носителей зла?

Сейчас одна наука — это ТВ, с программами целевого воспитания преступного мира. Похоже, что главные маркетологи и спонсоры таких программ — сами бандиты. Иначе откуда такая неистребимая злоба по отношению к детям, у которых лишь одна только «радость» — ТВ.

Все время Наташе не давал покоя вопрос: в чем смысл жизни женщины? Вот она, маленькая девочка, появилась на свет, росла-росла и через четверть века — сама уж мама и у самой на ручках — как у Богородицы — кроха. Какой замысел Создателя мы должны выполнить? Где здесь ключи и секреты?

Как могут быть на свете заброшенные дети? Неужели миру не нужны эти бесценные существа? Как они могут не получать вволю любви и ласки? — И не только от родных, но и ото всех остальных? Разве им всем не любы эти милые бутончики, из которых распустятся шикарные розы?

Как могут родители отпихивать от себя детей — ради другой заботы? Разве у матери есть более важное дело, чем выражение ее любви к ребенку и воспитание в нем такой же ответной любви к окружающему миру?

Зачем в школе дают все эти знания — арифметика, литература, если не знаем главного — кто мы в этом мироздании? Ведь учителя своими предметами должны не уводить нас от этого основного вопроса, а наоборот — помочь глубже

понять смысл мироздания и жизни.

И как раз именно в тот момент, когда рождались и эти вопросы, и даже — возможно — оригинальные, провидческие ответы на них, нас словно отгораживали от них, уводя в мир заученных формул и аксиом. Свод школьных наук подчеркивал: все уже решено. До тебя. Без тебя. Слушай — и выполняй!

Но вот наступали в жизни молодого человека следующие этапы: дружба и любовь. Чем это ценно? Важен ли и нужен ли ты другому? Чем ты можешь быть привлекателен для него? Но как не потерять друзей и как «приобрести» любовь? — пока неизвестно, доходи до этого сам.

Ей хотелось, чтобы ответы искались совместно с ребенком (подростком), заставляя его постоянно мыслить, рассуждать и совместно с умным взрослым — приходить к правильным ответам. Только тогда они становились бы и его «плотью».

Трудно было видеть и осознавать отсутствие любви между родителями. Как усталые лошади — то с печалью, то с ненавистью смотрят они на своих чад и вроде сами не понимают: зачем им все это? Вдобавок поругаются друг с другом и... ложатся в одну койку.

Зачем, кому нужна такая постылая жизнь? Где радость, солнечность нашего бытия? Где счастье от того, что есть семья, близкие (именно как дорогие близкие — душе, телу, дому), а не близкие только чашками на кухонном столе?

## ИГРА В КАРТЫ

Дело было в студенческие годы, когда жилось интересно, но голодно. В один из таких глубоко голодных дней Наташина подруга Света предложила проведать своих родственников с нескрываемой целью как следует там поесть. Весь их скудный бюджет, 1 рубль 10 копеек, был передан Наталье на хранение. Но чтобы уж совсем не сразить родню голодным взором, девушки наскребли дополнительных средств в размере 13 копеек и купили на двоих одну порцию холодца. Благо хлеб в университетской столовой в тот исторический момент был бесплатным, и девчата слегка уняли голод. На сем разъехались, каждая в душе (как потом выяснилось) лелея надежду, что при удаче даже привезет подруге какой-нибудь съедобный гостинец.

Наташа направилась на Водный стадион, где в большой квартире жил родственник ее отчима — помощник районного прокурора. Дядька был большой, рыхлый, с плотной шевелюрой и такими же щеками, мясистым носом. Вообще был хороший человек. Правда, дружбы как таковой между ними не было и быть не могло. В силу разности возраста, пола и интересов, усугубленных редким Наташиным появлением. А оно объяснялось ее застенчивостью: кому, мол, нужны бедные родственники?!

Она предпочла бы появляться долгожданной и обеспеченной гостьей. Однако жизнь заставляла считать: если ехать в гости с гостинцем, то самый скромный торт стоит 1 рубль 30 копеек, а на эти средства можно поесть не один раз (как будет в гостях), а два. И зачем тогда ехать в гости?

На сей раз она подчинилась вынужденным обстоятельствам и поехала без подарков. Что само по себе было психологически травматично.

Ее встретила дядькина жена. Особа хорошая, добрая, не очень красивая, зато имеющая хорошую работу: заведовала гинекологическим отделением в большой городской больнице. Жена была в парике (первая мода тех лет) и явно торопилась в гости. Одна. Дядька с дочкой Леночкой пятнадцати лет, сидели в мягких глубоких креслах и резались в какую-то азартную карточную игру. Леночка была в фаворе, так как в ее руках был полиэтиленовый пакет, целиком наполненный монетами. Игроки явно обрадовались гостье: все-таки свежая кровь!

«Будешь с нами?» — «Да я не умею». — «А мы научим. Ставь 10 копеек».

Наташа достала гривенник. Отец с дочкой постарались объяснить условия, но ее голодный мозг просто не мог их воспринять. И зря. Первый гривенник она тут же проиграла. «Ставь еще», строго сказал дядька. — «У меня нет». — «Ну какие еще у тебя есть деньги?» «Только рубль. Последний». — «Ничего, разменяем».

Вместо рубля она получила 90 копеек. Гривенник снова ушел на ставку — и снова его проиграла. Натальиными деньгами уже распорядилась Лена — она двигала монеты из ее скромной кучки в свой мешок. Когда остался последний гривенник, гостья зажала его в кулаке.



«Ну что ты? Давай, ставь», — потребовала Лена. — «Нет, это последний. Мне он нужен на дорогу», — упиралась Наташа. — «Слушай, поставь хотя бы пятак, а другой на метро потратишь», — сообразил дядя. — «Мне еще и на автобус надо». — «На автобусе зайцем доедешь», — разрешил он простую проблему. Пятак так же был проигран.

Наташа встала и стала прощаться. «Подожди, к вечеру жена вернется, поужинаем вместе!» — предложил дядя. Но представить, что еще часа два-три она будет общаться (да и о чем?) с этими людьми, Наташа не могла. Сказав, что еще как-нибудь заедет, пошла к двери.

«А ты не азартная, плохо карты воспринимаешь, — то ли осудил, то ли похвалил дядька, — приходи. Еще поиграем».

Когда она оказалась в подъезде, еле сдерживаемые слезы хлынули из глаз, обида переполняла сердце. Но ведь же не злой же, не жадный дядька! Но представить, что человек голоден, что рубль последний — во всех смыслах — он не мог! Она попросила Бога, чтобы ни при каком богатстве (если вдруг такое невероятное случится в жизни) ее душа, сердце никогда не стали бы черствыми!

...И вот она снова в общежитии. Подруга уже лежала на кровати. Она тоже вернулась ни с чем. Ее родня уехала отдыхать. А последний рубль Наталья, сволочь такая, просадила в карты. Но добрая подруга ей все простила. Выход был только один — работать! Работать! Но где?!

## ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Один из их родственников служил в космических войсках. Наташа обратилась ко всем знакомым — найдите ей работу! — и он откликнулся первым. Через свою поклонницу (она работала в кадрах) и через три месяца проверки Наташиной биографии ее приняли на работу в войсковую часть, которая занималась космической связью. Тогда это было невероятное везение. О работе «на космос» многие мечтали, но мало кто туда попадал! Прошло всего чуть больше десяти лет после полета Юрия Гагарина, и на космос тогда едва ли не молились.

Наташа попала в коллектив, состоящий из одних мужчин — ученых, военных. Это была элита армии. Сослуживцы делали расчеты космических полетов, а Наташе надлежало редактировать их тексты. В довольно скором времени она сама стала разбираться, какие аппараты являются разведчиками, какие метеорологические или связные.

Устроилась она на работу 18 февраля, а проблемы у нее начались уже через неделю. Наступал красный день календаря — 23 февраля. День Советской Армии, а для Наташи этот день был связан только с одним — Днем рождения ее любимой мамочки. И то, что ее сотрудники-коллеги нуждаются в поздравлении, как настоящие офицеры армии, до нее дошло только к концу рабочего дня 22 февраля, когда она увидела, что остальные женщины управления готовятся завтра поздравлять своих коллег-мужчин — каждая в своем отделе... «Боже, а что же я?! Как же чуть было не «проморгала» такой праздник?! Из женского пола я одна в отделе, положиться на другого мне абсолютно не на кого. Что они все подумают обо мне?!» — со смятением думала Наталья. Часы тикали, отсекая время до конца дня, а никаких версий у нее не было. Подарков купить она не могла из-за отсутствия денег, какие-то слова сказать — слишком просто.

Вдруг ее озарила идея — поздравить их всех телеграммами! Во-первых, рано утром — а они уже поздравленные, во-вторых, она их стеснялась, она же новенькая, а тут все за нее сделает почта. Но как добыть их адреса? Как она нашла кого-то из кадров и как упросила — даже рассказывать невозможно — просто случилось чудо. То есть за пять минут до конца рабочего дня все у нее уже было невероятное — и адреса, и имена.

На вечернем занятии, на факультете она попросила займы денег у друзей-студентов и, проигнорировав учебу, побежала на главпочтамт отправлять телеграммы. С выдумкой, разумеется, — иначе зачем же тратиться на рядовое «поздравляю Вас...»? И вот она, скрепя пером, выводит на бланках строки стихов, которые, по ее мнению, можно отнести к этому мужскому празднику. Стихов надо много, а времени и денег все-таки у нее мало.

Одному подполковнику Наташа написала: «Воспрянет пусть ваш разум просвещенный!» Полковнику, своему доброму и интеллигентному начальнику, решила выдать самое-самое сокровенное: «Да святится имя ваше, да будет воля ваша во всех наших делах!» Майору, доктору технических наук, было

отправлено: «День великий на Руси. С ним ты чувство молодое в черством сердце воскресил!». Еще одному доктору наук, веселому человеку: «Отзовись душой, как младость, грудью полною своей на сияющую радость, на улыбку вешних дней!»... Поскольку имен в списке было 28, то она долго кропала за столом почтамта бланки телеграмм и хоть знала массу стихов, но все равно с поздравлениями были некоторые затруднения. Еле-еле вписалась в бюджет. Где-то даже пришлось поступиться красивой строфой. Но дело сделано, и вот она едет в свое временное жилище, не представляя того, что ее ожидает завтра. Она свято верит, что это будет триумф: «Ай да Наташа!» — скажут они, потому что она подписала свои телеграммы именно так «Ваша Наташа».

## СОТРУДНИКИ В ШОКЕ!

На следующее утро в отделе смятение. Один другому что-то рассказывает, показывает, из кабинетов удаляются, чему-то удивляются. Непонятное броуновское движение, напряженности в работе нет, все перенесено на оживленное общение.

К обеду подполковник, кандидат наук Юрий Васильевич Соколов — балагур и остролов, в каждом коллективе такой имеется, вдруг громко и изумленно, как открытие, вопрошает: «Какую Наташу мы все знаем? Ясно же — одну, нашу! Это ты нас поздравила?» — глядя на Наталью в упор, спрашивает он.

«Да, я», — робко отвечает девушка. В кабинете взрыв хохота — прямо до коллик. Рабочий процесс сорван. Все вдруг суют ее телеграммы в нос друг другу, зачитывают их с выражением и от смеха почти рыдают, смеются так, как будто не смеялись целую неделю.

Начальник отдела, чудесный, интеллигентный полковник тут же облегченно всем рассказал, что дома, как назло, никого не было, когда почтальон принес депешу, и телеграмма попала к соседке — очень набожной старушке. Она, опасаясь, что телеграмма может содержать печальные известия, решила ее прочитать и увидела слова... из молитвы «Отче наш». Ее вдруг озарило, что сосед, важный военный, тайно верующий! И она решила, что он так же скрытно творит какие-то «наши дела».

Отдавая вечером телеграмму, старушка ему подмигивала, прикладывала палец к губам и мелко крестилась. Жена жутко подозрительно отнеслась к этому действию и все допытывалась, что означают соседкины знаки, кто это «ваша Наташа», почему она так написала? Что это за тайные страсти? Тем более что слов «Поздравляю вас с днем Советской Армии» в телеграмме не было. Наталья на них сэкономила... И еще тем более что ему совершенно нечего было сказать в свое оправдание. Он сам был в недоумении!

О новенькой в отделе тогда вообще НИКТО не вспомнил! Да и как эта новенькая могла бы достать все их адреса? Абсурд какой-то! Это же секретный объект! Каждый думал о личном прошлом, и версий о любовных похождениях накапливалось достаточно, чтобы усиленно напрячь свои мозги. У каждого нашлась какая-то своя Наташа. И у каждого нашлась своя необычная история получения этой телеграммы.

Хуже всех пришлось доктору наук полковнику Агалакову. Когда-то у него был любовный роман с балериной Натальей, и вчера жена устроила ему настоящий «мужской» праздник, подозревая в возобновлении их отношений. Тем более что ничего убедительного он сам в свою защиту сказать не мог, так как был растерян: «А вдруг эта бывшая решила разыграть новую карту?» Он столько пережил за эти несколько часов, что, узнав об авторстве новенькой сотрудницы, прилюдно поклялся, что испортит день ее свадьбы телеграммами самого

провокационного содержания и обязательно под разными мужскими именами.

Все были возбуждены, оживлены, обрадованы, что тайна телеграмм раскрыта, и меньше всего думали о работе. Даже начальник Юрий Михайлович Казаков. Но в целом этот случай почему-то не рассорил, а очень сблизил Наташу и ее коллег. Они поняли, что в их коллективе появилась неординарная личность. В дальнейшем они старались по-человечески или по-отечески, или по-братски ухаживать за ней — приносили из дома то пирожки, то интересные журналы, книги...

После работы Наташа бежала на вечерние занятия в университет, даже не успевая перекусить, и без поддержки коллег ей было бы еще тяжелее. Потом, пользуясь расположением офицеров, она удостоилась особого пропуска. На нем стоял знак, позволяющий вносить в здание свой собственный университетский портфель. Это было очень редкое разрешение. Однажды оно сослужило ей плохую службу. Но об этом она расскажет попозже.

## «ГОРИ ОНА СИНИМ ПЛАМЕНЕМ!»

Много лет у Наташи не было своего жилья. Она снимала жилье в четырнадцати местах столицы. И, стало быть, знает ее не хуже настоящего москвича, родившегося тут и прожившего всего в двух-трех местах. Самое досадное и даже возмутительное было то, что когда она жила в одном районе — то на работу надо было ехать на противоположный край города. А потом снимала уже в том краю, но работа ее обязательно перемещалась в другое, тоже далекое место. За жилье она отдавала почти половину своей зарплаты, и поэтому денег у нее, по сути, никогда не было. Но старушкам — или не старушкам, а просто они ей казались такими — она была очень благодарна. Они приучали ее соблюдать тишину, чистоту, заведенный порядок. То есть уважать чужое пространство. Это была очень важная наука для дальнейшей жизни.

Как-то раз одна из хозяек у Наташи спрашивает: «Я видела у тебя в коробке пустые баночки... Зачем они тебе?» Девушка не помнит, что ей ответила, но сама-то она знала, что эти баночки — не простые, а волшебные — они ее истинное сокровище, так как в них были мед или варенье, данные ей любимой матушкой. Естественно, что все их содержимое давно уже было съедено, банки вымыты, но выбросить на помойку баночки — это святотатство! Наташа смотрела на них, и у нее теплело в груди. Но как об этом расскажешь чужой женщине?

Потом она снимала комнату на Ленинском проспекте у одной женщины — врача-гематолога — Анны Павловны. Даже не комнату, а угол — часть комнаты за шкафом.

И вот однажды Наталья что-то пишет за столом, ничего не замечая вокруг. Хозяйка возвращается из своей поликлиники и видит на плите подгорающую кашу. Открыла дверь в комнату и стала вопить: «Ты разве не видишь, еда горит! Кастрюля вся пригорела!»

Виноватая, Наташа пошла на кухню убирать свой сгоревший обед. Минут через десять хозяйка заходит на кухню, внимательно смотрит на то, как девушка отчищает кастрюлю, и говорит: «Да черт с ней, с этой кастрюлей! Выбрось ее! Гори она синим пламенем! Прости меня, девочка! Прости! Я прочитала, что ты писала, и подумала: ты лучше побольше пиши!»

Впоследствии эта женщина обменяла свою комнатку на квартиру на окраине. Но новых жильцов попросила «не выгонять жиличку». Месяца два они держали слово, а потом Наташе пришлось искать новое жилье.

У нее было много хозяек, одна часто говорила: «Из моей комнаты все девки выходят замуж» — так оно и случилось.

Однажды к Наташе приехала ее матушка. В шесть утра дочь встретила маму на вокзале, они приехали в квартиру, где Наташа снимала комнатку, и мама нормальным твердым шагом пошла на кухню, стала доставать банки с вареньем, грибами, включать воду, наполнять уверенной струей чайник... А дочка трепетала возле нее: «Мама, ты тихонечко, на цыпочках ходи, бумагой громко не шурши, воду тонкой струйкой наливай, дверь в туалет не хлопай!» Мама удивленно посмотрела на дочь и изумленно спросила: «И ты всегда так

делаешь?!» Конечно, ей это было странно, так как она, кроме скитаний во время войны, никогда жилье не снимала и не понимала, что такое жить «в людях».

Разные были эти женщины, в свое время сами приехавшие покорять столицу. Они с радушием, с заботой относились к провинциалам. Рассказывали о своей жизни, чему-то учили, от чего-то предостерегали, оценивали друзей и подруг, выполняя «родительские функции», подсказывали, кто искренен, а от кого надо держаться подальше. Они приучали выстраивать свой скудный бюджет, приучали к чистоте и бережливости. Приезжие, живущие на чужих квартирах, нередко судачили о своих хозяйках, может, и не очень ласковое слово срывалось с их языка... Но Наташа мечтала, чтобы в столице появился памятник этим славным женщинам. Она была очень-очень благодарна этим добрым, терпеливым людям, которые сдавали ей свои бедные комнатки.

(Пройдет много лет, и ее 18-летняя дочка Даша захочет жить отдельно. Она будет снимать жилье у одной женщины. Вечером дочь попросит соли. Хозяйка, разумеется, дает. На следующий вечер все повторится. Но уже на третий раз хозяйка ей скажет: «Даша, ну ты же знаешь, что у тебя нет соли. Почему ее сама не купишь?» Это был очень здоровый воспитательный момент.)

## «КАКОЕ ОТЧЕСТВО У ВАШЕЙ ДОЧЕРИ?»

Наташе хочется снова вернуться в те далекие студенческие годы, когда они были молоды, голодны, но жили весело и интересно. Конечно, они часто поступали по-дурацки, но зато есть что вспомнить и над чем искренне посмеяться...

Как-то раз прибегает к ее подруге Свете — секретарше начальника Главмосстроя — профсоюзная активистка и говорит: «Вот анкета для дочки шефа, она едет в санаторий, срочно ее заполните».

Света берет анкету и начинает заполнять. Фамилию она знает — Комиссаров, имя дочки ей известно — Ирина. А вот отчество... Она открывает дверь в кабинет шефа, где в переполненном помещении идет очередное совещание, и знаками показывает своему начальнику, что ей срочно надо что-то узнать. «Ну что там?» — строго спрашивает он. — «Юрий Владимирович, тут надо срочно заполнить анкету, скажите, какое отчество у Вашей дочери?»

Невозможно даже представить, какой хохот возник в кабинете! Шеф покраснел и грозно махнул на нее рукой, дескать, уходи! Она закрыла дверь, села за стол и думает: что делать? как узнать ее отчество? Как на грех позвонили из профкома: готова ли анкета? Света набралась решимости и снова заглянула в кабинет. «Ну что еще?!» — багровея от гнева, спросил начальник.

«Юрий Владимирович, вы извините меня, но срочно нужна анкета! Вы все-таки назовите, пожалуйста, отчество Вашей дочери!»

Все в кабинете вновь взорвалось бурным ревом. Ну прямо как на стадионе. «Вон отсюда!» — прорычал доселе достаточно тактичный и мирный шеф. Света снова испуганно захлопнула дверь. Но счастье не покинуло этого доброго человека. В приемной раздевался гость, опоздавший на совещание: «Отчего там такое великое веселье?» — с удивлением спросил он, зная, что сложные строительные дела мало располагали к смеху. — «Сама не пойму. Я только спросила про отчество его дочери...» — «Ах, вот оно что! — развеселился чиновник. — Ладно, так и быть, выручу вас, Света. Отчество его дочери — Юрьевна! Для этого совсем не надо заканчивать МГУ...»

Этот случай моментально разошелся по всему Главмосстрою. Многие строительные начальники, попадая в приемную, теперь уже во весь рот улыбаются легендарной Свете.



## 21-е АВГУСТА

Наташа была студенткой третьего курса, когда летом под вечер на улице Горького (ныне Тверская) встретила парня со своего факультета. По обмену студентами (была такая «опция» среди студенческой молодежи, когда они обменивались своими турами: мы к вам, а вы — к нам) он ездил в ГДР, недавно вернулся и привез много пластинок с зарубежной музыкой. Тогда это было событием, так как пластинки с зарубежной музыкой — джазом, роком — в нашей стране не продавались, считались проповедниками бездушного капитализма, и только на чужой кухне можно было услышать что-то новенькое.

«Пошли ко мне, послушаем, есть обалденные песни», — позвал он Наташу к себе. — «Не знаю... А кто у тебя дома?» — «Бабушка. Поехали!»

Она согласилась. Парень жил на Кутузовском, и вскоре они поднимались на его двенадцатый этаж. Дверь он открыл ключом — девушку это насторожило. В квартире тихо. «Где же твоя бабушка?» — осторожно спросила Наташа. —

«Вон она, на стене висит». На стене был портрет пожилой симпатичной женщины. Но это гостью не утешило.

Олег поставил пластинку, зазвучала необыкновенная мелодия. Налил в бокалы вина, пригласил потанцевать. «Что-то не хочется», — отвергла она его приглашение. — «Еще чего, «не хочется»! Давай танцевать! А зачем ты еще пришла сюда?» — «Да, зря я пришла, мне уже надо домой», — засобиралась Наташа. — «Нет, ты никуда не уйдешь!» — и он схватил ее, потащил на диван. — «Отпусти! Я должна уйти, меня ждут!» — «Ни за что не уйдешь! Тебе сейчас будет так хорошо со мной», — и он стал сдирать с нее босоножки, платье.

Завязалась борьба. Физически их силы были неравны. Но моральные все были на женской стороне. За себя и свою волю она сражалась как львица: крутила ему уши, дергала с силой за волосы, кусала его руки. Пот с обоих лил градом, силы таяли, но они ни на минуту не прекращали битву. Было страшное отвращение к этому человеку, потому как Наташа не терпела насилия над собой. Понимала, что скорее умрет от разрыва сердца, чем он сломит ее сопротивление. Учитывая, что парень был гораздо крупнее, ей было трудно выдерживать этот самцовский напор, но она была еще невинной девушкой, и такой дикий расклад ее совсем не устраивал. Отдать свою честь без любви, по прихоти молодого жеребца, которому было, возможно, все равно, кто сейчас на его диване... Нет, это не пройдет! Силы ее утроились, когда она стала мысленно взывать к Богу: «Господи, ну что же это такое?! Помоги же мне, пожалуйста! Дай вырваться от этого жеребца!»

Парень становился бешеным, но Наталья тоже озверела от злости и, увидев тяжелую пепельницу на тумбочке, каким-то чудом увернулась и запустила ею в окно. Звон разбитого стекла (попала ли она в окно, разбив стекло, или это был звон самой разбитой пепельницы, не знает), отрезвил ее противника, он соскочил с ее изможденного и мокрого тела, бросился к окну, а она мгновенно спрыгнула с

дивана, схватила босоножки и босая рванула к двери. К счастью, быстро удалось открыть дверь, и несломленная девушка уже кубарем катилась по ступеням вниз — и наконец-то! — выскочила из подъезда.

Вырвавшись на свободу, упала во дворе в большом палисаднике на влажную от вечерней росы землю, целовала ее, обнимала, прижимаясь всем телом, отдыхала от изнурительной борьбы. Она страстно благодарила землю за освобождение, смотрела на вечернее небо, благодарила и его, и звезды, и луну, и деревья, и кусты, и траву, и сырой воздух, и свои силы, и даже тумбы, что были рядом, но главное — она так сильно, просто неистово благодарила Бога, который всегда, когда Его призывают, приходит на помощь, и так же сегодня Он спас ее от позорного насилия. Боже, слава Тебе за все!

## ТАК НЕ БЫВАЕТ!

Вовсю светила луна — ее подруга, а Наталья неистово благодарила все вокруг — и черное небо, и яркие звезды, и красавицу Луну, и теплую, мягкую землю. Ей чудом удалось спастись. Насильник не победил ее, она оказалась сильнее его прихотей.

Придя в себя, Наташа на метро добралась до вокзала, села на электричку в сторону станции Лось, к своей любимой подружке Свете. Села и отдалась вволю своим слезам. Они градом катились из ее глаз, и только усилием воли она сдерживала свои громкие рыдания. В вагоне было мало людей, но напротив сидели двое парней студенческого вида. Они сначала молча смотрели, а потом стали участливо расспрашивать, что такое страшное произошло у человека, если он заливается таким обильными слезами.

«Девушка, почему вы так горько плачете?» — услышала она голос.

Что ее дернуло? Сначала она отнекивалась, а потом в пылу неуспокоенных чувств рассказала им о перенесенном потрясении. Они стали негодовать, предлагать вернуться в тот дом, чтобы «набить морду» ее обидчику. Это был плохой вариант, тем более что эта электричка оказалась последней. Парни Наташе сострадали, сочувствовали, как могли успокаивали. Тут голос из динамика объявил, что на ее станции Лось электричка не остановится и, таким образом, девушке надо выходить раньше, чтобы добираться до дома пешком. Парни решили, что ее надо проводить, одну оставлять нельзя.

Один из них поехал дальше, а второй вышел на пустой перрон. До платформы Лось было километра три. Надо было идти пешком лесопарком вдоль железнодорожного полотна. Они пошли. Никого не встречали, мирно разговаривали, и вдруг... Этот сострадалец стал к ней настойчиво приставать! «Боже мой! Неужели такое бывает??? Они же только что хотели морду бить, отомстить за меня! Что случилось с людьми?!»

Этот наглец тоже толкает ее на землю, пытается содрать одежду... Стал лезть с отвратительными поцелуями и жаркими потными объятиями.

Боже! Она думала, что все уже кончилось там, на Кутузовском, но, оказывается, нет, наступает еще одна схватка. И снова завязалась борьба. И снова она пихала его, закрывала руками губы, дергала за волосы, царапала ему грудь, руки... Сколько это длилось — понять невозможно, но она измочалила себя и его вконец. И когда он на секунду ослабил свою хватку, она вывернулась, он схватил за ногу, она рванула ее, в его руках осталась ее босоножка, Наталья как-то вырвала ее и стала его дубасить ею по всему телу — куда попадало... Он старался уклониться от побоев, но она опять в полный голос закричала: «Господи, помоги же мне, пожалуйста!», каким-то чудом освободилась из его хватки, рывком поднялась и рванула от него с какой-то невероятной скоростью. Босая, бежала, едва касаясь земли, словно неведомая сила ее выдернула из беды и сама несла от этого места.

Прибежала домой, позвонила, заспанная Света открывает ей дверь, и Наталья буквально падает у ее ног от бессилия. В руке у нее было крепко зажато орудие ее спасения — босоножка, вторая осталась на месте их лютой борьбы. Света видит обезумевшее лицо. Растрепанные волосы, разорванное платье, босые грязные ноги. И вот тут уже с Натальей случилась истерика.

Несколько дней у нее ломило все тело, гудела голова... Но главное: она не понимала — зачем это нужно было? Может быть, чтобы дать ей знак: воля — превыше всего. Никто не сломит тебя, если ты этого не захочешь.

Почему дважды в один вечер? Может быть, для того, чтобы сообщить главное: человек может выдержать многое, если он уповает на Бога.

И еще: не так просто изнасиловать женщину, если только ей не угрожают оружием, не убивают. Тогда еще таких ужасов, как ныне, было гораздо меньше, и Наташа понимала, что ни в первом, ни во втором случае убивать ее не собирались, видимо, это и придавало силы для сопротивления.

(Уже в гремящие девяностые, когда криминал брал верх над моралью, она возвращалась поздним вечером домой. Надо было пройти через длинную темную арку. Народу кругом очень мало, а в арке — десяток парней. Она их увидела, когда до арки осталось пару шагов. Сердце тревожно сжалось. Вот сейчас зайду в арку — а там темно, только я и они. Остановиться как вкопанная перед аркой — тоже как-то нелепо. Обходить кругом — метров сто. И она решила. Входит, идет мимо ребят. Вдруг голос: «Женщина, стойте!» — Сердце упало. Она остановилась. — «Подождите». Ноги стали ватными. Отделяется от стаи парень и что-то ей протягивает. Что это такое? — «Вы уронили перчатку». — «Спасибо вам большое», — Наташа берет ее.

Идет дальше. И жуткий стыд, чуть ли не срам разливается у нее в груди! Как их зомбировали на плохое, как «заточили» их на штыки, что они уже готовы обороняться или бороться, по сути дела, со своими детьми.

«Простите меня, ребята из арки, за то, что я вас испугалась, подумав плохое», — еще долго раскаивалась она.

## ОРЕХИ

В двух «преступлениях», произошедших в Главмосстрое, вместе со Светой оказалась замешана и Наташа. Как-то раз зашла к подруге после своей работы, чтобы потом вместе ехать домой. Обе были голодны, а из еды только пакет грецких орехов. Они долго пытались расколоть их, но все их попытки были тщетны. Тогда решили давить орехи с помощью шефовой двери. Вставляли в дверной проем орех и зажимали. (Это для тех, кто еще не колол орехи таким надежным способом.)

Дело пошло шустрее. Много орехов они съели, потом долго выковыривали мелкие скорлупки из дверного проема, чтобы не оставлять улики.

На следующее утро Юрий Владимирович стал закрывать за собой дверь кабинета и почувствовал что-то не то. Он открыл дверь, снова закрыл. Повторил процесс, сел за стол. Через пять минут он снова проверяет дверь.

«Света, кто-то был у меня?» — спросил как бы равнодушно свою секретаршу. — «Нет, никого не было», — понимая, куда клонит он, ответила Света

На часок он примолк — звонки, документы, посетители. Потом снова: «Что с моей дверью? Тут явно кто-то был! Что он делал?» — строго смотрит на смущенную Свету. — «Никого не было! Ну правда!» — клянется она.

Навык строителя не давал ему покоя. Он уж и мастера вызвал, мастер никак не развеял его сомнения. Несколько раз выходя — заходя в кабинет, начальник строго смотрел на Свету. Она опускала взор. Он почувствовал какую-то тайну. Уходя домой, умоляюще спросил ее: «Здесь явно что-то происходило. Лучше признайтесь мне, обещаю, я ничего плохого вам не сделаю!» И ждет ответа. Тут-то подруга из сострадания к нему и «призналась»: «Мы с Наташей (он меня уже знал) кололи орехи». — «А причем здесь орехи?» — «А мы их вашей дверью кололи».

Он хохотал как сумасшедший, вытирал слезы рукавом и снова хохотал. Он думал, что какой-то враг наведывался в святая святых — в его кабинет, и эта мысль весь день не давала ему покоя! А тут все так просто — девочки кололи орехи! Они просто хотели кушать. Разве вам не понятно?!

## ПРОПАЖА СЕКРЕТОВ

Итак, Наташа воспоминаниями возвращается в свою воинскую часть, где она уже потрясла своих сослуживцев поздравительными телеграммами.

У каждого из сотрудников были «секретные» портфели. Они напоминали школьные (прошлого века), на них были тесемки, которые припечатывались печатью (у каждого своя). Утром люди сдавали в секретную часть свой пропуск, по нему выдавался портфель, за него в спецжурнале расписывались. Документы, находящиеся в портфеле, тоже выдавались по ведомости. Каждый должен был хранить тайну — работать так, чтобы другие не увидели эти документы. Если кто-то к тебе подходит — сразу же закрывай свою работу. О том, чтобы вынести что-то, не могло быть и речи — сразу «волчий билет» и всякие страшные наказания. Если документ исчез — немедленный доклад начальству.

И вот однажды, к тому моменту прошло уже три года Наташиной работы в ВЧ (тот страшный день никогда не забудет), она получает портфель, проверяет ничего не нарушено (тесемки, печать — все на месте). В отделе вскрывает печать, запускает руку в недра хранилища и — о Боже! — не нащупывает рукой вчерашнюю секретную папку. «Запускает» туда глаза, шарит ими — папки нет! Смотрит свой реестр (перечень того, что содержится в портфеле), все правильно — папка числится за ней. Но и все неправильно — ее здесь нет!

Ужас... Холод в груди. Смятение в чувствах. Наташа ничего не понимает. И ни с кем не может посоветоваться! Потому что сразу будет скандал. Она немедленно должна доложить о пропаже начальству, если этого не сделала, то это обязан сделать тот, с кем она посоветуется.

Замирает, все перебирает в памяти. Вдруг она ее забыла в туалете? Хотя с какой стати? Но тело требует действий — идет туда. Естественно, там нет ничьей секретной папки.

Стараясь быть особо незамеченной, Наташа обследует свой стол... Здесь нельзя иметь ни одной «сторонней» бумажки! Даже чистый лист бумаги выдавался под номером и с печатью секретного отделения, и его должны были вернуть, даже если бы на нем были написаны стихи или нарисованы шаржи друг на друга. Но в столе — пусто. В голове бешено колотятся мысли. В груди — сердце. Но на лице не должен дрогнуть ни один мускул.

Где папка? Снова и снова мысленно она проходит весь свой вчерашний день. Движений не так уж много. Но никто папку у нее не брал — не положено, нигде она ее не забывала — к этому порядку она уже привыкла. Не найдет — все пропало! Дело — труба. Зачем ей теперь университет? Какое будущее может быть у человека с «волчьим билетом»? («Волчий билет» — человек никому не нужный. Такому нельзя доверять!)

Признаться в пропаже? — Да, по закону надо, и причем очень срочно. Но какое может быть объяснение пропажи? — Никакого! Это уже ЧП, черное пятно на репутации отдела, нашего хорошего начальника, ну и на ее, конечно. Что же делать?!

Неожиданно она вспомнила, что вчера на работе была со своим университетским портфелем. Только большие начальники могли приносить их

на службу, но у нее уже появился поклонник, который сам и предложил, в виде ухаживания, поставить Наташе на пропуск дополнительную буковку. А она, дура, и согласилась...

Наташа вспомнила, что, когда к ней подошел чужой (из соседнего отдела) сотрудник с каким-то вопросом, она быстро захлопнула секретную папку. Как раз заканчивался рабочий день, и вдруг она ее запихнула не в служебный, а в учебный портфель? Торопилась — все могло быть. Но почему же она тогда ничего «постороннего» не увидела на вечерних занятиях, когда не раз «лазила» в него? А может, просто не обратила внимания? И вдруг возник вопрос — как удар ножом прямо в сердце! — а не выпускала ли она портфель из рук, из своего поля зрения?! Может, кто-то до занятий выкрал у нее эту секретную папку?

Сосредоточившись, снова вспоминала все по минутам. Нет — учебный портфель все время был рядом. Никто не мог в нем покопаться. Это хорошо. Но в нем вроде бы никакой папки не было — это уже плохо. Или хорошо?

Но где же тогда эта папка? Единственная зацепка — все-таки она в другом портфеле, который дома спокойно стоит под столом. Никто в него не заглядывает (некому), и сейчас главное, чтобы папка была хоть где-нибудь; потом папку взять и тайно, под одеждой, пронести обратно, в здание. Для этого надо отпроситься, поехать на другой конец Москвы. Какие еще варианты?

На ватных ногах подошла и попросила начальника отдела отпустить ее на три часа. Он увидел ее побледневшее лицо, но вопреки всему не поинтересовался, что случилось. «Только портфель сдайте», — согласился он.

«Да, — подумала Наташа, — из-за этого портфеля моя жизнь может резко измениться. Что мне делать, если я не найду папку дома? Как тогда быть? Не представляю, но сюда я наверняка не вернусь. Не вынесу презрительных взглядов этих добрых, так хорошо ко мне относящихся людей. Неужели я их больше не увижу? Нет, документ все-таки дома — никто его не видел, секретность его не нарушена, надо только поскорее вернуть его на свое место».

Она вошла в лифтовой холл, нажала кнопку вызова кабины. Лифт здесь был неторопливый. Увидела, что у окна стоят два сотрудника из их отдела, о чем-то тихо говорят. В ожидании лифта она медленно направилась к ним, зная, что они всегда ей были рады — можно побалагурить, поострить — хоть на минутку расслабиться среди напряженной работы.

«И У ТЕБЯ?!»

Но тут Наташа почувствовала, что своим приближением вроде как досаждают им. Ничего не сказано, не сделано никакого жеста, но это чувство она улавливает. «Сейчас я им совершенно не нужна, мешаю! Почему? — Проносится в ее голове. — Они бы хотели, чтобы бы я немедленно ушла. Да я и так ухожу. Может быть даже навсегда! Но лифт-то еще не подошел! А я уже по инерции подошла к ним, я рядом!»

Все почему-то тягостно молчат. Раньше такого не бывало. Тут двери лифта открываются, она поворачивается к нему и, отходя, вдруг тихо говорит офицерам: «У меня пропали документы». Вот она вошла в лифт. По ее подсчетам, двери лифта должны уже были бы захлопнуться, но они неподвижны. И вдруг она слышит в ответ: «Как, и у тебя тоже?!»

Не веря своим ушам, она машинально выходит из лифта (тут-то дверь и закрывается), они уже втроем стоят и молча, с ужасом смотрят друг на друга. Нарушая мрачную тишину, раздается голос по селектору: «Начинается совещание — все по местам». Юра Соколов, майор, быстро, доверительным шепотом говорит ей: «Мы не можем, сама понимаешь, мы — военные, но ты первая должна сказать. Придумай, как». Наталья понимает: они офицеры, ученые — для них такая пропaja — полный крах карьере.

И вот все уже в кабинете, за своими столами. Начальник начинает планерку, видит Наташу и удивленно говорит: «Вы ведь отпрашивались...» А она в ответ: «Юрий Михайлович, у меня такой вопрос: что будет с человеком, у которого пропали документы?»

Аудитория в ужасе замерла. Он строго смотрит на нее и медленно, но четко так, словно припечатывая, произносит: «Не советую так шутить. Также не советую даже в шутку проверять нас».

В этом месте по всем отдельским приметам должен быть общий смех. Уже проверено, если есть возможность посмеяться над остротами начальника — никто ее не пропустит. Но в кабинете вместо смеха стояла оглушительная тишина. Мертвая. И только Наташин голос вновь раздался: «А если я не шучу?»

Юрий Михайлович как-то быстро побледнел, откинулся на спинку стула и с последней надеждой, что это розыгрыш, обвел глазами всех... Неожиданно он осознал, что глаза у многих опущены. Тягостное молчание. Он медленно поднимается, чтобы что-то грозное сказать вверенному ему коллективу, да и этой «вашей Наташе»... И тут с разных сторон послышалось: «И у меня...», — «И у меня...», — «И у меня...»

Шеф без сил опустился на стул. Начальнику стало совсем плохо: узнав, что у шестерых подопечных пропали документы, он сразу решил, что это подкоп под него лично. Он уже лихорадочно вычислял, кто его захотел «подставить».

Все смотрели на Наташу, дескать, какая подлянка случилась в отделе? Она стала возбужденно рассказывать, какой получила шок, обнаружив пропaju. Признаться сразу не хватало духу, все же была малюсенькая надежда, что каким-то чудом документ найдется. Не призналась вовремя, тем хуже: «почему немедленно не доложила о пропавших документах?»



Шила в мешке не утаишь, сразу пошел слух о ЧП в их отделе. И — обратная «радостная» для них волна — в каждом подразделении произошло такое же ЧП!!! Три часа все пострадавшие в управлении «страдали» в одиночку, боясь признаться в пропаже, ничего не понимая и представляя свое безрадостное будущее. Каждый из них переживал свой жуткий стресс! Должен был появиться импульс, который начнет распутывать этот таинственный клубок. Им оказалась Наташа.

Расследованием занялось самое большое начальство. Оказалось, что новый начальник секретной части решил доказать непрочность секретных портфелей: из них можно выкрасть документы, не нарушив целостности печати. Всю ночь несколько его подшефных распарывали низ портфелей (тех, которые этому поддавались) и вытаскивали секретные папки.

Но за этой драмой последовала и своя трагедия: у одного генерала случился инфаркт. Накануне он не сдал особо важный документ, который ни при каких обстоятельствах нельзя было оставлять в портфеле — его на беду и вытащили. В результате сердце крупного ученого не выдержало...

Наташа благодарил тот миг, когда она столкнулась в холле с сослуживцами, и они ей не обрадовались. Необычность этого обстоятельства и заставила ее признаться.

Все экспериментаторы «понесли суровое наказание», начальника «секретки» убрали (не убили, конечно, а перевели), а Наталья после этого перестала заносить в режимное здание свой университетский портфель. Да ну его на фиг!

Но потом, спустя десятилетия, когда началась перестройка и когда секретные материалы пудами передавали на Запад, когда туда же сбегали наши разведчики и предавали своих братьев, она вспоминала этот эпизод, свой дикий страх за пропажу секретной папки и думала: куда мы вступили, что же мы забываем свои правила и устои?

## ШАРФИК

...Вечером Наташа заехала за Светой. В кабинете ее начальника шло большое совещание, была тьма народу. На вешалках в приемной полно одежды. Наташа раздевается, а на пальто у нее был прикреплен красивый шарфик, она снимает его и, боясь забыть на переполненной вешалке, засовывает в карман чьего-то ближайшего пальто, оставляя кончик шарфа, как пометку для себя: «не забудь».

Следом за ней приходят другие участники совещания. Они завешивают своими одеждами Наташину «метку». Как вы понимаете, домой девчата уходили последними. И кто-то уже унес красивый шарфик в кармане своего пальто.

...Как назло, этот шарфик попал на подготовленную почву. Мужчина поздно возвращается домой и на вопрос жены: «Чего ты так задержался?», рассказывает, какое длинное совещание было у его начальника. А кончик красивого шарфика предательски торчит из кармана.

«А это что такое?» — грозно спрашивает жена и вертит шарфиком у мужниного носа. У бедолаги от изумления глаза полезли на лоб. «Не знаю», — шепчет он, вытирая холодный пот. — «Зато я знаю», — издевательски тихо отвечает жена и давай лупить его по лицу своей твердой рукой и неповинным шарфиком.

На следующий день несчастный прибыл в Главмосстрой, сел напротив Светы, положил перед ней шоколадку и тихо так, грустно спросил ее: «Зачем вы это сделали?» — «Что «это»?» — обрадовавшись шоколадке, спрашивает подруга. А про себя думает: буду «это» делать всегда — за шоколадки! — «Вот это», — он положил перед ней на стол злополучный шарфик. — «Откуда у вас Наташин шарфик?» — с удивлением спросила Света. — «Я сам очень хотел бы это узнать».

Только вечером Света узнала о Наташиных манипуляциях у вешалки. Прости их, этих студенток, невинно пострадавший человек! Жены, будьте доверчивее к своим мужьям! Ну не виноваты они, во всяком случае — не всегда виноваты! Поймите, что вокруг них бывает столько наивных дурочек!

## В ЦЕНТРЕ ДАЛЬНЕЙ КОСМИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

Отдел, в котором работала Наташа, получал много переводной литературы по космическим исследованиям в других странах. А она составляла на эти книги аннотации. Да так наловчилась, что легко по внешнему виду определяла назначение космического аппарата, много знала о НАСА, мысе Канаверал и всех их штатовских «шаттлах». И это в то время, когда такая информация была совершенно закрытой!

Не раз предлагала своим офицерам заняться написанием диссертации. Кому — кандидатской, кому — докторской. Соберет нужную литературу, сделает закладки в книгах — и давай убеждать, только повысьте, господа ученые, еще выше свой научный уровень. Некоторые сопротивлялись, но четверо написали диссертации и защитились. Она была так благодарна им за то, что послушались!

Как-то раз шеф сообщил, что кому-то срочно придется поехать в командировку — в центр дальней космической связи. Наташа вызвалась первой, но большой радости на лице Казакова не заметила. В перерыве ко ней подошел его заместитель Александр Васильевич Агафонов и потихоньку сказал: «Не рвитесь вперед, это очень настораживает». — «Но мне интересно, я еще там не была!» — объяснила свой порыв Наталья. — «Это его и настораживает. Он через 10 минут вас сам бы начал уговаривать, вы бы поломались немножко — и поехали бы».

Но она и так поехала. Работа была совершенно необычной. Днем все отдыхали, спали, купались в Черном море, а ночью начиналась связь со спутником, который только что запустили.

В каком же жутком напряжении были все, ожидая, выйдет он на связь или нет. И вот — пошли первые параметры! Офицеры выхватывали длинные листы перфокарты и впивались глазами каждый в свои данные: как работают бортовые системы и что они сообщают. Если нормально — работа продолжалась, если сбой — сразу совещание. Это был такой удивительный драйв! Вот на мониторах появились первые позывные, вот поползли цифры — вроде скучное дело, но когда видишь в этот момент своих коллег, их сосредоточенность, их жадное ожидание нового витка и новых данных — начинаешь ощущать: вот она, настоящая мужская работа! Вот было бы здорово, если бы это видели их жены, дети, родители! Ах, как бы гордились они своими офицерами! Не влюбиться в таких целеустремленных людей было просто невозможно!

## ДОПРОСЫ

В одну из таких ночей в зал связи заходит самый большой начальник. Он интересуется ходом работы со спутником, а потом, наклонившись к Наташе, тихо просит ее зайти к нему. «Прямо сейчас?» — переспросила она. — «Да», — ответил он и вышел. Она поднялась и пошла в его кабинет. Что случилось — не знает, но сердце тревожно забилося.

Оказывается, пока они тут запускали спутник, в Москве, в их космической организации была кадровая проверка. И каково же было удивление, даже потрясение проверяющих, когда они обнаружили, что сотрудница важнейшего отдела, прошедшая все проверки по биографии на благонадежность, не имеет московской прописки! Как она попала сюда, кто ее устроил?

Этот вопрос и задал Наташе сидевший напротив генерал-лейтенант. «Не скажу», — ответила она. — «Почему?» — «Не имею права», — она тут же представила себе родственника, майора, и то, что его может ожидать, откройся сия тайна. («Нет, я его не сдам. Это решено!») — «Не понимаю вашего упорства, мы все равно узнаем, но хотим из ваших уст». — «Нет, не скажу — ни за что», — упорствовала она. — «Мы вас утром отправим в Москву, пускай с вами там разбираются», — поугрожал ей генерал. — «Я согласна». — «Ладно, идите, я буду думать».

Офицеры, увидев ее расстроенное лицо, пытаются развеселить: «Смотри, даже генерал в тебя втрескался». — «Да идите вы», — отмахивалась Наталья, а душа ее страдала: вдруг они узнают про шурина — ему явно не поздоровится.

Через час ее вызывают вновь.

«Ну что, вы мне что-то новенькое расскажете?» — с надеждой спрашивает начальник. — «Нет, не расскажу — это точно». — «Ну почему? Почему? Как такое могло случиться, что вы без прописки работаете у нас? Значит, кто-то же вас сюда устроил?» — «Это очень умный и хороший человек. Просто замечательный. Не хочу его подвести. Для меня он сделал доброе дело, устроил на интересную работу. Я ему благодарна, поэтому и не скажу, кто это». — «Допустим. Но вы можете сказать, кто он, только мне — мне одному», — уже полупшепотом уговаривал ее генерал. — «Нет, вы не поверите, кто он», — сказала она.

Она только сейчас стала понимать, что на самом деле никто не поверит, что простой майор из-за любви к нему кадровички мог «такое проверить». А в графе, где надо было указать местожительство, стоял адрес знакомых, у которых она несколько недель жила до университета.

«Кто он? Кто? Откройтесь! Скажите мне!» — уже умолял ее нетерпеливый генерал. — «Не могу! — почти простонала она. — Можно мне уйти?» — «Да идите же!»

Ее усталые сослуживцы ничего не понимают. То она здесь, с ними в космической рубке, то ее нет. «Что случилось? Что ему от тебя надо?» — настойчиво и озабоченно спрашивают они.

Она туго молчит.

## ПРОИЗОШЛО ЧУДО!

К утру ее вызывают снова.

«Я все равно от вас не отстану, я все равно узнаю его имя!» — «Ну вы же все равно не поверите, если я и назову его...» — «Поверю! Кто?!»

И тут ей приходит в голову дерзкая мысль — назвать фамилию великого космического начальника. Самого-самого. Она тихо-тихо произносит это имя. С надеждой (или со страхом) ожидая, что генерал наконец-то прекратит свой допрос. Или рассмеется, или, наоборот, обозлится за то, что она решила поиздеваться, и сейчас будет перечислять ему весь отраслевой генералитет.

Но нет, он вдруг озадачился, мысли его куда-то перенеслись, и он сразу же отпустил Наташу. Наутро к ней, совершенно разбитой, подошел капитан и попросил ее паспорт. «Оформлять билет на вылет», — устало подумала она и отдала свой документ.

Шли часы, настала трудовая ночь, все вышли на связь с объектом, но никто ее не выгонял, не дергал. Кроме друзей — офицеров, которые подкалывали: «Где же цветы от нашего генерала?» — «От него не цветы, а горькие ягодки скоро получу», — думала она.

Прошло несколько тревожных дней. И снова утром подходит к ней тот же капитан и отдает паспорт. «А билет?» — «Какой билет?» — «В Москву». — «Нет билета, зато есть вот что». И показывает ей... штамп о подмосковной прописке!

Почему генерал так сделал? По-настоящему ей неясно до сих пор. Можно только строить свои догадки. Первая. Не поверил, но решил помочь. Чисто по-человечески. Вторая. Поверил. Решил, что большой начальник сделал для нее (может быть, она — из дальних родственников) часть дела (устроил на работу), а остальное, если потребуется, сделают подчиненные.

Третьей версии у нее нет. Но она все равно благодарит тот нелепый случай — он упростил ее жизнь. Разумеется, там не было ни сантиметра жилья, но она была легализована!

Слава Тебе, Боже, за непрестанные заботы обо мне, за промыслительные встречи с людьми! Слава Тебе, Боже, во веки!

## СТАРОДУБЦЕВ

За период учебы у Наташи было много увлечений. Ей нравились парни с харизмой — как сейчас стали понимать это слово. Интеллигентность, образованность, пылливый ум — без этого ей было скучно общаться с молодым человеком.

Один поклонник (он совсем мало нравился) «не отлипал» от нее лет пять. С ним они познакомились в «космической конторе», и он влюбился. Он не был наглым, нахрапистым, нет. Но был готов к долгой настойчивой — исподволь — осаде Наташи. Он знал, как ей тяжело жить, и очень надеялся, что именно это обстоятельство и приведет ее в лоно их семьи.

Доходило даже до того, что она рассказывала ему о своих влюбленностях в других парней, он молча страдал. Терпел, выжидал, когда ей будет совсем плохо, и снова предлагал руку и сердце. Особенно часто — когда ей просто негде было жить. Однако она не собиралась поправлять свои дела таким образом.

К браку могла привести только любовь. Причем большая. Но такая все не случалась, хотя редкий вечер обходился без свиданий. Отношения были больше дружеские. Она любила расспрашивать своих кавалеров обо всем — о семье, об учебе, в целом о жизни, а они с огромным удовольствием отвечали, посвящали ее в свои тайны, свой внутренний мир. Так она черпала и черпала жизненный опыт и — казалось — все больше понимала мужчин.

Почему она не допускала, что выйдет замуж за Володю Стародубцева? Понятно — не любила. Почему иногда встречалась? Потому что — дружила. Вообще для нее, наверное, дружба была главнее любви. Она теплее и надежнее. От нее не бывает угроз, предательств, слез и разочарований. Если дружба распадается, то, возможно, она исчерпала себя — вы уже ничего не даете друг другу, не питаете себя этой дружеской энергией. Может даже случиться, что кто-то вырос, а другой его тащит вниз. Но, может, и ты виноват, что «не растил» товарища. В любом случае друг — это очень серьезно, это — духовная твоя родня и настоящая защита. И это должно быть взаимно — без рассуждений.

Володя, узнав, что она любит театры, каким-то чудом доставал билеты на Таганку, где блистал Владимир Высоцкий (гениально играя Гамлета), где все актеры — Борис Хмельницкий, Зинаида Славина, Валерий Золотухин, Вениамин Смехов были как бриллианты в энергетически духовно сильной «диадеме».

МХАТ, «Современник», Театр Вахтангова — все лучшее она посмотрела благодаря Володе. Чтобы видеть ее почаще, он готов был по пять раз водить ее на одни и те же спектакли. (Теперь ей так трудно найти художественную постановку, которая была бы того же высочайшего уровня.)

Это был хороший человек. Терпеливый, добрый. Он все время убеждал Наташу: «Выходи за меня, у тебя будет жилье, я сделаю тебя счастливой. Я знаю, что ты еще не любишь меня, но я сделаю все — и ты полюбишь. Знаешь, я даже уважаю тебя за это. Другая сразу же согласилась бы на мое предложение, чтобы получить мужа, прописку, квартиру...»

...Она уже не помнит, что подтолкнуло ее тогда, но она сдалась на уговоры, и они отнесли заявление в загс. Наташа себя успокаивала: «Еще не вечер, еще не

брачная ночь...» Он был счастлив, он ликовал: вот, милая моя птичка, ты оказалась в моей клетке.

На выходе из загса надо было перейти через улицу. «Давай скорее, перебежим!» — предложила девушка. — «Нет, не надо «скорее». Нас оштрафуют, а нам надо беречь свои семейные деньги». В этот момент она поняла, что никогда не будет носить фамилию «Стародубцева».

...Одна из сотрудниц их управления рассказала по свежим следам такую историю. У нее был сын восемнадцати лет. Он попросил разрешения привести на воскресный обед свою девушку. Родители разрешили. В понедельник наша коллега рассказывает: «Девочка как девочка. Плотненькая, черненькая, разговорчивая. Когда она ушла, мой муж говорит сыну: «А я думал, что она будет высокая, стройная, с русой косой». Бабушка его останавливает: «А я думала, что будет тихая, скромная, глаза в пол, а у твоей пассии рот не закрывался». — «А ты что думаешь, мамаша?» — спрашивает меня муж. — «Я надеялась увидеть девушку, ну, скажем, как Гурченко в «Карнавальной ночи».

Сын совсем загрустил: «Где же я найду такую, чтобы всем вам понравилась?»

## НЕЗАДАЧЛИВЫЙ КАВАЛЕР

Тогда на киноэкранах появились знаменитые фильмы «Москва слезам не верит», «Вокзал для двоих», «Осенний марафон», «Зимняя вишня». Наташа смотрела их и верила режиссерам. Они ухватили главную нить: сильная, целеустремленная, любящая женщина — и слабак, расчетливый слюнтяй — мужчина. Она никак не хотела «попасть» на такого...

А ей уже было за двадцать. Она познакомилась и встречалась с одним военным человеком. Он старше. Разведен. Есть дочка.

Очень влюблен в нее. Ей тоже симпатичен, не похож ни на кого. Однажды они сидят, беседуют у него в квартире. Сидят на кухне, говорят о Солженицыне, тогда появился его первый самиздатовский ГУЛАГ. Вдруг слышат, как поворачивается ключ в замке, в прихожую (Наташа не видит) заходит его знакомая, скорее всего, прежняя любовь. Он выбегает из кухни и тихо, но гневно (Наташа слышит) ее отчитывает: «Зачем ты пришла без звонка? Зачем? Кто тебя звал?» Она как-то оправдывается. Наташе страшно неловко, но она выходит в прихожую и говорит: «Почему вы не зовете свою подругу пить чай? Мне вы предложили, хотя я зашла на минутку, а свою даму не приглашаете? Извините, что я помешала вашей встрече — я сейчас ухожу». И она ушла.

Как он бегал под окнами ее дома! Как молил простить! Простила... Хотя что прощать? — Всякое бывает. Но прошло время, когда все у них было нормально, и вот наступил день, когда должно было быть свидание с походом в кино. Но он позвонил Наташе на работу и отменил его, сославшись на служебные дела.

После работы она едет в электричке домой (они жили по соседству), и вдруг в вагон заходит ее кавалер и, приобнимая за талию симпатичную девушку, усаживает ее и себя прямо напротив Наташи (бывает же такое!). И только усевшись, он видит ее и не верит своим глазам. Растерян — просто до обморока. Наташа равнодушно (внешне, конечно, внутри все кипело от возмущения) взглянула на них и продолжала читать книжку. Словно перед ней сидят чужие люди. Войдя в вагон, они весело щебетали, он «галантничал» перед спутницею, а тут вдруг замолк, стал делать вид, что для него их встреча случайна. Девушка теребила его, заигрывала, но «ее кавалер» сидел молча, как истукан.

На нужной остановке Наташа спокойно вышла, и он, что-то буркнув девушке, с которой зашел в вагон, выскочил вслед — за Наташей. На сей раз она ему не простила. Без слез, без скандала, просто и тихо сказала: «Прощай!» Хотя это была любовь, и она отрезала ее раз и навсегда.

Ей все равно по-человечески жаль этого человека. Он жил как будто по черновому варианту. Надеялся, что жизнь позволит ему все потом переписать на беловик. Основной целью его жизни было сутяжничество — он всем всегда доказывал, как они неправы.

Слезы лил Наташиным друзьям, что вот жаль, ее «упустил». А ей-то от этого какое счастье! Прошло много лет, он ни на ком не женился, все берег свою квартиру, все боялся, что женщинам интересен не он сам, а его жилье... Кстати, очень частый случай, как раньше, так и теперь. Сколько людских судеб сломал



этот «квартирный вопрос». Москвичи, обремененные квадратными метрами, так боялись провинциалов, словно всегда и точно знали, что тем нужны только эти пресловутые метры.

Вот так и этот человек, одаренный, яркий — но в итоге старый, больной, одинокий, умер в своей квартире и неделю лежал, пока его нашли соседи... И ни жене он не нужен был, ни единственной дочке своей. Все бежали от него. Чего добился? И никто даже даты не знает, в какой конкретно день он покинул этот бренный мир. Но Наташа поминает его в своих молитвах, просит Господа простить ему все прегрешения.

В школе на уроках литературы ученики проходили русских классиков. И там впервые Наташа столкнулась с тем, с чем потом сталкивалась всю жизнь: слабыхарактерностью, безволием мужчин и готовностью к самопожертвованию женщин.

Тургеневские герои Ася и Родин, Полина и Дмитрий, Настя и Букинский. Все влюблены друг в друга, и у каждой пары свои отягчающие обстоятельства. Но — любовь! Что может быть в жизни важнее! Однако в самые ответственные моменты мужчины легко отказываются от любви во имя чего-то там им мешающего, сиюминутного. Влюбленные девушки не понимают, как это так, когда на одной чаше весов — любовь до гроба, на другой — наследство, родительское несогласие, нелюбимая, но выгодная партия... И вот — выбор сделан! Любовь — в сторону, любимая — по боку, и вперед — в жизнь! Выбирают то, что тленно! Как такое может быть? В юности Наташа слабо верила Тургеневу. Но похожие сюжеты потом стали все чаще и чаще повторяться и у других классиков — наших глыб (а Антон Чехов сколько лет «мозги пудрил» милой, готовой на любую жертву ради него Лике Мизиновой!), что это ее уже всерьез насторожило. Она сама готовилась любить так, что «вот никаких препятствий не испугаюсь, все преодолею! А он? Как он отнесется к ним? Вдруг он тоже окажется слабаком, неженкой? Как тогда быть? Вычеркнуть? Забыть? Наплевать? Но что на это скажет моя любовь? Выходит, я тоже должна буду ее — эту светлую мечту, ради которой только и стоит жить, — предать? Тогда, выходит, я тоже стану предательницей?»

## АГРОНОВСКИЙ

Для дипломной работы Наташа выбрала творчество своего любимого Анатолия Агроновского — знаменитого журналиста из «Известий». Называлась тема так: «Нравственно-экономические аспекты творчества А. Агроновского». Суть его трудов была в том, что в экономике он всегда и везде искал «человечинку» — считал, что и в производстве, в экономике должно быть только то, что приносит пользу людям — и нравственную, и материальную.

Дипломная работа удалась, ей предложили опубликовать ее в «Вестнике МГУ», поставили «отлично». Она дала ее почитать и самому герою — Анатолию Абрамовичу. Он сделал кое-какие замечания, но в целом похвалил.

Как-то раз они шли с ним по улице Горького (ныне Тверской) — от редакции к метро, и он говорил Наташе: «Пройдет время, и вы будете рассказывать своим ученикам, как гуляли по Москве с самим Агроновским!» К большому сожалению, прошло небольшое время, и замечательного журналиста не стало. До сих пор девизом во всей ее публицистике остается выражение Агроновского: «Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает».

Это его напутствие она восприняла всей душой и старалась никогда не отдавать в печать свой материал, если там не было чего-то «сверх программы», то есть какой-то изюминки для читающих. Ей всегда хотелось, чтобы они не разочаровались от написанного ею материала; чтобы, напротив, он воодушевил их на что-то хорошее и доброе; либо заставил призадуматься над главным в жизни: а что ты сделал для Бога? Как изменил к лучшему жизнь вокруг себя?

Может быть, поэтому она всегда получала много читательских писем, и ее угнетало, что не всем могла ответить.

## МЭЛЗ

Позже, когда она уже отработала свое на благо советского космоса и пришла на работу в огромное производственное объединение «МЭЛЗ» — с филиалами во многих городах, то поняла — это действительно тяжелая школа жизни!

Со своего места корреспондента большой многотиражной газеты уходил журналист Гарри Киксман. С ним была знакома ее подруга Света, он просил ее найти кого-нибудь себе на замену. И она предложила Наташу. Опыта работы в огромном объединении у девушки не было. Но желание побольше всего разузнать — было. Киксман начал вводить ее в курс дела. В первый день работы он провел ее по цехам.

— Попробуй сама, узнай у них о планах.

Работники не хотели отрываться от того самого плана, а она стеснялась проявлять насилие над ними. Спросив их, например: «Что вы должны сделать к концу квартала?», они отвечали: «Вытянем двести штук стотысячных», — и отворачивались к станку. Наташа ничего не понимала. Тревожно смотрела на Гарри. А он советовал:

— Знаешь, здесь особая специфика. Не отставай от них, пока все не поймешь. Спрашивай, требуй пояснений, перепроверяй, правильно ли ты поняла.

Наташе казалось, что стыдно показывать свою неосведомленность и из-за своего невежества зря отрывать людей от дела.

— Это наша профессия. Плюнь на все комплексы и железной хваткой добивайся от людей нужной информации.

В дальнейшем она часто в душе благодарила Гарри за его уроки. Конечно, когда она только пришла в это могучее объединение, то растерялась. Такое количество служб, цехов, отделов, лабораторий, тысячи рабочих. Все шумит, гремит, едет — только успевай уносить свои ноги! Как во всем этом разобраться?

Это интереснейшее дело, когда ты в пекле событий, когда тебе надо каждую неделю делать две, а то и три полосы газеты. И там должны быть и репортажи, и заметки, и очерки, и дискуссионные материалы.

Еще несколько журналистов редакции так же кипели в этом котле, и им иногда не удавалось даже толком поздороваться — настолько глубоко они увязали в сборе материалов. Это был рабский труд, считай, на галерах. По две полосы в каждый номер, а газета выходила раз в неделю, написать это было трудно, тем более что ошибки здесь не прощались.

...Поздним вечером она пришла за информацией на одно производство, а там празднуется день рождения начальницы. Столы заставлены едой, а корреспондентка умирает от голода. Но появляется надежда, что ей тоже предложат перекусить — после обеда прошло уже много времени. Но нет, не догадались. Это Наталье тоже стало хорошим уроком. Кто бы ни пришел к ним в редакцию, первым делом — чай, кофе с бутербродом. А потом уже «поговорим»...

А уж какая на МЭЛЗе была школа! — Сродни университету. Если ты хотел постичь, как работает экономика — добро пожаловать на огромное производство, да еще в газету! Тут ты узнаешь, что как «варится», что куда «вливается» и откуда и сколько «выливается». Узнаешь, кто за что отвечает и как людей мобилизовать, если это необходимо. Каждый молодой человек должен хотя бы год поработать в большом трудовом крепко сбитом коллективе. Никакой университет с ним не сравнится!

Такая работа стала базой Наташиной дальнейшей «трудовой деятельности». За профессиональную пытливость ее включили в Комитет народного контроля района, и ей посчастливилось не только самой раскапывать чьи-то спрятанные проделки, но и слышать, как это получалось у других. И главное — чем это заканчивалось. Это тоже приучило ее никогда не «химичить», не «выгадывать». Что Бог дает — то и хорошо. Спасибо Ему за все! Жаль, что в стране теперь нет «народных контролеров». Это такие большие воспитатели!

## НАЧАЛЬНИК И ОБОРУДОВАНИЕ

Работая в газете, Наташе приходилось участвовать во многих мероприятиях по проверке качества продукции или использования промышленной техники. Вот и в этот раз она проводила расследование, почему дорогое оборудование, закупленное за границей, не устанавливается на производстве. Облазила многие склады, поговорила с разными людьми, и картина оказалась печальной. Либо не все продумали по обеспечению подготовительных работ, либо не всю продукцию для технологической цепочки закупили, либо не хватает сырья, либо нет опытных кадров... В любом случае — губошлепы: деньги-то ушли!

Пока описывала все подробности и нюансы этой проблемы, в редакции появился второй секретарь парткома.

«Слышал, что у вас готовится материал о залежах импортного оборудования. Можно я посмотрю этот материал?»

«Ну, начинается... Сейчас привяжутся, что и то не так, и это не этак... Сами бы поковырялись в тысячах бумаг, закупочных документах да поговорили бы с десятком специалистов на эту тему... С другой стороны, кто им всю правду раскроет? Люди партийных боятся».

Дала ему свою рукопись. Он попросил чистые листки и стал быстро-быстро что-то писать.

«Вот те раз, наверное, я там все напутала, а до чего-то главного, видимо, не докопалась. Вон сколько замечаний сейчас он мне сделает».

Однако через час секретарь вернул ей рукопись, забрал свои листки и собрался уходить.

«Что вы мне скажете? Какие у вас замечания по материалу?» — спросила его. — «Да никаких. У нас завтра заседание парткома по этому вопросу, а мне надо делать доклад. Так что я у вас «позаимствовал» кое-какие нужные сведения. А так все правильно — глубоко, принципиально».

Ей было и лестно (живой же человек!), что все верно, и в то же время страшно — она, девчонка, не пожалела сил, времени, разобралась во всем этом, а они — спецы, видишь ли, не захотели, не сумели... Выходит, государственные деньги ушли на бесполезное дело, а им все «по барабану»? Парткому, профкому — вон сколько людей даром хлеб едят!

Однажды она с первым секретарем парткома сцепилась — прямо на заседании парткома — по одному принципиальному вопросу. Если коротко, то суть его заключалась в том, кто хозяин на производстве — начальник или рабочий? До этого на одном заводе объединения возник локальный конфликт. Начальник требовал от рабочих неукоснительного выполнения его распоряжений, а рабочие понимали: надо делать (конкретную операцию) иначе.

Это будет выгоднее производству. А если делать, как велит начальник (человек вообще-то, малокомпетентный), то будет много брака.

Конфликт дошел до парткома, и секретарь занял сторону начальника: дисциплина — прежде всего. Наталья спрашивала: а если руководитель не очень умен и недалновиден? А если для него главное не интересы дела, а свои амбиции? Почему он считает, что только он хозяин, а рабочим на все наплевать? Разве не должен он сам воспитывать в рабочих чувства патриотизма, гордости, умения развиваться, дерзать, предлагать лучшие решения, а не глушить их?

Потом она поняла, что на заседании — при свидетелях — не очень корректно спорить с начальником. И вот после заседания парткома она направилась в кабинет к первому секретарю. По пути, встретила свою знакомую, члена этого парткома Раю Шерemet..

«Ты куда такая воинственная?» — спрашивает она. — «К первому. Договорить надо». — «Только не сегодня. Я очень тороплюсь в горком, даже слова сказать некогда. Но сегодня не ходи! Ему некогда, он все равно тебя сейчас не примет. Завтра тебе все объясню», — сказала она и побежала к выходу.

Что делать, Наталья развернулась и пошла в редакцию. На следующий день спрашивает Раю, что такого страшного было бы вчера?

«У тебя было такое решительное лицо, что даже я испугалась. Вы точно не на шутку сцепились бы... А он, ты знаешь, какой мстительный, век тебе бы не простил этого спора! Сегодня ты уже утихомирилась. Да пошли ты его подальше!»

В дальнейшем Наташе не раз «пригождался» этот «Раин» ход. Не делать ничего сгоряча. Во всяком случае, стараться не делать. И другим не давать сразу выплескивать «горячее» — обожжешься! Переспи с проблемой — наутро она не покажется тебе «кипятком».

## ЕЕ «ЗАКАЗЫВАЮТ»

При работе в газете она столкнулась еще с одним интересным явлением. СМИ часто требуются отклики на разные важные события, но они обязательно должны быть «от народа», и желательно — от специалистов. Где же их взять и быстро опросить?

Нашлась такая женщина-инженер, которая после нескольких телефонных интервью сразу сказала: «Наташа, вы сами все правильно пишете. Нужна моя подпись — ставьте ее, когда вам угодно и под чем угодно. Можете даже и не звонить мне каждый раз».

Событий происходило много, и Наталья печатала и печатала материалы за ее фамилией. От женщины-инженера не поступило ни одной «рекламации». Прошло несколько лет, и Наташа узнала, что ее «авторша» стала директором завода, на котором раньше работала.

«Она уже директор?!» — очень удивилась Наташа. — «А кто же, если не она? Она часто выступала, толково аргументировала, всегда что-то дельное предлагала... Да в вашей же газете! Разве вы не читали?» — ответили ей в парткоме.

Потом подобное повторялось в Наташиной жизни несколько раз. Напрягаешь свои мысли, стараешься пустить их и в глубину, и в ширину, потом вложить их в уста какого-то подходящего к делу человека — и он еще быстрее растет в своей известности.

Записная книжка Наташи пухла от имен, телефонов, событий. Целый день у нее был как неделя: то она в диспетчерской, то на парткоме, то на сдаче нового ассортимента продукции, то на испытаниях конвейера, то на военной приемке...

Обо всем этом надо быстро написать, чтобы не потерять оперативности, и ничего не перепутать — ни имен, ни названий продукции, ни целей этой работы.

Каждый день она видела самоотверженный труд разных специалистов, видела, как много они могут сделать, если поставить правильные цели, нормально организовать дело и поощрять людей. Не унижать их разум, прислушиваться к ним, доверять им большие дела. Москвичи-рабочие, специалисты — великолепные наставники молодежи, бывают просто одержимы в труде, особенно если чувствуют: дело рук их необходимо стране.

Несколько лет она варилась в этом котле. И никогда не пожалела об этих годах. Наоборот, они дали ей огромную закалку и расширили творческий горизонт. Во всех случаях она искренне старалась разобраться в какой-то проблеме. Не жалела для этого ни времени, ни сил и была достаточно настойчива. В дальнейшем она так развернулась, что в газету звонили из цехов и предприятий и «заказывали» только ее. «У нас будет такое-то событие, пришлите только Наташу!» — требовали они.

Так удалось познакомиться со многими прекрасными людьми. Однажды она делала репортаж о награждении передовика производства Орденом Ленина.

«Вы счастливы, ведь такая большая награда?» — спрашивала она пожилую

женщину. — «Знаешь, Наташа, я живу в таком страшном бараке! Мокрый угол никогда не просыхает, отваливается штукатурка, бегают крысы. Вот если бы мне вместо ордена дали квартиру, тогда я была бы истинно счастлива».

Эти слова орденоносицы дорогого стоили: она могла сказать такое только тому человеку, которому доверяла, так как они совсем не предназначались для газетной публикации. Там надо было только умилительно благодарить партию и правительство.

Даже в короткую подпись под фото какой-то мастерицы она старалась внести «человечинку». «Скажите, а какой у вас девиз в жизни? Расскажите свой любимый анекдот? Какой последний фильм вы посмотрели в кинотеатре? Кого вы больше всего уважаете в своем коллективе (на заводе)? О чем вы мечтаете? Кого пригласите на свой юбилей?»...

Главный редактор часто — особенно поначалу — пытался вычеркнуть эти «выкрутасы». Но когда (несколько раз через свой внутренний протест пропустив их в печать) увидел, как вырос интерес к газете, как бежали люди из цехов, чтобы скорее получить свежий тираж, то уже перестал называть эти вирши «выкрутасами».

К сожалению, она часто опаздывала на работу, и сослуживцы удивлялись, почему главный редактор не делает ей замечаний. Они его не любили и как-то раз «подначили»:

— Нас вы терзаете, а ей слова не скажете. Что такое с вами, Михаил Филиппович?

— А вы работайте, как она, и вам слова не скажу. Кроме благодарности.

Она полюбила там многих людей, и когда уже появлялась на участках, то от нее не отмахивались (дескать, эти писаки мешают работать), а, наоборот, говорили:

— Напишите о Зое, у нее была свадьба, мы так рады! Пусть муж почитает про нее, погордится молодой женой.

— Вера Семеновна трех ребят обучила, довела до пятого разряда. Она наставница от Бога, молодые ее как мать родную почитают, такая у нее добрая душа. Напишите о ней — пусть все объединение знает.

Делает материал о другой передовичке, которая родила уже шестого ребенка.

— Как с ними справляетесь, вы ведь и на работе в авангарде?

— Самый трудный у всех — первый ребенок. На него уходят все силы. Второй — уже в два раза легче, третий — в три раза легче, а шестой — в шесть раз. Круг замыкается: если на первого вы все работаете, то уже три-пять-шесть ребят обслуживают себя сами. Конечно, финансово это не просто, но все равно выгодно.

Тогда она удивилась этому «раскладу», поскольку считала, что все как раз наоборот — на шестерых надо в шесть раз больше сил. Но дальнейшие события показали, что эта мудрая женщина была абсолютно права.





## КАВАЛЕРЫ

Наверное, не было дня, чтобы ей не назначили свидание. Она не была красавицей, не была модницей, не была обеспеченной девушкой, но парни охотно знакомились с ней и потом с трудом расставались. Тогда это казалось само собой разумеющимся делом, казалось, что у каждой девушки тьма поклонников. Потом она убедилась, что это не так. И возвращаясь мысленно к тем временам, она искала ответ на вопрос «почему у меня были многочисленные кавалеры, а у других не было?» Такие же вопросы она потом часто получала от своих подружек.

Ответ был примерно таким. «У меня было любопытство и уважение к любому человеку. Мне всего побольше хотелось узнать. Я легко знакомясь, не строила из себя «фифу» и на просьбу сказать, как меня зовут, сразу же отвечала. Мне был интересен человек, особенно если у него имелись мозги, своя позиция. Я расспрашивала про жизнь, про учебу, работу, родителей, про то местечко, где человек родился. Могла спорить, отстаивать свое, рассказывать что-то о себе. Но главное, каждый из кавалеров твердо знал, что он для меня не жених, не любовник, не спонсор (употреблю нынешнее слово), а просто человек или даже друг. Знал, что я его не буду раскручивать на рестораны, на подарки, на любые расходы. Даже наоборот, буду сдерживать его, если он при мне захочет купить цветы. Спрошу: «А на что ты будешь завтра обедать?»

Сейчас она понимает, что в ней они видели родню. А с ней кто захочет расставаться? Видимо, именно поэтому даже спустя десятилетия они старались найти ее и общаться. Хотя уже за плечами у каждого были семьи, дети...

Но Наташин жених должен был быть человеком особенным. Обязательно умным, честным, верным жене, так как измен она бы не простила.

## КАК ОНИ ОДЕВАЛИСЬ

Москва — это культурная столица. МГУ — лучший вуз страны. Студенты его — молодежная элита. Девочки здесь большие модницы, парни в то время — пижоны и стилиаги. Но это относилось в основном к тем, кто рожден был в Москве, у кого родители рядом. Будь они академики, писатели или ученые. И даже простые бухгалтеры, машинисты или метростроевцы — все старались сделать жизнь своих детей счастливой. А провинциалы бились сами по себе. Завидовали ли приезжие москвичам? — Разве что только их прописке. Зато провинциалы чувствовали, что их выживаемость сильнее, что они сами самостоятельнее и настроены очень серьезно биться за свои жизненные приоритеты.

А для этого надо было быть внутренне и внешне красивым. О «внутренностях» отдельный разговор, а о внешности... В магазинах не было большого выбора, все хорошее шло «по благу» (нынешние дети даже слова такого не знают — и хорошо!), но главное, не было и денег. Чтобы и выглядеть прилично, и обходиться малыми средствами, Наташа научилась шить. И в числе ее первых главных материальных приобретений были пишущая машинка «Оптима» и швейная — «Веритас». На швейную она «стояла» по записи в очереди почти целый год. Но «Веритас» того стоила, и она до сих верно служит. Подружка надежная. Именно на ней Наташа и шила себе наряды.

Например, покупала обычной дешевой бязи белого цвета, краску для ткани, положим, нежно-голубого цвета, обычные кружева-шитье, нитки. Все это красила в голубой цвет, потом шила модное платье (такие же, что носили столичные модницы), украшала голубыми кружевами, и вот она, симпатичная и тоже модная, все спрашивают: «Откуда это у тебя?!»

По такому принципу были созданы многие ее наряды. Так она развивала свою творческую жилку, умение шить «из ничего» или из старого вытворять себе современную одежду. Это умение и нравилось ей, и очень пригодилось в дальнейшем. И еще была настоящая добавка: у ее мамы был хороший вкус, и когда представлялась такая возможность, она привозила дочке из-за рубежа — Болгарии, Чехословакии, куда ездила по профсоюзной путевке, красивые костюмчики. Их было немного, всего четыре, но они всегда попадали в «десятку».

Когда Наташа приезжала к маме домой и если там встречалась с женой брата, которую одевала ее мать, заведующая рестораном, то даже та удивлялась и спрашивала свою свекровь, откуда, дескать, у Натальи такие фирменные шмотки. Мать все знала, но не раскрывала женских секретов.

Там, дома, Наташа тоже старалась все привести в порядок. Первым делом подметала двор. И хотя его отделяла от улицы глухая калитка, с улицы ничего не было видно, однако соседи утром спрашивали маму: «Наташа приехала?» Мать удивлялась: «Откуда вы знаете? Она ведь еще никуда не выходила!» Ее просвещали: «Мы слышала, что у вас двор метлой подметали. Это она». Верно,

уборка — это ее конек. Иногда даже думала, что ее предполагали сделать уборщицей, но нечаянно получилось, что стала журналистом. Слава Богу за это «повышение по службе»!

## СУДЬБОНОСНОЕ ЗНАКОМСТВО

В один августовский день она возвращалась с работы в общежитие МГУ. Там жила у одной своей московской подружки — Валентины Борисенко, аспирантки философского факультета. Это была (и осталась, конечно) очень симпатичная, обаятельная, веселая девушка, с живым интересом к окружающему миру. Валюша была милым и добрейшей души человеком. Наташа любила с ней общаться, выслушивать ее романтические истории, их было у нее не так уж много, но все — с очень колоритными людьми. Им было приятно это общение, они много обо всем разговаривали, делились девичьими секретами. Валя приютила Наташу в своей уютной комнатке, и вечером здесь собиралась компания друзей — аспирантов, студентов. Бутылка «Фетяски», какая-то скромная еда — кто что принесет. Но чаще всего на столе была простая жареная картошка с луком... И все! Но и это было объединением.

Итак, идя с работы под кров Валентины, в фойе МГУ Наташа увидела огромную очередь за билетами в кассу. Шел французский фильм «Запрещенные игры».

Наташа заняла очередь, оценила ее протяженность и увидела стоявшего у стены в очереди симпатичного молодого человека. Он был в джинсах, рубашке с галстуком, весь такой научный, даже более, чем все остальные питомцы МГУ. Молодой человек пристально смотрел на нее. Поэтому она тоже остановила на нем свой взгляд. А потом ушла «домой» — оставить сумочку, попить чаю. О фильме подумала так: спущусь в фойе — будут билеты — пойду; нет — так нет. Валюши дома еще не было.

Наташа спускается с этажа вниз, узнает, что билеты закончились. Неожиданно подходит тот самый молодой человек и предлагает ей билет. Наташа благодарит, протягивает деньги, но он отказывается. Вместе они поднимаются на балкон кинотеатра. Фильм о любви, девушка внимательно смотрит на экран, спутник — на нее. Весь фильм он просидел в пол-оборота к экрану. Наташе было от этого неуютно, но что поделаешь, за билеты надо с чем-то смириться! Пусть смотрит, если она ему интереснее, чем фильм.

После кино они познакомились. Владимир — аспирант мехмата. Хорошо сложен, немножко восточная внешность, черные волосы и аккуратная бородка. Руки прекрасной формы с длинными пальцами. Но Наташу стало раздражать то, что он обращался к ней сразу на «ты». Чересчур настойчиво приглашал погулять, поехать к нему домой — в знаменитый ДАС — Дом аспиранта и студента на улице Шверника.

Она с осторожностью относится к таким людям — они вступают на ее личную территорию. Но этот парень был другим — не таким, как все ее знакомые. Как будто с другой планеты. С какой? — Совершенно непонятно.

Потом они стали встречаться. О себе он рассказывал мало («Зачем тебе это знать?») — удивлялся ее вопросам), а оценки на происходящие события давал нешаблонные.

Однажды пришел на свидание очень огорченный. После ее настойчивых расспросов сказал, что все у него идет прахом, и он сплошь в неудачах. Наташа была крайне удивлена его пессимизму.

«Ты молод, здоров, красив. У тебя великолепное образование, хорошее здоровье, есть жилье, любимое занятие — на что же ты еще жалуешься? Все в твоих руках — не гневи судьбу!»

(Потом узнала, что в этот день сорвалась его защита кандидатской диссертации.)

Он с надеждой посмотрел на девушку: уже много знал о ней, что и учится, и работает. А живет где попало. И ничего! У нее много друзей и, главное — большие планы и надежды на будущее. Этим она и впоследствии отличалась от него. Где ему «нельзя» (по его оценкам) — ей (по ее оценкам) «можно».

Спустя время они поняли, что каждый из них серьезный человек. И стали бережнее относиться друг к другу. Он приглашал ее в свою маленькую аспирантскую квартиру — немного по-холостяцки запущенную. И первым делом старался ее накормить. Джентльменский его набор — шампанское и жареная картошка с луком. Все было так незамысловато, но Володя все-таки притягивал ее к себе какой-то необычной харизмой.

## ОТЛИЧНИК — ЭТО ДИАГНОЗ

Весь его письменный стол был завален рукописями. Он уже написал кандидатскую и готовился к докторской. Наука — теоретическая механика — была его и страстью, и любовью. Часами, сутками он «высиживал» свои новые открытия. Был «любимчиком» ректора МГУ академика Петровского и, будучи студентом получал Ленинскую стипендию. Университет окончил с красным дипломом, а школу перед этим — с золотой медалью. Словом, отличник во всем. В дальнейшем она поняла, что отличник — это серьезный диагноз. Они могут жить только в четко организованном, правильном обществе, где все расписано от «А» до «Я». Тогда, выучив свод этих правил, они на коне. А когда жизнь «без правил»? — Это, считай, уже крах. Они плохо ориентируются в хаосе, каким часто и является наше существование; они не могут там пробить свои ориентиры. Потом она всегда побаивалась «отличников» и не хотела, чтобы ими оказались ее будущие дети (как хотела, так и случилось).

Этот молодой человек был совсем иной, чем студенты-журналисты, философы и другие ее кавалеры — балагуры, трепачи, в которых все бурлит и ничего еще не устоялось.

Он был старше, и чувствовалось, что одинок. Она его ни разу не видела ни с друзьями, ни с подругами. Замкнутый, задумчивый, весь в науке.

Она убеждалась, что он прекрасно образован, знает литературу, музыку, — но, к ее большому сожалению, дурно воспитан. Его «хочу» — это самое главное. Он мог грубо тянуть ее к себе домой, а когда она не соглашалась — бросить ее поздним вечером посреди улицы и уйти. Без «прости», без «до свидания».

На следующий день мог как ни в чем не бывало звонить ей на работу и снова звать куда-то — в кино, например.

В начале их знакомства Володя сказал:

— Учти, я не строю матримониальных планов.

— Я тоже, — спокойно ответила она.

Хотя, скорее всего, это была неправда. Наташе уже было двадцать четыре года, и надо было всерьез задумываться о семье.

Но жених ее должен был быть человеком особенным. Обязательно умным, честным, верным, так как измены она бы не простила. Кстати, на тему измен она однажды, еще прежде этих событий, завела разговор со своими мужчинами-сослуживцами.

«Скажите, ребята, только честно-честно, сколько процентов мужей изменяют своим женам?»

Они задумались и отвечали, что совсем мало. Это, мол, редкость. Она настаивала на честном ответе. («Не о себе говорите, о других», — просила их.) В конце концов при взаимном подсчете выходило, что не больше пяти процентов. С этой цифрой Наташа еще как-то могла примириться. Однако потом, когда

узнала жизненные реалии, поняла: как же те люди ее жалели! Чувствуя, что ответ на этот вопрос для нее очень и очень важен, просто пощадили. Сотворили «святую ложь» во благо будущей семьи.



## ТАМАРА И ЕЕ МАМА

В редакции вместе с Наташей работала красивейшая женщина — Тамара Опарина — просто звезда итальянского кинематографа. Чистая смуглая кожа, миндалевидные черные глаза, густые соболиные брови, аккуратный правильной формы нос, крупные четко очерченные губы и гладко зачесанные волосы открывали миру всю ее женскую красоту. Увидев ее впервые, Наталья чуть не потеряла дар речи. Тамара была в возрасте, но не имела ни мужа, ни детей. Жила она со своей матерью душа в душу. Мать не давала женихам «развернуться» вокруг любимой доченьки.

Причина всегда находилась. У одного не то образование; у другого — внешность не та; у третьего — разведенного — остался сын. Даже на молодежные вечеринки мама ходила вместе с дочкой. Постепенно Тамару перестали звать на эти посиделки. Кому нужна «пионервожатая» мама?!

Тамаре перевалило за пятьдесят, и ее мама тяжело заболела. Дочка смиренно и безотказно ухаживала, выкладываясь полностью ради матери. Но больная медленно угасала. Тамара сказала своим коллегам по работе: «Если мама умрет, я умру тоже. Не смогу без нее жить — нет смысла».

Все ей поверили и с большим волнением ожидали и опасались кончины. Мать умерла. Все, что положено, дочка сделала. После похорон пришла на работу. Коллеги, словно виноватые в случившемся, молчали. Потом разом заговорили: «Тома, крепись, будь мужественной...»

Тамара разделась, села за свой стол и вдруг жестко сказала:

— Я все поняла, дорогие мои, что я теперь свою мать... ненавижу!

— Тома, что ты говоришь, одумайся! — закричали редакционные.

— Я одумалась. Она мою жизнь швырнула на свои прихоти. Ее я лелеяла все эти годы. Дружила только с теми, с кем она хотела. Я заботилась о ней в больнице, ее по-человечески оплакала и похоронила. А кто это сделает для меня? Кому я теперь — и в будущем буду нужна?

...Тамара словно вперед предвидела свою судьбу. Ее разбил паралич, она 15 лет лежала одна в своей крошечной, заваленной старыми газетами квартире. Годами не выходила на свежий воздух, даже когда встала на костыли. Жила только милосердием и состраданием соседей и своих бывших сослуживцев.

Иногда Наташа навещала ее (жалко, что редко, но она жила так далеко от нее!), видела всю жуть и безнадегу в жизни этой прекрасной женщины. Предлагала (и очень настойчиво) отвезти ее летом на природу, на дачу. Но Тамара постоянно отказывалась. «Боюсь, ограбят квартиру». А что там грабить? — Одно старье! Но как же оно ей было дорого!

«Да, — думала Наталья, — родители тоже могут «заесть» своих детей. Хуже врагов высосут из них все жизненные соки».

При очередном посещении Тамара рассказала Наташе такую мистическую историю.

— Сплю ночью, слышу, дверь открывается, думаю, кто же это идет? У кого есть ключ от моей квартиры? Ночь же! Слышу, этот некто проходит на кухню, льется вода в чайник, включается газовая плита. Поднимаюсь и еле-еле плетусь с костылем на кухню. И вижу... маму! В том же платье, в каком похоронили, и по возрасту такая же...

— Мама, как ты здесь?! — спрашиваю ее.

— Так по тебе соскучилась! Отпросилась на пару часов. Зашла в дом, и так мне чаю захотелось с конфетами! Мы же там его не пьем.

— Мама, как там? Скоро я туда попаду?

— Тебе, дочка, еще потерпеть надо. Три годика. Уж как я там тебя жду! Жду и еще ждать придется. О тебе все знаю. Аня (недавно умершая тетка Тамары) мне все рассказала. Мы там с ней вместе живем. Много могла бы и я рассказать тебе, но нельзя. Не должны вы этого знать — до своего срока.

Посидели мы с ней, чаю с карамелькой она попила да к рассвету и исчезла. Загляделась я на часы, а потом раз — и нет ее!

Пошла я спать. А под утро проснулась, думаю, какой-то явный сон, встала, трогаю чайник, а он еще теплый. И конфет меньше стало.

...Как и предсказывала мать, Тамара ушла к ней через три года. Теперь Наташа молится за ее чистую, добрую, но такую одинокую душу. А кто еще за нее помолится? — Неизвестно.

Спустя много лет похожую историю Наташе рассказала ее знакомая, верующая и очень любившая свою мать, которая к тому моменту уже умерла. Эта женщина все положенное время читала по маме Псалтирь, заказывала панихиды. Однажды на Литургии чувствует, что рядом с ней стоит... ее мама! Она скосила глаза вправо, и точно: стоит рядом, но не молится. Отвела взгляд, чтобы прогнать наваждение, потом вернула его на то место. Мама по-прежнему стоит. Женщина думает: «Все, я с ума сошла. Дай-ка я ее проверю». И, обращаясь к матери, шепотом говорит: «Мам, а ты чего не молишься?» Мать быстро сложила крестообразно на груди руки, как это делают причастники, и отвечает: «Нам нельзя, дочка. Теперь только вы можете за нас помолиться».

Так и простояла всю службу. Когда верующие люди пошли приложиться к кресту, мать исчезла. Знакомая женщина потом долго была под сильным впечатлением, но все переживала, что же это она не расспросила мать, как ей ТАМ «живется»? Что они делают? И вообще ГДЕ она? Но и сама себя успокаивала, как это, мол, на службе, когда рядом люди, она будет беседовать «неизвестно с кем». Другие ведь ее маму не видят! Что окружающие подумают? Да и не факт, что мать ответит на ее вопросы. Им же не все позволено...

## ТРАГЕДИЯ НА ДОРОГЕ

Эта новость ошеломила Наталью, потому что произошла с людьми, которых она знала и в ее родных местах. Причина трагедии была такой глупой, что становилось страшно от нашего родного идиотизма.

...Шел 1982 год. Жаркое лето. Горожа

не выращивали овощи и везли их в соседний Смоленск на продажу. Автобусы ходили редко, свои авто были на перечет, поэтому борьба за билеты на автобус была нешуточной. И вот две Наташины землячки — Валя со своей сестрой — молоденькие и хорошенькие, в одинаковых ситцевых сарафанах уже в Смоленске. Слава Богу, добрались! Заранее купили билеты на обратный путь и, быстро продав свой товар — симпатичные и вкусные огурчики, побежали в соседний универмаг поглазеть на то, что там продают, и очень удачно купили себе по циновочке. Тогда это было новинкой.

Довольные покупкой, они побежали к автобусу, тот готовился к отправке, уже будучи сильно переполненным. Сестры кричали водителю, что у них есть билеты, чтоб он высадил безбилетных и взял их, законных. Но толпа, забившая автобус, стояла монолитом, даже не думая допускать в свои ряды этих, в сарафанах и с циновками... Девушки молили, кого могли, лишь бы им оказаться в салоне автобуса..

Наконец сердобольные земляки, которые стояли возле автобуса и которым уже явно не светило уехать этим рейсом, неким чудом зачихнули, буквально утрамбовали сестер в автобус. Он еле-еле тронулся, на прощание махнув оставшимся на воле хвостом Валиного сарафана, который защемило дверями, и он яркими ромашками нахально взирал на проплывающую мимо улицу. «Счастливые!» — завистливыми глазами провожали их не уехавшие земляки. Им предстояло три часа ожидать следующего рейса.

Однако счастье Вали с сестрой было недолгим. На выезде из города автобус тормознул внимательный гаишник, увидевший ромашки Валиного сарафана, торчавшие из дверей автобуса. Он приказал водителю сейчас же разгрузить транспорт. Водитель и готов был бы повиниться, но никто не отделялся от сплоченной массы тел, застывших в автобусе. Никто не реагировал на увещательные слова, словно они были произнесены на иностранном языке... Тогда все накинулись на Валию с сестрой, как на причину нечаянного препятствия в деле возвращения домой. Все стали грубо требовать, чтобы именно они покинули автобус. Сестры вышли в слезах, с билетами в руках, прижимая к себе циновки и ощущая себя несправедливо обиженными. Консенсус между гаишником и шофером автобуса был кое-как найден, плачущие девушки остались на обочине, а автобус подло мигнул им прощальными огнями.

И огни эти были воистину прощальными. Последующие события люди рассказывают по-разному, но в целом картина совпадает. Кто-то из мужиков,

стоящих возле водителя, закурил. Все на него заорали, а водитель стал требовать с набившихся в салон людей или билеты, или деньги за проезд. Тот, курящий, по своей обычной привычке, бросил не загашенную папиросу вниз, как бы на землю. (Обратите внимание, что многие люди именно так поступают с бычком. Отсюда — пожары в подъездах, на балконах и в лесах.)

Но тут был особенный случай. У автобуса не работал бензонасос, и шофер возил рядом с собой в ведре бензин, чтобы в нужный момент доливать. Бычок падает в это ведро, вверх поднимается пламя огня, шофер пытается затормозить, ведро опрокидывается, и весь автобус охватывает пожар. Людям не двинуться, двери заклинило, но кто-то разбивает окно, выпрыгивает и даже спасает других.

## НАШ ГЕРОЙ — КАРАНДАШ

В числе спасателей оказался и физрук из Наташиной школы — Алексей Иосифович Алексеев... по прозвищу Карандаш. Над ним они постоянно шутили, мало слушались. Да и какой он учитель физкультуры, если сам маленький, кругленький, на коротких ножках?! Не физрук, а Винни-Пух. И вот этот Винни-Пух — Карандаш достаточно удачно сидел в «приговоренном» автобусе — у окна. Когда возник пожар, он быстро сориентировался. Ему удалось разбить стеклянную преграду и выскочить из автобуса, невзирая на плотность тела и короткие ножки.

Но! Он тут же стал спасать других людей — вытаскивал через окно, расщеплял как мог дверь и тащил уже оттуда. Пламя захватило всю машину, жар стоял чудовищный, а он, как Геракл не моготорваться от своего главного дела.

...А вот что в тот день случилось с журналистом и фотокоррпом местной газеты «Путь Ильича» Юрием Ивановичем Борисенко. Он был в том злополучном автобусе!

В числе первых он зашел в него и сел у окна согласно купленному билету. Автобус уже бодро набивался людьми и готовился вот-вот отправиться в свой последний трагический путь. Но тут как раз мимо окон проходил знакомый нашего пассажира. Юрий его не увидел. А вот тот узрел журналиста и стал кричать, чтоб Юра вышел из автобуса, дескать, есть разговор... Юрий долго отнекивался, объясняя, что надо домой, да уже и не выбраться из салона — все забито людьми, но знакомец упорно, не допуская возражений, настаивал.

Юрию ничего не оставалось делать, как, терпя недовольство окружающих, пробраться к выходу. Автобус ушел без него. Потом оказалось, что ничего существенного знакомец не рассказал, так, ерунда, но спешить уже было некуда, они зашли в ближайшую кафешку и с удовольствием выпили пива. Когда они пили пиво, то оба еще не знали, что среди них один был в роли Ангела-хранителя, а второй — им счастливо спасенный.

Физрук спас девять человек, но его тело сильно обгорело, лекарств не хватало... Кто был готов к такой трагедии?

Не стало Карандаша. Герой погиб. Казалось бы, все — выскочил из пламени, спасся! Но ведь вернулся же, долг настоящего человека велел ему помочь другим людям, вырвать их из рук страшной смерти!

Наташа часто его вспоминает, особенно когда проезжает по мосту, где все это и случилось. И дивится тому, как судьба распоряжается человеком. Вроде ничего примечательного: средний учитель, средний семьянин, хроника его жизни не была яркой и героической. И вот — раз тебе! Истинный герой!

Но спасенных была капля в море. В основном все погибли, заживо сгорели. Это был черный день в жизни их провинциального города. Всего один бычок — и столько погибших, слез, незалеченных ран! Столько было горя, похорон, такие неожиданные потери — это помнят до сих пор!

Земляки, вернувшись из Смоленска в помраченный бедой город, рассказали и мужу Валентины, и родителям сестер, что те тоже сгорели в этом аду. Ведь оставшиеся на платформе видели, как девушек впихнули в автобус,

видели из уходящего транспорта хвост Валиного сарафана. Что было с молодым мужем, который так любил свою Валечку, что было с их родителями — не передать словами! Нет таких слов, чтобы они отразили их безутешное горе. Да и не надо, а то они просто разорвут наше сердце. Скажем скромно, но точно: все люди были потрясены и безутешны.

И как же повезло Валиным родственникам и мужу, когда они узнали, что гаишник, ставший их Ангелом-спасителем, высадил сестер из автобуса! Как же они благодарили Бога за такой Его Великий Промысел! И за такой щедрый подарок!

В Демидове родню Юрия Ивановича поджидала такая же жуткая информация, как и Валиных родственников. А потом, когда он и Валя с сестрой явились живые и невредимые, родня не поверила своим глазам, и их великолепное, прямо Божественное явление избавило эти семьи и близких от большого горя.

Разве стал бы Ангел-Хранитель спасать недобрых людей?! Так что за все мы должны благодарить Бога и предавать себя Его воле, смотришь, и помилует нас, грешных...

## НЕВЕСТА ЛИ Я?

Года два Наташа встречалась с Володей. У них не было так называемого ныне развитого «гражданского брака». Типа — встретились два гражданина и стали жить вместе. А потом встретились с другими гражданами и тоже стали жить вместе. Семья — это все-таки РОДНЯ! Это выбор того, кто пополнит эту родню, не ухудшит ее состав, не предаст, не будет сидеть на шее и понукать остальных, а по мере сил, способностей станет ядром общества, частью народа, не зря ведь это слово и имеет в корне «род». Народ состоит из родов. А роды — из родни. И коренной, и новой. Как свежая кровь.

Мало-помалу, но Володя заговорил о женитьбе. Он к Наталье уже привязался, привык, других девушек у него не было. Однолюб и предан своему делу. Разве это не может быть основанием, чтобы выбрать его в женихи?

— Знаешь, я люблю тебя, но это же такой дурной тон жениться на журналистке!!! Они ведь все распушенные, циничные, публичные «существа»!

— Ну, во-первых, не все. Разве ты всех знаешь? А во-вторых, не женись, никто не неволит.

— А хочется.

— Тогда женись. На ком, кстати?

— Как на ком? На тебе.

— А чего же ты меня не спросишь, хочу ли я выйти замуж за тебя?

— А что — не хочешь?

— Должна подумать.

— Ну, подумай.

Как-то вечером Наташа решила — возьму и без приглашения (понимала, что дурной тон) заеду к нему домой. Будет дома и один — соглашаюсь выйти, нет — вопрос тоже решен.

Звонит в дверь. Володя открывает. Видит ее — и такое счастье на лице, словно солнце пожаловало в его хмурую зиму.

Ее трогало и такое неожиданное обстоятельство: после их свиданий она часто находила в своей сумочке лишнюю десятку — тогда это были немалые деньги. Например, можно было очень хорошо пообедать в столовой на рубль. А десятка на двоих в ресторане — уже круто! Когда он успевал ей подсунуть, если они все время были «на людях»? Честно сказать, на нее этот «подкуп» действовал.

И еще. Тех ребят, которых она видела вокруг себя, друзей-поклонников, все-таки нельзя было рассматривать как женихов. Еще много ветра в голове, еще очень молоды. Да и их интересы были примитивны — пиво, футбол, московская прописка, квартира, машина, девушки, заграница. И что ей с таким делать, если жизнь их свяжет в браке?

Володя был строго нацелен на науку, даже не на получение всяких там привилегий и благ. Нет, дайте ему только сочинять свои формулы, копаться в непознанном, не отрывайте от ДЕЛА!

С Володей невозможно было разговаривать, вести житейский диалог. Ему

это было скучно, непривычно, даже жалко тратить время на праздные беседы. Общение было односложным.

Первый их конфликт случился накануне свадьбы.

Одно время она встречалась с человеком, который был военным, разведен, имел дочь и не торопился жениться. Это он сидел напротив нее с девушкой в электричке, это к нему в квартиру приходила бывшая подружка, когда они там пили чай...

Расставание было для нее не трагическим, наоборот, она как-то воспрянула духом. И вот теперь, когда он узнал, что Наташа выходит замуж, очень огорчился. Стал упрашивать ее подругу Свету устроить им до свадьбы встречу — в надежде расстроить намечающееся бракосочетание и предложить наконец-то свою руку и сердце.

По молодой опрометчивости подруга, приехав к ним договариваться о своих обязанностях свидетельницы на свадьбе, темпераментно все это рассказала не только Наташе, но и Володе. И про то, как сильно Наташу кто-то там любит, и про то, как ей с ним обязательно надо встретиться. В ее рассказе подразумевалось, что, дескать, еще не факт, что ваша свадьба состоится.

Света просила подругу прийти на встречу с тем кавалером, «а то он убьет себя». Нет бы Наташе сказать: «Ну и пусть убивает», а она по наивности согласилась на встречу. Это все не прибавило радости Володе, и с этого момента он стал считать верную Наташину подругу Свету в своем доме «персоной нон гранта». А Наташа на ту встречу так и не пошла. Правильно сделала, но чего тогда болтать лишнее? Цену себе набивать, вот, мол, из-за нее там где-то кто-то горько страдает. Страдал бы в свое время, а не сейчас! Словом, дурочки с переулочка.



## СВАДЬБА

...Свадьбу им назначили на 20 августа. Тогда они еще не знали, что в строгий Успенский пост ни в коем случае не следует жениться. Но никто этого Наташе не сказал.

До этого события они крупно поссорились. Причина дурацкая, но вполне закономерная. Невеста хотела, чтобы купили Володе новый костюм. Денег, правда, на это не было, но можно бы занять у сослуживцев — они бы обязательно дали. Однако Володя был категорически против: и денег нет, и новый костюм на свадьбу не нужен. Наташа доказывала, что можно покупать не черный, а серый, который в дальнейшем будет нужен для работы. Настаивала до слез, до ультиматума, он тоже был категоричен, стоял на своем. Пришлось невесте смириться.

Дочь пригласила на свадьбу свою маму, та пообещала привезти свадебное платье, так как денег на его покупку у молодых действительно не было.

Мама приехала утром в день свадьбы, привезла в подарок ковер и чье-то свадебное платье из белого гипюра. Оно оказалось дочери в талии великовато. Стали ушивать его, всего за два часа до регистрации. (И чужое платье нельзя надевать на свадьбу.) Мама впервые познакомилась со своим будущим зятем. Ей понравилось, что он ученый, солидный человек, вот-вот кандидат наук, что теперь у дочери наконец-то появится жилье. То есть пристроила дочку.

Утром заказали такси. Долго ждали, но не дождались запаздывающую свидетельницу — подружку Свету. Уехали без нее и ее фотоаппарата. А водителем такси оказалась молодая женщина. Был страшный ливень, машина, как катер, пролетала по улицам, заполненным до середины колес водой.

Расписали их в военном городке, в котором она была удивительным образом прописана. Молодые привезли с собой шампанское, налили себе и теткам из загса, но те, едва пригубив, остальное выплеснули за окно. Дескать, нельзя пить на работе. Невесте почему-то было обидно. Свидетелем вынужденно стала женщина-таксистка, которая и привезла их сюда.

Друзей Наташи муж не хотел приглашать на свадьбу, потому что он терпеть не мог «всякие пьянки». Она и не настаивала — не было денег, а за скромный стол чего звать?

Вечером они вшестером (мама, брат-студент Виктор, приехавшая Света и родственница Анжела) отпраздновали свадьбу в ресторане «Прага». Наташа уже была не в чужом, а в своем красивом, но не белом наряде.

Нагуляли они аж на целых 50 рублей! Официанта долго не было, так как их стол не шикавал, не заказывал устрицы и коньяки, и он потерял к ним всякий интерес. Подходил редко, так что, получив счет и положив деньги под тарелку, они ушли. Заметив их отсутствие, официант кубарем скатился вслед по большой лестнице: «Ой, что же вы уходите?! Вы забыли цветы!»

Невеста вернулась за цветами, показала ему деньги под тарелкой. Вот такая была у них свадьба.

## ПРИЕЗД СВЕКРОВИ

Через два дня должна была приехать мама мужа (отца его уже не было в живых), и Наташа настроилась сделать в квартире генеральную уборку. Отпросилась на работе и, встав рано утром, решила вымыть огромные — во всю стену — два окна. Их не мыли с самого рождения, то есть лет пять — не меньше. Они были все в пыли, поскольку выходили на Загородное шоссе с его большим потоком машин. Через стекло невозможно было различить даже состояние погоды.

Попросила мужа распечатать окна, а он так зло ей в ответ:

— Не делай этого! Не смей к ним прикасаться!

— Почему? Такая на них грязь! Открой, через час они будут чистыми.

— Не смей их мыть — так я сказал!

— Почему?

Не отвечает. Снова просит, даже требует не трогать окна, жена настаивает на своем, и они крупно ссорятся. Хлопнув дверью, Володя уходит на работу.

Наташа берется сама за отвертку, за масло — и, сдирая ногти, кожу руки, еле-еле справляется с засохшими винтами и раскрывает створки.

Окна через пару часов радостно засверкали, скатерть красивая появилась на столе, а на ней — полевые цветы в прозрачной вазе, фрукты, шампанское «брют». На плите... Плов варится, картошка парится, мясо жарится...

Заходит свекровь. Муж ее уже встретил на вокзале.

«Боже, какой порядок! Наконец-то у тебя появилась жена! Причем сразу видно, что хорошая!» — Еще не увидев Наташу, воскликнула Анна Ивановна. Они знакомятся. Свекровь приятная, с копной густых рыжеватых, коротко постриженных волос, глаза серые, добрые, на правильном лице задорные веснушки. Вся такая живая, обаятельная, словоохотливая. Вручает свои подарки, они усаживаются за стол...

Володя сидит между ними и сияет от счастья. Ему нравится, что жена понравилась маме; ему нравится, что ей нравится чистота, тот же блеск окон, из-за которых они разругались утром. Но почему он так упорствовал, не признавал очевидного? — Наташа этого не понимает...

Невестка со свекровью сразу же подружились, могли говорить часами, старшая учила младшую чему-то по хозяйству (к чему привык ее сын), рассказывала о своей семье. Муж ее был руководителем предприятий, крупным работником парторганов. Семья не бедствовала, много колесила по стране: мужа часто переводили с места на место. Сыновей в семье было четверо, их обожали, никогда не приучали к домашнему труду. В доме за порядком следила помощница, да и бабушка была еще в силах. Анна Ивановна всегда хотела дочку, но рождались одни сыновья. Радовалась, что в их семье появилась Наташа — как замещение дочери.

Володя достал билеты в Большой театр. Жена надевает длинное шелковое платье — единственное торжественное, самой сшитое.

«Ты сегодня не надевай длинное платье, у меня же нет такого», — просит Анна Ивановна.

Пришлось послушаться. И все-таки свекровь тоже была оригинальной.  
Побыла она с недельку и уехала. У Наташи о ней остались очень хорошие  
впечатления.

## ПУТЕШЕСТВИЕ НА МОРЕ

Летом они с Володей решили поехать на море и пожить там в палатке. Взяли с собой спальные мешки, не забыли чемодан с нарядами, в которых жена будет прогуливаться по набережным Ялты, Гурзуфа. Меньше всего они ожидали, что на пляжах ночевать нельзя — с этим боролись пограничники, и вся прибрежная земля была поделена между санаториями. Все было настолько серьезно, что для палатки даже 5–6 кв. м невозможно было найти. Но молодожены пока об этом не знали.

Первый вечер они провели в тщетных поисках этого клочка земли для палатки. Темнота надвинулась так быстро, что им ничего не оставалось, как забыть пока о палатке и укладываться спать в своих мешках под первым же раскидистым деревом. Утром обнаружилось, что они спали чуть ли не в центре какого-то курортного городка. Целый день они двигались вдоль побережья, надеясь, что вот-вот... Следующую ночь примутим дал Никитский ботанический сад. Только они уснули, как слышались чьи-то тяжелые шаги, и свет фонарика стал шарить по их спальным мешкам. (Палатку опять не ставили.) Встречно им нечем было осветить неожиданного пришельца, жена от страха забила вглубь мешка, а Володя высунулся из него и смотрел на свет фонаря, не видя, естественно, его владельца. Он крепко и демонстративно сжимал в руке внушительный топорик. Пришелец ретировался. Кто это был — осталось неизвестным.

Третью ночь провели на небольшом по площади, но очень высоком мысе. На самом краешке приладили свою палатку, вбивая колышки уже в отвесную стену, разожгли костерок для приготовления пищи и, искупавшись, завалились спать. Но покой нарушил грубый мужской голос, требовавший отдать им... женщину. Володя тоже грубо им что-то нелicenseприятное ответил. Они ему — еще грубее. И стали придвигаться к палатке. Но фигурация мыса давала преимущества путешественникам.

От большой земли до мыса был узенький перешеек. По нему можно было двигаться только поодиночке. И к перешейку уже вышел вооруженный топором Володя. Завяжись какая-то схватка, он мог бы по одному оглушать жаждущих женских утех неприятелей и спихивать их с большой высоты на прибрежные камни. В момент перепалки к берегу причалила береговая охрана. Милиционеры поднялись на этот мыс, проверили у молодоженов паспорта, университетские документы и предупредили о том, что тут много опасной хулиганствующей шантрапы и что ночевать здесь не положено. В эту ночь, ладно, оставайтесь здесь, а завтра уже нельзя.

С утра они снова в походе. Еле успевают искупаться, на загар уже нет времени — надо искать настоящее пристанище. И снова не находят, ночуют в своих мешках прямо на пляже. Утром просыпаются от того, что вода уже лижет их спальные мешки, а приبلудившаяся кошка мяукает прямо в лицо, требуя еды и ласки. Когда глянули на отвесный верх земли над ними, удивились, как это местная шантрапа не прибила их: ей достаточно было скинуть сверху камни на эти непутевые спящие головы.

Наконец-то справедливость восторжествовала: они нашли неплохое местечко возле какого-то санатория. Поставили палатку, даже поели горячей еды в местной столовой. Подумали: «Ну заживем!», но рано радовались. В первую же ночь начался такой страшный ливень с грозой, молнией и шквалистым ветром, что они могли только молить Бога, чтобы оставил их в живых. Палатку поднимало в воздух, мотало в разные стороны, заливало водой... Казалось, что вот он, конец света. Что в мире все уже снесено, унесено, смыто волной, и только они тут упрямо борются со стихией. Это длилось целых три дня! Эта стихия так вымотала их, что уже некуда было деваться — ни плавать, ни гулять, ни разговаривать — не было сил. Потому и надежды на выживание было мало. Казалось, что судьба их не на шутку испытывает. Они уже мечтали о возвращении в Москву. «Не нужен нам берег турецкий, чужая земля не нужна».

Ан нет. Надо еще терпеть. Володя простудился, и достаточно сильно. Он горел жаром, кашель выворачивал его наружу. А дождь все лил и лил. Лекарств не было, тепла тоже, как и сухой одежды. Так прошло несколько дней. Простуда чуть уменьшилась, но не прекратилась совсем.

Они решили двигаться в сторону дома. Когда разбирали палатку, увидели, что ее от полного сноса удерживало только одно крепкое дерево, к которому веревкой примотал нашу палатку Володя. Наташа поблагодарила это дерево за их спасение. Конечно, не его надо было благодарить, но так было на деле.

Как всегда в то время, с билетами было тяжело — просто не достать. Только благодаря молитвам Господь их услышал, и какие-то украинцы продали им свои билеты — у них изменились семейные обстоятельства. Дома, в Москве, Володя болел еще недели две. Вот такой был у них медовый месяц.

## КАЗУСЫ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Когда они поженились, то многие сотрудницы мехмата МГУ прибегали в ДАС (Дом аспиранта и студента МГУ) посмотреть на Володину жену: кого это он там выбрал вместо нас? Перспективный жених, выгодная партия. Ему в то время было тридцать три года. У него было много достоинств — он не пил из спиртного ничего, кроме шампанского — и то нечасто. Это большой плюс для семьи. Он не курил — тоже очень хорошо, он не «бегал по бабам» — для Натальи это было решающим фактором. Он всегда был занят делом — всегда в формулах и в книгах, журналах. За это она его тоже очень уважала. То есть против многих-многих мужчин он на самом деле был завидный муж, а до того жених. Теоретически они с ним были хорошей парой, так как то, что не делал он, не делала и Наташа.

Но практически... Она его не понимала, не знала. Для жены, тем более журналистки — это было плохо. Она никогда не знала, что он сделает в следующую минуту. Что-то надо купить, идут вместе, он говорит: «В этом магазине ничего покупать не надо. Я однажды купил здесь лампочку — она быстро перегорела». По таким же причинам в эту парикмахерскую не ходи, в это ателье — ни в коем случае!» Если встречался глухонемой человек — «давай поворачивать домой — дороги не будет». Если жена здоровалась с соседями, то «зачем ты это делаешь? Зачем с ними якшаешься? Ты о чем-то с ними говорила?» Даже когда она здоровалась утром с уборщицей подъезда, то снова: «Кто она такая? Зачем ты с ней здороваешься?»

Если заходит соседка за какой-то надобностью, то: «Не пускай ее в дом! Да не давай ей ничего! А то повадятся, будет приходить!» Если утром в квартире раздастся звонок, то: «Не открывай! Все равно ничего хорошего не услышишь! И вообще я до полудня никому не открываю!»

Самое трудное для Наташи — молчание мужа. С ним не удавалось поговорить по душам, рассказать о чем-то своем, послушать, что заботит его. Он к этому не привык. Вечерами он сидел за письменным столом и писал свои немислимые формулы.

В его духе были и такие ситуации: приходит с работы.

— Как дела? Обедать? — спрашивает жена.

— Да.

— А это что? — Из кармана пиджака торчит лента чеков.

— Ах, я забыл поесть!

Что это значит? — Он в обеденный перерыв пришел в профессорскую столовую, выбил в кассе чеки, но за стол не сел, заказанные блюда не взял, так как решил, что уже пообедал.

Жили очень скромно.. Пятачок, который положили под ножку платяного шкафа, чтобы он не шатался, с десятков раз оттуда доставали. Проезд на метро (тогда это удовольствие стоило 5 копеек) до работы таким образом обеспечен, а там можно занять у коллег немного денег (3 или 5 рублей).

Наташа могла рассчитывать только на средства, заработанные своим трудом. Денег у мужа никогда не было. Она долго не знала, почему, но потом

добрая душа — его золовка — ей тайно рассказала, что в тюрьме сидит его брат, и Володя помогает ему. Брат сидел за то, что в молодости они с компанией таких же шалопаев угнали чью-то машину, «чтобы покататься с девочками». Всем дали приличный срок. Муж об этом ни слова. И вот теперь он нанимает адвокатов, платит им, шлет посылки брату. Помогает матери, бабушке и младшему брату, которые при отце привыкли к обеспеченной жизни, а когда тот рано умер от инфаркта, то стали нуждаться.

Этот брат (что сидел в тюрьме) не раз перечеркивал карьеру мужа. Будучи аспирантом, Володя участвовал в крупном международном научном конкурсе, и его работа выиграла приз. Да еще какой! Кругосветное путешествие с другими учеными из разных стран. Радость? — Еще какая! Но не для Володи. Ему не хотелось рассекречивать такой факт из семейной биографии, и он постоянно отказывался от участия во всех международных конференциях. Хотя уже считался хорошим ученым и его именем был даже назван один из тензоров. (Тензоры и спиноры — его тема в механике и математике.)

Как-то раз Наташа смотрела общее фото научных работников, сделанное мужем на Ленинградском научном симпозиуме. Многих она там знала, но не всех.

— А это кто? — спрашивает.

— Галя Шаповалова.

— Такая молодая! Сколько ей лет?

— Не знаю.

— Но вы же вместе работаете!

— Сейчас подсчитаю. Лет в 20 она родила. У нее двое детей, она рассказывала, 18-ти и 7-ми лет. Значит, ей примерно 45.

— Ты что, так считаешь? — ужаснулась жена.

— Ну как же: 18 и 7 — это двадцать пять, да родила в 20, но не может же она в 15 лет родить!

Наташа с неподдельным ужасом смотрела на него, но он искренне не понимал ее изумления.

— Вова, тогда твоей маме 120 лет, если сложить к ее 20 годам возраст всех четырех ее сыновей! Понимаешь?!

Рассказала этот случай друзьям на каком-то семейном празднике. Один из его коллег говорит:

— А ты зря над ним смеешься. Вот тебе известная история. У Исаака Ньютона была кошка с котенком. Они часто скреблись в дверь, и ему надоело вскакивать и открывать им дверь. Тогда он взял и пропилил в двери две дырки: одну большую для кошки и рядом поменьше — для котенка. Так они и заходили рядышком — красивой парой.

## СЕМЕЙНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ

Жену удручало, что он терпеть не мог, когда она убирала квартиру — вне зависимости оттого, при нем или без него. А она терпеть не могла беспорядка. На этой почве были постоянные ссоры:

— Не убирай! (На полу лежит полно нарезанной полосками бумаги.)

— Как же не убирать — мы утонем в мусоре! — возмущалась она.

— Все равно не убирай!

Ну хоть бы какое объяснение, почему?!?! Потом она предположила, что он — как будущий профессор или даже академик — хочет иметь такую важную жену-профессоршу с накрашенными ногтями и губами, но никак не со шваброй и тряпкой в руках. Или — другая версия — может быть, в квартире академиков он видел полный бедлам и считал, что это — признак большой учености, как и небрежная одежда. В научных кругах тогда было принято ходить абы в чем. Чем страшнее — тем лучше, то есть тем ты гениальнее. Гении. Они не могли быть (и не должны быть) ухоженными. Разные башмаки, пальто без пуговиц, сломанный зонт, затертый портфель — это были самые «модные» научные доспехи.

Когда жена чистила и наглаживала его единственный костюм, он ее люто ненавидел, как мещанку, и ей приходилось это делать ночью, когда он спит. Утром — знала — будет скандал, но все-таки он не успеет все это специально загрязнить и в университете будет выглядеть по-человечески. Бывало, она чистила ему один ботинок, второй оставляла грязным — для сравнения. Вместо того чтобы утром грязный самому привести в порядок, он чистый опускал в лужу для «исправления» его внешнего вида.

Его непонятность проявлялась во всем. Однажды, например, надо было вставить кассету в фотоаппарат (в те времена это делалось в темноте). Наташа пошла в ванную, он выключил свет и запер снаружи дверь. Через три минуты она кричит:

— Все! Выпусти меня!

Никакой реакции. Стучит в дверь, кричит — муж не открывает. Только минут через десять открыл.

— Что случилось? Почему не открывал?

— Я не слышал.

Видит, кассета не так вставлена, сам идет в ванную. Жена его запирает, свет выключает. Через пару минут оттуда стук:

— Открой!

Надеюсь, что вы уже и так представляете, что она не открывает! Проверяет слышимость — она отличная.

— Открой! Открой! — кричит он.

Все слышно. Минуты через две открывает. Бешеный взгляд:

— Почему не открывала?

— Я не слышала, — врет ему.

— Что ты выдумываешь? Здесь все отлично слышно!

— А почему ты тогда мне не открывал?

— А я не слышал.



— И я не слышала. — пытается выровнять позиции.

— Не выдумывай!

Конечно, это мелочь.

Было несколько стандартных поводов для конфликтов. О первом уже рассказали — это уборка в доме. Второй — вечером он не садился есть приготовленное блюдо. Приходит домой.

— Скоро будем ужинать,— говорит Наташа ему. Молчит. Минут через десять она зовет:

— Иди есть!

— Не буду. Не хочу.

— Позже будешь?

— Нет, не буду.

На столе две тарелки с мясом, с гарниром. Он не идет, и она не ест. Как же она будет есть одна? Снова зовет — муж не идет. Потом плачет от обиды и непонимания, почему «не буду».

В какой-то вечер она была такая голодная, что села и стала есть. Он, услышав звуки бряцания вилки и ножа о тарелку, удивленный пришел на кухню, посмотрел на нее — а она для пущей важности уткнулась в книжку. Потом муж медленно пододвинул свою тарелку, долго смотрел то на жену, то на тарелку и стал... есть! Почему раньше не ел? Почему сейчас стал есть?

Да, действительно, более всего Наташу огорчало, что у них не было диалога. Они ни о чем не рассуждали, не обменивались мнением. Редко вместе ходили в кино, в театр. В гости не ездили — за редким исключением — это ему было совершенно неинтересно. Он был стопроцентный интроверт, а она, наоборот — экстраверт, но не стопроцентный. Для чего он тогда женился? — Ответить невозможно.

В то время она вела дневник. Записывала интересное из того, что происходило в ее жизни, и вполне оправданно, что многие строки относились к Володе. Конечно, это было большой глупостью, когда она дневнику изливала свою душу и свои страдания от своей семейной жизни — не такой, о которой мечтала. «Я знаю, что в семье я даже не на втором плане. И если сейчас мне все время хочется плакать, то что будет дальше, когда мы состаримся? А где наши дети? Будут ли они? Их пока не хочет Володя — чтобы они не омрачили его научную карьеру. Но что я буду делать без них? Да разве же можно жить без детей? Кому я отдам свою любовь, нежность и ласку? — Коту или собачке?»

Муж покопался в ее вещах, нашел дневник и уже отвел свою душу. Вот так-то, милые мои! Особенно те, кто любит вести дневниковые записи. Совет первый. Не ведите дневники! (Впрочем, тогда не было бы этой книги.) Или лучше их прячьте! Каждый любопытный будет искать их и отыскивать там что-то для себя не очень симпатичное. Тогда — берегитесь! За все ответите!

Совет второй. Главнее первого! Будьте хорошо воспитаны и никогда не читайте чужих дневников, писем, не шарьте по карманам, не читайте не свои SMS! И не позволяйте это делать другим! Так вы сохраните: а) свою любовь, б) свое здоровье, в) свою семью. Знайте, что тотальный контроль — не лучшее

средство для полноценной семьи. Всегда должна быть у каждого какая -то загадка, и она вовсе — не скелет в шкафу. Помните, что не зря веками шлифуется система хорошего воспитания. Оно бывает важнее горячей любви. Горячность когда-нибудь уйдет, а уважение, доверие и теплота останутся...

## ДОМАШНЯЯ ЭКОНОМИКА

Начиная со студенческого возраста Наташа стала записывать свои расходы. На еду, на вещи, на транспорт. Не учитывала только то, что стоило меньше 10 копеек. (При зарплате 100–120–150 советских рублей.) Записывала вечером или утром, но каждый день. Что ей это давало? Опыт расходов. Затем она составляла отчет за месяц. Сколько получила, сколько ушло на питание, на жилье, на одежду, книги и т.д. В отдельные позиции выписывала наиболее удачные расходы: подарок сестре или маме, покупка сапожек, поход в театр. Отмечала, сколько денег ушло в «никуда» — ни тепло, ни холодно. В конце года — большой отчет. И так она делала двадцать пять лет!

За это время она научилась правильным тратам. Если сослуживица покупала кофточку за 50 рублей, бежала за очередной порцией косметики, то на эти же деньги Наташа покупала... циркулярную пилу.

Кто-то подумает: наверное, ей не нужны были ни кофточки, ни духи! Ничего подобного! Она могла вместо десяти кофт купить одну, но хорошей фирмы, и стоить это будет в три раза дешевле, чем все их кофточки. Она не имела права бездарно тратить деньги.

Наташины бухгалтерские книги показывали, что не еда, не серьезные вещи подрывают наш бюджет, а именно никчемные покупки. Справедливо сказано: «Дал Бог денежку, а черт — дырочку. И потекла Божья денежка в чертову дырочку».

## КЛАВА И ЕЕ УРОКИ

С Клавой они познакомились на вечеринке, когда Наташа была еще студенткой. Клава встречалась с одним молодым человеком, Наташа — с его другом.

Они сразу понравились друг другу. И с тех пор — уже больше тридцати лет длилась их дружба. Разница в возрасте была существенная, Клава на 18 лет была старше, но души оказались родственные. Клава стала Наташе большой опорой. Она столько полезного привнесла в неопытную жизнь, что «превратилась» в старшую сестру. А сколько она Наталье разных советов надавала!

Идут они как-то вместе по магазину. Видят, продаются дамские сумочки. Наташе очень нравилась одна, но стоит дорого — 45 рублей. Не может она позволить себе. По карману та, что не столь красива, но за 20 рублей.

— Ее я возьму. Конечно, та красивее, но что делать? — решила Наташа.

— Ты купишь за 20, а мечтать будешь о той, что за 45. Станешь копить деньги на нее и в конце концов ведь купишь! А те 20 рублей будут выброшены, старую сумку ты в руки больше не возьмешь. Поэтому — либо не покупай никакую, либо займи, но приобрети только ту, что нравится.

Всю жизнь она помнила этот «завет Клавы» и никогда еще, используя его, в покупках не прогадала.

Как-то пришла к Клаве накануне ее дня рождения — что-то приносила к столу. Видит — стол уже накрыт. Это накануне! Приборы, тарелки расставлены...

— Клава, так еще же рано!

— Ничего, завтра некогда будет. Приготовлю блюда — и на стол. Зато все успею.

С тех пор Наташа частенько пользовалась и этим Клавиным приемом. С вечера готовила, гладила скатерть, салфетки, доставала красивые тарелки, раскладывала приборы... Все это можно было делать не торопясь... А к приходу гостей (иногда получалось так, что она вместе с гостями появлялась дома) быстро ставила на стол цветы, вино, фрукты. Пока гости общаются, готовила дополнительные закуски, пока закусывают — в плите тушится горячее блюдо.

Клава была начальником финотдела большого главка и прекрасно разбиралась в финансовых вопросах.

— Делай только крупные покупки — иначе деньги на мелочи уйдут. Лучше займи для стоящего дела, чем потратишь деньги на пустое. Бойся мелочевки!

Клава умела найти нетрадиционные формы добиться своего. Например, нужна подпись начальника на каком-то важном документе. (Клава взяла на себя обязанность оформить дачные дела — она уже была на пенсии.)

Начальник говорит:

— Оставьте, я просмотрю, придете через день.

Клава выходит, садится на стул у его кабинета и так смиренно сидит.

Начальник выходит, удивляется.

— Почему вы здесь? Я же сказал — послезавтра.

— Простите, но я не могу вернуться без вашей подписи. Меня просто убьют. Я сижу и думаю, что им сказать, вы же разве не знаете этих журналистов?!

Он уходит — приходит — снова выходит, а она все сидит. Начальник не выдерживает:

— Возьмите свои документы.

(Подпись стоит.)

Любое дело заканчивалось успехом в ее руках!

## ЕЕ НЕОБЫЧНАЯ СВАДЬБА

Это была большая дружная компания молодых образованных людей. Когда среди них появился ученый в военной форме, холостой и симпатичный парень, девушки восторжались: вот, мол, завидный жених. Да девушки и сами были чудо как хороши. Но его внимание почему-то привлекла другая женщина — Клава. Поскромнее. Complimentами не засыпала, глазки не строила.

Он предложил ей сходить в кино. Какие раньше были радости? Он опаздывал, она спокойно ждала. Не суежилась, не делала вид, что сама только что пришла, не упрекала и не надувала губок. «Я знала, что дождусь тебя», — сказала ему. В другой раз предложил ей зайти к нему. Он снимал квартиру: панцирная кровать и все остальное такое же. Ни на чай, ни на ночь она не осталась. Постояла у порога, подождала кавалера — и вышли.

На очередном свидании попросила сходить с ней в универмаг. Пошли. «Есть у тебя деньги?» — спросила она. — «Да, конечно», — гордо ответил он, представляя, что сейчас закупают для Клавы шляпку, сумочку. Нет, она выбирает теплое одеяло, матрац, подушку. «Плати!» — говорит ему. Со свертками едем не к ней, а... к нему. «Ты останешься?» — предположил он. — «Нет» — спокойно отвечает она. Когда вместо шинели он укрылся теплым одеялом, а под боком оказался настоящий матрац, кавалер крепко задумался.

Потом покупали по ее указке то костюм, то плащ, то туфли. Все это — ему! Разодетым он выглядел просто шикарно. Девушки (те самые) понимали, что его парад ради них, но ради какой конкретно — не знали, терялись в догадках. Однако свою подругу Клаву почему-то упорно в расчет не брали.

В другой раз он позвал ее на концерт. «Сходи с кем-нибудь из наших девчат...» — посоветовала она. — «Почему?» — удивился он. — «А у меня нет красивой одежды...» — «Чего же ты молчишь? Пойдем и все купим!» — сказал он.

Когда сделал ей предложение, она заплакала: «Я подумаю». «Чего тут думать!» — удивлялся он. И боялся услышать отказ. Когда же она призналась, что старше его на пять лет, что лучше ему жениться на любой из их подруг, он обрадовался: вот, дескать, дуреха!

На их свадьбу тех подружек приглашал он сам. «На ком ты все-таки женишься?» — допрашивали они. «Приходите — увидите». Звонили и Клаве, извинялись, что не придут к ней на день рождения (даты совпадали), а пойдут на свадьбу, им же интересно, кто увел их жениха!

Свадьба проходила в ресторане, Клава была без фаты, в белом платье с красными розами. Подружки невесту в ней не опознали, сказали, хорошо, что ты тоже пришла.

«Ну, где же твоя избранница?» — приставали они к жениху. «Да вот же она!» — показал он на свою любимую. Некоторые были так раздосадованы, что побросали букеты и ушли со свадьбы, за столом оказались пустые места. Наташа была на той свадьбе свидетелем.

Было в их жизни и такое. На автотрассе (муж вел машину) у него случился сердечный приступ. Жена стала голосовать. Никто нежелал остановиться. Тогда

она вышла на середину дороги, раскинула руки в стороны и стояла вкопанная, просто как крест. Одно мгновение, и автопоток стер бы ее с лица земли. Но нет, все ошарашенно останавливались. Так она спасла своего любимого мужа.

...Прошло тридцать пять лет с той свадьбы. И все эти годы — до скоропостижной кончины мужа — они прожили самым счастливым образом. Бог не дал им детей, но дал Великую Любовь.

## МЕЧТА О ДАЧЕ

Эта мечта появилась у Наташи 1 августа 1975 года. В тот день они с мужем прибыли на дачу к дорогой подруге Клаве. Был день рождения ее супруга Володи.

Дача располагалась среди смешанного леса в чудесном поселке «Березки» в Солнечногорском районе Подмосковья. На большом участке было шесть строений, разумеется, небольших: домик родителей, домик Клавы с мужем, летняя кухня, банька, беседка и туалет. Жители дачи должны были поневоле все время находиться на воздухе, ведь приходилось перемещаться из точки А в Б, В, Г, Д...

Праздновали день рождения в зеленой беседке, пили красное сухое вино, ели вкуснейшие шашлыки, приготовленные именинником, потом были сочные сахарные арбузы... Молодые были ошалевшими от счастья. От пьянящего чистого воздуха, от благоухающей зелени, множества ярких цветов, красной смородины, крыжовника — от всего изобилия запахов, душистого аромата даров природы, хвойного простора! Естественно, что они очумели, так как жили в самом пекле города, в жаре, постоянной духоте и бесконечном шуме! Их квартира состояла из стеклянной стены (двух огромных окон, обращенных к шоссе), а остальные стены были оклеены моющимися обоями, пол покрыт лаком, словом, это была жизнь в целлофановом мешке!

После обильной еды молодые пошли гулять в лес, и вдруг Наташа поняла, что ее муж пьян! Он очень мало пил — только шампанское — и вдруг так позорно захмелел. Язык его заплетался, походка тоже, и он готов был счастливым образом завалиться спать под любое дерево! Вот что с ним сделали «подмосковные вечера»!

Обратно ехали в электричке, нагруженные цветами, ягодами, овощами, и всю дорогу мечтали о такой же милой, уютной даче. Это было объяснимо: жизнь в маленькой квартирке с окнами, выходящими на трамвайные пути, сводила их с ума. Не было спасения от духоты, жары, грохота транспорта. Открыть окна — оглушить себя, закрыть — мучиться от удушья. А тут, в Подмосковье, оказывается, такая великая благодать!



## ГДЕ ВАШИ ДЕТИ, ГОСПОДА?

...Детей долго не было, и Наташа в душе уже горевала. Видела детские коляски, и сердце с печалью сжималось: где же, где моя кроха? Слезы наворачивались на глаза: она так боялась, что Господь обойдет ее этим счастьем!

— Давай отложим до защиты, — предлагал он.

— Я так хочу малыша! С этим не шутят, дети даются не по нашему хотению, а по Божескому велению. Сколько времени я его ждала! Да и ты уже не юноша, тебе уже тридцать семь лет! Куда откладывать? Я не хочу быть несчастной!

Но они с мужем все-таки плохо понимали друг друга. Жена не знала, чего он по большому счету хочет от жизни. Он не одобрял ее активности, попросту — даже пугался ее.

Наташе хотелось детей, она пламенно молила Бога послать младенца, сжалиться над ней. Просила и дорогого и любимого небесного покровителя Николая Чудотворца сотворить чудо во славу Господа.

И вот, наконец, когда она уже совсем отчаялась, радостная весть — младенец не прочь появиться. И вот оно — долгожданное чудо — внутри у нее! Просите — и вам дано будет! Когда раздался первый звонок оттуда, что я, малыш, хочу у вас появиться, как же она тогда обрадовалась! Слезы благодарности лились из ее глаз и она даже сглазить боялась, что ее желание исполняется! Чего не скажешь об ее муже. Володя от известия, что станет отцом, впал в уныние. Он хотел встретить это событие после защиты своей докторской диссертации.

— Лучше я тебе кольцо с бриллиантом куплю вместо ребенка! — предлагал он.

Ребенок — долгожданный! И какое-то кольцо с камнем, как можно сравнивать? Напряженнее стали отношения, но для себя она бесповоротно решила: рожаю!

— А может, это не мой ребенок?

— Господи, час от часу не легче! А чей тогда? Потом он начал предполагать, что у нее родится какой-нибудь урод. Вот ужас-то!

Стало ясно, что муж «заточен» только на негатив. Мечтать о хорошем, прогнозировать хорошее, надеяться на хорошее — это был не его удел. Как выяснилось во время анализов, у Наташи оказался отрицательный резус крови, и, по мнению врачей это нехорошо для плода, если он унаследует отцовский (положительный) резус.

Всю беременность она сражалась с несколькими драконовыми головами: негативом мужа, негативом врачей и опасением за здоровье ребенка. Ее спасла только глубокая вера в то, что она не одна, с ней Верховные родители — Спаситель и Богородица, рядом с Ними Николай Угодник, а на земле ее любимая и верная мамочка.

## НАКОНЕЦ-ТО ПОЯВИЛАСЬ ДАША!

И вот начались схватки... Муж отвез ее в роддом 16 января, а по дороге строго-настрого запретил ей рожать 18-го числа: «Рожай или 17-го или 19-го». На это у него снова было какое-то свое суеверие. Вот не нравилось число 18 — и все тут! Может, ему в третьем классе 18 января четверку поставили по русскому языку вместо пятерки. Кто его знает? «Ну и, конечно, смотри, чтобы родился пацан, а не девчонка». Тогда еще не было такого УЗИ, чтобы заранее знать, кто там в животе живет и развивается.

Роды были мучительнейшие. Место, куда она попала, был нероддом (хотя и назывался так), а пыточная камера, и работали там люди, ненавидевшие других людей. Это было в Москве, на Каширке, в роддоме №10. За двое суток тяжелых схваток Наташе не дали даже стакана горячего чая и куска черного хлеба. Обессиленная, она жалобно стонала, плакала, ей хотелось покоя, безумно хотелось пить... И только пару раз добрая женщина — уборщица, видя страдания пациентки, позвала медсестру, и та сделала обезболивающий укол. Наташа пила из-под водопроводного крана, страшно хотелось есть, но из еды не было ни крошки. Боли были такие изматывающие, что, если бы попался пистолет, она бы, наверное, покончила с собой — лишь бы прекратить эти мучения.

Спас ее молодой врач-негр, может быть, практикант, он догадался проколоть плотный пузырь с водой, в который головкой билась ее тоже вся измученная девочка. Когда Наташу привели в родильное отделение и положили на стол, в роддоме началась совещание на тему: «Как улучшить родовспоможение». Все должны быть на совещании, и в отделении кроме роженицы — никого! Ребенок бьется, вот-вот родится, а принять его некому! Мимо отделения торопилась на совещание опоздавшая медсестра. Она увидела детскую головку и метнулась к столу. Но ребенок застрял в родовых путях, и тогда она хирургическим ножом шарахнула по мамочке, чтобы облегчить проход малышке. Все было залито кровью. Но вот в их руках ее чадо — сине-красное существо. Оно молчит, но легкий удар по попе, и девочка закричала! Ее жизнь запустилась на этом свете! У Натальи наступило блаженное облегчение. И вот наконец-то наяву встретились мама и ее долгожданная радость — дочушечка.

Малышка была хорошенькая, как ангел. Наташа думала, что отец увидит ее и обомлеет от счастья. Скажет: «Какая чудесная черноглазая девочка!» Но папа, узнав, что у него появилась дочка, а не сын (в их семье было «принято» рожать сыновей), просто не стал приходить в роддом. Ни тебе поздравления, ни цветов, ни еды. А кормили тогда в роддомах настолько плохо, что уж лучше бы вообще не кормили, а честно сообщали родственникам: «Несите все! Они все съедят!»

Лежала Наташа почти как мать-одиночка. Слава Богу, что добрые соседки по палате делились с ней едой, которую им приносили родные люди. Через пару дней она кое-как (после родов ее «на живую» зашивали!) доползла до телефона-автомата, попросила у посетителей две копейки и позвонила своей подружке Клаве. Та спрашивает, как беременная себя чувствует, а Наташа отвечает, что уже родила.

В тот же вечер Клава приехала в роддом, прихватив большую сумку всякой

еды.

— Где Володя? — спросила она.

— Он не приходит. Что делать? — Не знаю... Из-за суеверия я заранее не

купила детское белье, кто теперь его купит? Кто нас заберет отсюда?— с грустью в голосе говорила Наташа.

— Я все улажу, — твердо пообещала подруга.

Мама приехала, купила все, что надо было для ребенка, и вот к вечеру двух счастливиц забрали из роддома. Ехали на такси, муж молчал, а потом ребенка из машины вытаскивал, как баул — взял за банты сверток с малышкой и собрался уже так (как сумку) нести в дом свою дочурку. Мама не позволила совершиться такой бесцеремонности по отношению к долгожданной наследнице.

## МАСТИТ И КОЧМАРСКИЙ

...Кроха, конечно, плакала по ночам, муж нервничал, требовал, чтобы Наташа любым способом прекратила ее плач, жена тоже плакала, часами носила ее на руках, укачивая. Тогда поняла самое важное в семейной жизни: они обе разом стали нелюбимы мужем. Он иногда подходил к кроватке дочери и придирчиво смотрел: похожа она не него или нет. Девочка была папина копия. Но он все равно на всякий случай сомневался. Назвали ее Дашей, это мягкое ласковое имя тогда еще не было так популярно, как стало позже. Даша, Дашутка, Дашенька...

В роддоме их заразили стафилококком, не специально, конечно, — тогда не знали, как бороться с этой невидимой пакостью. И они обе очень страдали. Дашутка плакала, Наташина молочная грудь покраснела и стала болеть. Пять раз (очень боялась мастита — им запугали в роддоме) она ходила ко врачу в поликлинику, и каждый раз он говорил: «Не мастит это! Не бойтесь! Инфильтрат. Прикладывайте мазь!»

И прописывал ей мазь Вишневского. Морально вроде успокаивал. Но толку от мази не было, все ухудшалось. Однажды температура у Наташи поднялась до 40 градусов, боль была страшнейшая, и новый врач в этой же поликлинике, увидев ее беду, scomандовал: «Срочно на операцию! Вы можете умереть от заражения крови!»

Муж, уже проникнувшись состраданием к жене, и к себе — в случае, если он потеряет жену, отвез Наташу в Институт Вишневского и сдал врачам. К внучке срочно приехала ее бабушка.

Так Наташа оказалась в хваленном институте. Но никого не волновало ее здоровье. Когда она была маленькой и слышала о новейших достижениях медицины, то облегченно думала: как только ты заболеешь — весь мир ринется тебя лечить.

Увы. Положим, для твоего здоровья выгоднее именно сегодня сделать операцию, но есть план. А тебя в плане на сегодня нет. Жди. То, что твое состояние ухудшится, это хуже только для тебя. Вместо одной операции тебе сделают две. Но по плану.

Однако среди врачей были настоящие доктора — эскулапы. И здесь надо обязательно рассказать об одном чудесном человеке — докторе, хирурге Владимире Михайловиче Кочмарском. Он из Московского института хирургии имени Вишневского.

Кочмарский Наташе сказал:

— Операция будет завтра. Готовьтесь.

Она стала готовиться. Собирает все свои моральные силы, усиленно молится, настраивается на лучшее. Соседки по палате ее поддерживают. Завтра четверг — ее хороший день.

Наутро этот же врач объявляет:

— Сегодня ваша операция отменяется.

— Как так? Я же готовилась! Сегодня у меня хороший день! — разочарованно заговорила Наташа.

— Привезли нового тяжелого больного. Он идет вне плана.

Наташа очень расстроена. И не скрыла это от хирурга. Принесли завтрак, она уже держит в руках ложку с кашей, несет ее ко рту. Раз нет операции — есть можно.

В этот момент в палату заглядывает Кочмарский:

— Еще не ели?

— Нет.

— Не ешьте! Пойдем на операцию.

— А вы сами сказали, что откладывается!

— Но вы же готовились!

Господи, вот какой ответственный человек! Приезжает за больной каталка. Сестра укладывает Наташу и катит к двери.

— Назад! — грозный оклик проходившего мимо Кочмарского. — Ногами вперед нельзя! (Оказывается, верит в примеры, ногами вперед вывозят только покойников.)

— Здесь же не развернуться, Владимир Михайлович! — с недовольством жалуется сестра.

— Развернетесь — и без жалоб, — приказал он.

Он сам делал Наташе операцию, но тут случилось непредвиденное.

## КЛИНИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ

Вот как рассказывала родным об этом Наталья. «Я видела свое тело на операционном столе, вокруг суетились люди, а я вдруг стала отделяться от стола и поднималась все выше и выше. И чем больше над моим телом колдовали врачи, тем выше я поднималась... Они внизу суетились, подбегали к моему телу то с одним аппаратом, то с другим, но меня ничего это не трогало.

И я уже летела под потолком больницы, потом над городом, на высоте птиц, видела чистенькие домики, зеленые маленькие деревья, парки и, счастливая, уходила все выше и выше. Парение, легкость, отсутствие забот, болей — это был полный восторг! Так я летала-летала, но до тоннеля еще не успела долететь, как вновь увидела склонившихся надо мной врачей.

— Она очнулась! Вернулась! — радостно заговорили они. Это была клиническая смерть.

А я горько заплакала, мне так не хотелось возвращаться.

— Зачем вы меня вернули? — укоряла я их. — Мне там было так светло! Так хорошо! Никаких болей, никаких больниц!

— Ишь ты какая! Никаких болей... А дочка? С кем она останется? Будет сиротой? — строго одернули они.

Я вспомнила про свою маленькую доченьку, и мне сразу стало так стыдно: как же она одна будет без меня?»

Потом три недели Наташа сцеживала по каплям молоко, чтобы передать его своей маленькой девочке. Грудь была забинтована, и она лежала много дней под промывочной капельницей. То муж, то мама приходили в больницу, забирали от нее молоко для Дашутки.

Пить хотелось все время, ей казалось, что она могла бы выпить море. Подходила к крану и жадно глотала воду. А когда она текла для кого-то другого — завидовала им и жалела воды. Пить, пить и пить. Вода производила в ее организме молочко, и Наташа легко могла бы прокормить пятерых детей.

Через две недели была вторая операция по ликвидации последствий от первой. Под общий наркоз Наташа не пошла — ей очень не понравилось состояние «кайфа», предшествующее полному наркозу, и по ее просьбе делали операцию под местным. Доктор Кочмарский сказал, что на это решаются только самые мужественные люди.

Через месяц Наташа возвратилась домой. Как после демобилизации с фронта. Ей очень хотелось донести до людей:

«Дорогие товарищи! Задумайтесь, как же тяжело человечеству даются дети! И какие тут могут быть войны? Вырастить ребенка — все равно что провести его через несколько войн в полной сохранности!» Словом, что еще можно сказать, кроме слава Тебе, Боже, за счастье жить, двигаться и созерцать! Слава Тебе, Боже, во веки!

## СОСЕДКА

...Пройдет год, и молодая соседка Таня, недавно родившая первенца, зайдет к Наташе домой с жалобой на боли и со своей багровой грудью:

— Что делать? Ты же это перенесла. Расскажи. У меня вечером температура была под 40.

— Срочно на операцию, иначе потеряешь грудь, — как большая специалистка посоветовала Наташа ей. Она и пугала, и утешала, но главное — торопила ко врачу и сразу на операцию. Другого варианта не было, она уже там, в институте, посмотрелась всякого...

Утром Таня сидит в очереди к врачу. Плачет. Больно и страшно. Что ее ждет впереди? Женщина из очереди спрашивает:

— Что-то плохое случилось?

— У меня мастит. Будут резать грудь — мне так страшно!

— Не отчаивайся. Моя свекровь его заговаривает. Вот тебе ее телефон.

Таня с радостью покидает очередь, звонит, договаривается о встрече на вечер, приезжает к старушке. Та что-то шепчет, прикладывает тряпку к воспаленной груди, велит приехать завтра утром. Снова шептания, прикладывания. И вечером все повторяется. Три раза.

Но пока об этом Наташа ничего не знает.

Прошло несколько дней, и она интересуюсь у соседей, родителей Тани:

— Тане уже сделали операцию?

— Нет, у нее и так все в порядке, — спокойно отвечают родители.

— Этого ее может быть! Никогда! — кричит она, вспоминая свои страдания.

Побежала к ним, видит спокойную Таню, смотрит на ее чистую грудь, не верит своим глазам. Разве можно так просто излечиться? Таня ей рассказывает про старухин шепот и про три посещения.

— Сколько же ты старушке заплатила? — вопрошает Наталья.

— Дала пять рублей и мороженую курицу, — как о великой щедрости сообщила Таня.

Вот дела, так дела! Лично она подарила бы ей цветной телевизор — столько мук на двух операциях перенесла Наташа в том институте. Это было самое ценное в их доме.



## ЗАЧЕМ ВЫ, ДЕВУШКИ, КРАСИВЫХ ЛЮБИТЕ?

К этому времени их семья уже переехала в двухкомнатную квартиру в Ясенево, и муж всегда запирался в одной комнате. Выходил по мере личной надобности. Все понимали, что он — ученый, и ему нельзя мешать. Как могли старались ему угодить. Но он все отдалялся и отдалялся. Ни жена, ни ребенок его, похоже, не интересовали.

...Даша росла симпатичной, смышленной, с большими черными глазами, с черными шелковыми волосами. Она не была шалуньей, а, наоборот, не по летам серьезной.

Однажды приходит к ним Наташина подруга Света:

— Ах, какая хорошая девочка здесь живет! Как тебя зовут, детка?

Дочка подняла на нее свои крупные черные глаза, внимательно посмотрела и спросила:

— Тетя Света, ты что ль забыла? Даша я. Да-ша.

...В чем смысл женского существования? Только ли — произвести потомство, которое потом будет множить себя и решать те же проблемы, что и прежние поколения, терпеть просчеты великой политики и так же будет уходить в мир иной, так и не зная, зачем они здесь жили и что-то делали?

Наташе казалось, что от женщины, как и от ее Небесной покровительницы Богоматери, зависит и смысл жизни, и даже ее спасение..

Рассуждая с подругами о своей судьбе, они часто говорили о мужчинах. Какие они? Как среди них найти единственного — то есть свою настоящую «половинку»? Наташа считала, что мужчины такие же несчастные и потерянные существа, как и женщины. Они так же судорожно ищут свою опору в жизни. Так же боятся обмануться или быть обманутыми. Они закомплексованы даже больше, чем женщины. И больше, чем женщины, они боятся ответственности за все — за родителей, за детей (будущих), за нее — любимую. Они боятся жизни и готовы спрятаться от нее в любую «нору»: ипподром, рыбалку, горные лыжи, казино, алкоголь, а теперь еще и наркотики.

Наташа думала: оседлать жизнь — хотя бы условно — у мужчин часто не хватает духу, решимости, мешает материнское воспитание. Оно подразумевает: «будь осторожен! Береги себя!» В этом случае побеждает такой вариант — уйти от решения проблемы, от ответственности, спрятаться за мамину юбку.

В этом нынешний код выживания нации. Если бы женщины годами ждали милостей от природы, то человеческая природа уже почти прекратила бы свое существование. В белой расе.

## ДЕВУШКИ КРАСИВЫЕ, НО НЕСЧАСТЛИВЫЕ

С этим феноменом — чем красивее, тем несчастливее — сталкивалась она не раз. Первый опыт получила, когда работала «на космос». У ее замечательного начальника были две дочки. Часто, когда Наталью просили к телефону молодые люди, он спрашивал: «Сколько же у вас поклонников?»

В ответ она смущенно пожимала плечами. Но парней, которым нравилась, было много. Казалось, что так у всех девушек. Однако Юрий Михайлович ей однажды пожаловался, что у его дочек никого нет. А замуж выдавать надо... Тогда она подумала, что, может, дочки у него — одна косая, другая — кривая... Но на каком-то мероприятии увидела этих красивых, уверенных в себе девушек с прекрасным образованием. И совсем растерялась: как у таких красоток может не быть толп воздыхателей?

Второй сигнал — сослуживица Тамара Опарина: умная, добрая, роскошно красивая. Лицо итальянки, глаза, нос, губы — все из-под руки большого мастера. И что в итоге? Жуть и жуть. (О ней уже рассказано.)

Следующая — подруга Людмила. Внешностью своей она было похожа на Викторию Федорову — дочь известной во второй половине XX века актрисы Зои Федоровой. Широкое со скулами лицо, раскосые необыкновенной формы карие бархатные миндалевидные глаза, шикарные черные волосы. Она училась в МГУ на философском, Наташа с ней дружила еще и потому, что были из одного города, плюс она училась в одном классе с двоюродной сестрой Натальи — Ольгой.

Людмила была очень яркой, необыкновенной девушкой. Знала много стихов, была начитанной, но со своим особенным кругозором. В те ночи, когда Наташе совершенно негде было ночевать, она тоже по своей доброте и широте души давала ей приют, утешала, веселила. С ней хорошо дружилось, мечталось. Именно с ней Наташа ощутила всю прелесть интеллектуальной дружбы. Это было сродни какой-то юной влюбленности. Люда была неприхотлива, наблюдательна, ее ум был склонен к анализу — что для женщины, тем более молодой, все-таки редкость.

После окончания МГУ красавицу распределили в Ростовскую область, она жила в общежитии. Преподавателям без семьи квартира не полагалась. И эта начитанная, влюбленная в хорошую поэзию и литературу женщина осталась без семьи, одна. Потом она вернулась в родной городок, ухаживала за старыми родителями. За прекрасной умной мамой, рановато ушедшей из жизни, а затем — еще более самоотверженно — за отцом-долгожителем, дотянувшим до своего столетия! Им-то хорошо, что была рядом такая преданная дочь, а ее судьба?

Еще один вопиющий случай. Наташа лежала в больнице и там познакомилась с Мариной. Это было чудесное, нежное создание. Они долго поддерживали дружеские отношения. Однажды она приехала к Наташе домой, и она, открыв дверь, не поверила своим глазам: красotka с зарубежного глянцевого журнала! Но одна... Рядом — никого! И не было никого. Даже не подходят, не знакомятся. Боятся. Наташа спрашивала ее: «Марин, как ты могла добраться до меня? Проехать через полгорода и не быть украденной пять раз? Неужели до

моего подъезда тебя не провожали десять поклонников? Неужели у всех мужиков пропало зрение или — наоборот — повылазили вон все их гляделки?»

Маринка смеялась и с горечью признавалась, что никто никогда за ней не ухаживал. Она в детстве осталась сиротой и жила в Видном с бабушкой и дедушкой. Они тоже мечтали о счастливой доле для внучки и о правнуках заодно. Но ей никак не удавалось создать семью. Вокруг была пустыня, на которую не ступала нога мужчины. Почему??? Мужчины, милые, ответьте мне!

## ЕЩЕ ОДИН?

Прошел всего один год после рождения дочурки, как Наташа узнала, что снова к ним рвется маленький человечек. С таким равнодушным мужем трудно решиться на второго ребенка, но и отказываться от такой удачи невозможно: еще совсем недавно она так молила судьбу, своего любимого святого Николая Чудотворца, чтобы Господь Бог даровал ей детей... И теперь что: оттолкнуть протянутую руку с маленьким свертком?

Но как же тяжелы были первые роды! А отрицательный резус? Это такое сильное осложняющее обстоятельство. Что делать? Как поступить, чтобы никогда не пожалеть об этом? Подруги, знающие Наташиного мужа, совершенно не допускали, что она примет на себя такую дополнительную ношу. Отец не горел желанием быть многодетным и об этом говорил ей. Единственное, если появится мальчик, то он еще сможет примириться...

В период этого колебания приходит в кабинет на работе Наташин сослуживец, коллега, Николай Иванович Зятков. Они много общались, потому как были ровесниками, оба учились в МГУ, имели семьи и маленьких детей, да и просто делились друг с другом соображениями о жизни. Он жаловался на тяжелые взаимоотношения с редакторшей на радио, где в тот период работал. Так вот, он пришел и стал рассказывать, как вчера у них были гости с двумя маленькими детьми-погодками. Все любовались их дружескими отношениями, заботой и нежностью. И родители были счастливы — разом решили детскую проблему — и вещи одни, и игрушки, и коляски, и горшки, и время — что на одного уходит, то и на двух.

Он говорит, а в голове Натальи складывается своя картинка: будто это ее дети играют и забавляются друг с другом. «Спасибо тебе, Ангел-Хранитель и тебе, добрый Николай Иванович! Спасибо вашим друзьям, которые пришли к вам в тот дивный вечер со своими малышами-погодками! Разве можно после этого не задуматься, «как наше слово отзовется?»

Так пришло правильное решение: ребенок будет жить! (Невозможно представить теперь, как бы они сейчас жили без своего Александра.)

Потом Наташа часто размышляла: «Как же какой-то случай решает судьбу людей! А если бы не приехали к Николаю Ивановичу гости с детьми? А если бы Николай Иванович пришел к ней через месяц? А если бы ничего не рассказал? А если бы ее в этот момент не было бы на работе? А если бы это все — гости, рассказ — было бы уже после аборта? Какой ужас! Жизнь без Сашки? Не хотим! Ясно, что Зятков был послан Ангелом». Слава Тебе, Боже, за тайные и явные милости Твои!

## САША

Врачи не советовали так быстро рожать второго. Опасались активности антител от отрицательного резуса: «Один раз пронесло, но не факт, что второй раз у вас будет удача». Но Наташа так верила в силы небесные, что решила на это пока не обращать внимания. Конечно, было тяжело. Маленькая дочушка, семейные хлопоты, постоянная нехватка денег, детские хвори, а тут еще и живот растет, кто-то там толкается, ножками бьется...

Наташа уже решила не рисковать, найти хороший роддом. Так она попала в Центр материнства и детства на Пироговке. Была поздняя осень, за окном то метель, то дождь со снегом, уныло. Конец ноября. Поступающие женщины орут как резаные, не отдохнуть ни днем, ни ночью. Малыш все не появляется. Лежит Наташа день, на второй говорят: «Будем делать стимуляцию». Надавали каких-то таблеток, сказали: «Скоро появятся схватки». А схваток нет. Через день — новый вариант стимуляции: уколы. Снова безрезультатно. Ребенок долго не хотел появляться на свет, понравилось ему там, в мамином животе, но надо... Куда ж деваться, впереди у тебя долгая и счастливая жизнь. Не бойся. Давай, выходи на Божий свет, новый человек. Только после третьего сеанса стимуляции, сына еле-еле выудили из Наташи. На сей раз при родах был полный симпозиум. Сказали, что мальчик такой широкоплечий, что, наверное, будет богатырем...

В возрасте восемнадцати дней он заболел — была очень холодная зима. Врачи забрали его в больницу и намекнули, что всякое (самое плохое) может быть. Воспаление легких, ОРЗ и еще другие «пакости». Шесть пунктов. Как кормящую мать Наташу все же пускали к сыну. Он лежал в кроватке у холодного окна, а в его малюсенькую синенькую головку была вставлена иголка от капельницы. Наташа старалась закутать его, укрывала головку вафельным полотенцем.

На ночь она должна была уезжать из больницы домой и по дороге все время плакала. Как малыш будет без нее? А вдруг завтра его уже не будет? В этом мальчике было что-то необыкновенно притягательное, и она каждую минуту молила Бога спасти его.

Грудь сын не брал — не было сил. Тогда она стала тайно привозить ему бутылочки — одну со своим сцеженным молоком, другую — с теплым настоем черной смородины. Личико у малыша было белое, безжизненное. Но вот дает сыну бутылочку — он вроде не реагирует на еду, а потом пьет, и щеки его понемногу розовеют. Прибегает сестра: отдайте бутылку, нельзя это делать! Мало ли что им «нельзя!», но спасти-то ребенка надо. И Наташа уже тайно поила сыночка.

Она видела ужасный уход за другими детьми. Они плакали, родителей к ним не пускали. Одна девочка все просилась к Наташе, а потом не сходила с ее рук (когда сын спал). Она чувствовала, родители могут потерять девочку, постаралась узнать их телефон, а позвонив, просила их забрать ее или быть с нею. Она тоже вскоре забрала сына, и дома они с мамой стала его выхаживать. Там бы он погиб.

Прописали ему дорогостоящие уколы. Несколько раз сделали — никакого

улучшения. Как-то раз приходит пожилая полная медсестра. Набрала в шприц лекарство и говорит:

— Такому крохе — такое сильное лекарство. Ай-я-яй! Да разве он «переварит» его?

— У него много заболеваний. Шесть пунктов — нам написали в больнице, — объясняет ситуацию мать.

— Слушайте вы их больше! Специально написали побольше, чтобы в случае их недогляда было на что свалить: «Что же вы, мамочка, хотите? Мы вас предупредили — ребенок в группе риска. Все может быть».

— Спасибо вам, а укол этот не делайте.

— Ну я уже шприц набрала, лекарство дорогое...

— Не делайте, пожалуйста. Спасибо вам.

Много раз Наташа приезжала в храм Николая Чудотворца в Хамовниках и молила этого святого сохранить ей детей, уберечь их от зла и болезней. И услышал Господь, выкарабкались они из этих роковых хворей. Он сотворил чудо — «отрицательный резус» матери не погубил ее детей, хотя у ребят резус оказался папин — положительный.

Весной мама забрала полугодовалого Сашу к себе домой, он целые дни был на воздухе, ел все свежее и вскоре выздоровел пацан, словно и не ставили ему кучу плохих диагнозов.

...Спустя тридцать лет шла телепередача с Еленой Малышевой «Жить здорово!» Она рассказывала, что НАКОНЕЦ-ТО!!! ученые нашли метод, как женщине выносить плод, если у нее отрицательный резус, а у будущего дитяти — положительный. Так вот, чтобы избежать резус-конфликта, рекомендуется сделать трехкратное переливание крови плоду, когда еще он находится в утробе матери!!! Через три месяца после зачатия, через шесть и перед родами. Малышева выводила из-за кулис маленького человечка и говорила, что он уже прошел все эти круги ада. И вот уже родился здоровеньким.

Что Наташа могла бы ей сказать? Привести своих 30-ти и 32-летних детей и показать их и сказать: «Не мучайтесь вы дурью, господа! Лучше просите Господа, чтобы Он даровал вам здоровых детей!!!» В любом случае это дешевле и надежнее «ученого» метода.

## МАМА — НАСТОЯЩАЯ ОПОРА

Вся надежда была только на маму. Она все бросала и приезжала ко ним, как только требовалось. К счастью, дед (Наташин отчим) хоть и со словами упрека, но отпускал ее. Понимал — иначе нельзя. Падчерица останется без работы, и что? Кому сядет на выю? На пятидневки своих ребятишек Наташа не отдавала, твердо веря, что хотя бы вечером, но должна с ними пообщаться, рассказать сказку, послушать об их детских делишках, погладить по головке и поцеловать. Дети были дружны меж собою, но у каждого — как и положено — был свой нрав.

Даша родилась очень похожей на папу, и бабушка решила, что «порода» Володи в ней торжествует. Сашка был «нашим». Когда Даша сидела в манеже и ей это надоедало, она требовала поесть или выпустить ее оттуда, Наташа махала перед ее личиком своей красивой яркой косынкой, а потом отдавала ее дочурке, чтобы она занялась ею на пять минут, пока приготовит ей еду. Даша увлеченно рассматривала ткань. А вот этот прием с Сашей уже не проходил: только видел эту косынку, тут же бил маму по руке, что ты, дескать, мне суешь какую-то тряпку? Сразу было понятно: мальчишка!

Однажды Наташа спешила по улице Горького и увидела возле знаменитого тогда магазина «Подарки» большую очередь. Спросила, зачем стоите. Ответили, что за французскими духами. «За духами?! Люди с ума сошли! Понимаю, за чем-то совсем необходимым, но чтобы за духами?!» — так в душе повозмущалась она. Направилась уже мимо, но что-то чисто женское возопило в ней. Вошла в магазин, чтобы просто посмотреть, какие это духи и сколько они стоят. Стоили они 25 рублей, а ее зарплата была 140. Ясно, что трата невозможная. Но она понюхала тест-бумажку и... стала в эту огромную очередь! Выстояв ее, впервые позволила себе такую роскошь: купила маленький флакончик французских духов «Диориссимо». Запах жасмина, ландыша был божественный! А маме за ее труды она тут же купила вишневого цвета помаду в красивом золотом тюбике.

По малюсенькой капельке она уже дважды наносила на шею эту драгоценную французскую влагу.

Приехала мама. Ей была вручена помада. Мама счастлива, она настоящая женщина, любила красиво одеваться и всегда выглядела ухоженной...

Вечером мама готовит ужин на кухне. Наташа выходит из ванной после душа. Мама ей говорит:

— Ой, смотри, чем-то таким прекрасным пахнет!

— Мама, представляешь, какие сильные французские духи! Вчера — одна капля за уши, и даже сегодня слышишь такой аромат! Заметь: после душа!

Они восхищаются парфюмом, мама соглашается, что стоят, конечно, очень дорого, но если такие сильные... Пьют на кухне чай, мило разговаривают, потом Наташа выходит из кухни и видит просто ужасную картину: в прихожей у двери в ползунках сидит ее сын и трясет над половичком... флакончик с французскими духами!!! Отсюда, от половичка, и исходит этот божественный аромат.

Она непроизвольно издает дикий вопль, все пугаются, слетаются на него, и хватая ремень и бросается к сыну. Почуввав недоброе, он шустро прячется за

бабушку, но пустой раскрытый флакон крепко держит в руке. Мать за ним, чтоб отлупить его, он — за бабкой, как в туре танца. Мать старается ремнем достать его задницу, но больше перепадает сердобольной бабушке. Так они кружатся, кружатся под язвительные комментарии мужа, пока пострадавшая совсем не выдохлась. Активная часть компании переходит в другую комнату, чтобы присесть на диван, но тут бабушка обнаруживает испачканное шоколадом кресло.

— Посмотри, что он наделал! — с огорчением произносит она.

— Да не было у него никакого шоколада! — отвечает ей дочь. И тут до нее доходит...

Она внимательно изучает кресло и с ужасом говорит:

— А это, мамочка, уже твоя индийская помада.

Мать в ужасе ойкает, вскидывает жалобно руки (о, где моя модная темно-вишневая помада!) и тут же хватается едва отдохнувший ремень.

Сашка понимает, что сегодня не его день, счастья не предвидится. И быстро прячется теперь уже за мать. Бабушка с ремнем пытается достать Сашку, но, чувствуя, что сейчас он может быть по-настоящему отлупцован, Наташа двигается перед ней, заслоняя своего шаловливого сына...

И вот они обе сидят в отчаянии от дефицитных потерь, а Сашка, все-таки выдранный, вдоволь наплакавшись, уже спит. В доме все благоухает ландышем...



## ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ АИФА

Наташин друг по работе в отраслевой газете Николай Иванович Зятков ушел в другое издание. Без него ей стало грустно, так как они часто делились впечатлениями, к тому же он был ее земляк — смолянин. И вот однажды он приходит к ней в редакцию и говорит:

— Ты не хочешь сделать какой-нибудь материал для нашей газеты?

— Как она называется?

— «Аргументы и факты». На, почитай, мы гонорары выплачиваем.

Николай Иванович уже сыграл в Наташиной жизни серьезную роль, когда после его рассказа о детях-погодках она подарила жизнь своему сыну.

В благодарность за это она задумалась, о чем же написать в новую газету?

Николай Иванович и сам подсказал: «Нам нужны материалы о секретарях. Партийных. И о всяких информированных спецах».

Наташа позвонила в Куйбышевский райком партии, попросила интервью с первым секретарем Комзоловым.

...Вскоре состоялась эта встреча. Она сразу заняла позицию «мы на равных» и сказала секретарю столичного райкома, что партийные работники слишком часто и буквально все «указуют» хозяйственным органам, но сами-то не несут никакой ответственности за ошибки, просчеты. А попробуй хозяйственник не выполнить их «указивки» — сразу по «шапке» получит. Как стране развиваться в таких условиях? Как он выходит из таких конфликтных ситуаций? Как реагирует на острую критику? Сколько получают столичные секретари и он сам в частности? Какие у него льготы? Не пора ли их отменить? Чем занимаются члены семьи?

Наташин визави сидел красный как рак. Иногда он очень внимательно смотрел на нее, соображая, правильно ли он понимает ее вопросы. Обо всем этом у него еще никто никогда не спрашивал! Да и сам он не читал в газетах, чтобы кто-нибудь из журналистов спрашивал партийных работников об этом! Но, тяжело вздохнув, все-таки отвечал. Старался как мог.

Почему он не отказался от такого интервью? — Позже она об этом думала не раз. И приходила к такому выводу: если серьезный еженедельник послал к нему журналиста, значит, все вопросы согласованы «наверху»! Где уж этот верх — каждый понимал сам. Но отвечать-то надо.

Материал сделан и отдан Николаю Ивановичу. Тот показал главному редактору. Главный прочел и спросил Зяткова, где он нашел такого журналиста: «Зови сюда своего смельчака». Николай Иванович признался, что это женщина. А женщин в этой профессии Владислав Андреевич Старков не любил. Но через пару дней почувствовал, что его интерес не пропал. Снова сказал: «Зови!». Наташа пришла туда после работы.

Главный редактор много и живо расспрашивал ее о жизни. Потом о газете: нравится ли ей их «АиФ»? (А она и прочитала-то всего несколько номеров.)

Какие видит недостатки? В этом месте Наташа ответила, что газета, к сожалению, представляет наших людей гораздо глупее, чем они есть на самом деле. Старков с ней согласился.

— Как вы вообще осмелились задавать такие вопросы партсекретарю? Ничего внутри не дрожало? Коленки не подгибались?

— Не дрожало. Не подгибались. Это точно, — твердо ответила ему. Он внимательно, оценивающе посмотрел на сидящую перед ним женщину. Потом взял со стола номер журнала «Эко» (научно-популярного, выпускаемого прогрессивным отделением Академии Наук в Новосибирске) и попросил Наташу отметить по убывающей те статьи в оглавлении, которые она бы прочитала в первую очередь. Пробежав глазами по их названиям, она «огласила свой список». По лицу видела, что они с ним в своих интересах совпали.

В завершении встречи Наташе предложили работу научного редактора. Она сразу же согласилась.

Главный редактор попросил ее прийти еще раз, на редколлегию. Там он познакомил с теми, с кем предстояло работать многие годы. Среди них был и Геннадий Михайлович Ариевич, который несколько раз вел у них на факультете мастер-класс. Всем студентам он тогда очень понравился своим профессионализмом и обаянием.

## ТЕЛЕФОНЫ

Редакция «АиФ» тогда занимала старую трехкомнатную квартиру на Малой Бронной, 12 в обычном жилом доме. Когда-то (скорее всего, недавно) здесь была коммуналка. Люди съехали, и безо всякого ремонта она досталась популярному еженедельнику. Старые грязные окна, тараканы, древние шкафы, теснота, куча бумаг, письма всюду. И только два телефона. Один — у руководства, второй — на всех. Наташа была многому удивлена. Прежде всего помещению. Такому неуютному, неухоженному. Вдобавок как добывать «горящую информацию», если нет телефонов?

Поработав несколько дней в этих условиях, она предложила написать письмо министру связи с просьбой выделить дополнительные номера. Старков сказал: «Ладно. Действуйте». Написала, позвонила, просила ускорить решение вопроса. Но в ответном письме сообщалось, что редакция находится в историческом центре города, в зоне правительственной трассы, и рыть землю через дорогу для прокладки еще одной телефонной линии нет никакой возможности.

Что делать? Надо искать запасные пути. Тогда ей посчастливилось найти какой-то частный кооператив. Он брался за эту непонятную работу, просил за нее три тысячи рублей с условием наличия всех необходимых материалов.

Их список Наташе и вручили. Дополнительно назвали адрес и имя, у кого они должны быть.

Наташа записалась на прием к очень большому «телефонному» начальнику. Принесла ему несколько газет — для знакомства. Начальник сказал, что и без этого от корки до корки читает «АиФ». Это чуточку облегчало дело.

— Наша газета нужна людям Они за нее даже дерутся. А у нас всего два телефона. Нам добавят номера, но позарез нужен кабель. Срочно. Сейчас.

— Это лимитный материал, отпускаем по разнарядке... Знаете, какая на него очередь?

Стала его уговаривать, упрашивать, убеждать...

Сломался, сказал, что дает.

— Но к нему нужны еще такие детали, — называет их.

— Мы сами их по полгода ждем!

Но она упростила выписать и их. Сказала, что точно знает — есть у него небольшой запасец.

— Все-то вы знаете. Ладно уж, дам, раз такое дело.

— И последнее. Да уж, пожалуйста, дайте нам и транспорт, чтобы все это довести до места.

(А тогда с грузовыми машинами была огромная проблема. Это Наташа знала еще по МЭЛЗу. Там на утренних совещаниях столько копьев было сломано из-за транспортировки!)

— Слушайте, кем вы там в «АиФе» работаете? Редактором? Зачем вам это дело?! Идите лучше ко мне! Мы для вас все самые отличные условия создадим! Честное слово, я никому ничего не даю, а тут вам отдал все свои запасы!

Наташа искренне и горячо поблагодарила этого доброго начальника, они вывезли телефонную драгоценность и вручили ее кооператорам.

Удивившись, что редакторша добилась невозможного, молодые ребята из кооператива быстро сделали новую телефонную линию. При этом — самое интересное! — даже не нарушили дорожного полотна. Что-то там крюками цепляли, протаскивали, в общем, быстро и хорошо справились. Молодцы! В завершение работы, получив положенные деньги, тоже стали звать Наталью к себе в кооператив. «Вместе с вами мы горы свернем».

(За неделю это было уже второе предложение о новой работе.) Горы ей не хотелось сворачивать, пусть стоят, но она и сама осталась довольна работой.

А через три месяца редакция получила письмо от Минсвязи: «Мы рассмотрели вашу просьбу и сообщаем, что при реконструкции сетей, запланированной на предстоящие пять лет, обязательно ее учтем».

— Спасибо, ребята, ничего не учитывайте, у нас уже стоят телефоны, — сказала Наташа, позвонив по новому телефону в Минсвязи. Там очень удивились:

— Как вам это удалось? — спросили они.

— Пусть это останется нашим маленьким редакционным секретом.

Но на работу в министерство ее почему-то не позвали. А зря.

## ОТДЕЛ ЭКОНОМИКИ

Старков был поражен, как быстро ей удалось уладить «телефонный вопрос». Одна из проблем была снята. Поняв, что Наталье удаются хозяйственные дела, да и по прежней работе она хорошо разбирается в пружинах производственных процессов, шеф решил назначить ее редактором экономического отдела. Наташа со слезами на глазах отговаривала его от такого опрометчивого шага, ссылаясь на свою некомпетентность, огромную ответственность, которую она может не оправдать «в сложный период ускорения научно-технического прогресса и перестройки». Но Старков предложил не переживать, а «попробовать».

Шел 1986 год. В СССР началась перестройка. Как должна жить страна? По какому пути идти? Что такое рынок? Нужен ли он нам? — весь перечень подобных вопросов вставал и перед страной.

Но на них пока еще никто не знает ответов. «Почему же я страдаю? Я тоже должна их искать — и найти! У кого? — У ученых» — утешала она себя.

Так она вышла на академическую тропу поиска самых верных ответов на вызовы времени. Пришлось предварительно выяснить, кто из ученых самый толковый и авторитетный. Звучали такие имена: Абел Аганбегян, Станислав Шаталин, Павел Бунич, Олег Богомолов, Николай Петраков, за рубежом — асс экономической мысли Василий Леонтьев. Был назван корифеем Леонид Иванович Абалкин, директор Института экономики Академии Наук СССР.

Сначала она «разминалась» на ученых «средней руки», а когда поднакопила опыта, знаний, решила брать «быка за рога». Конечно, она в то время самоуверенная была и отважная — ничего не боялась! Если посмотреть с другой стороны — скажите, ну кому нужны трусливые журналисты? Народ наш трусливый, ему все «как бы чего не вышло», а все так и выходит — из-за его трусливости — боком, граблями да по башке! Нет бы кулаком ударить да твердо сказать властям: не смей обижать воевавших стариков! Не смей воровать народное добро! Не смей плясать под чужую заморскую дудку! Смотришь, и присмирело бы ворье, может, и о позабытой совести вспомнили бы. Вот исходя из этого посылала она и была такой... какой была.

И вот дошло дело и до корифея. Наталья договорилась с Абалкиным о встрече (она была после его рабочего дня), составила список вопросов.

Шеф поинтересовался, к кому она поедет и о чем они будут говорить. Наталья выложила ему свои вопросы — всем списком сразу. Старков долго читал, хмурился, а потом с опаской посмотрел на нее. «Разве можно прямо — так с ходу — спрашивать, «какими — экономическими либо политическими — причинами вызвана перестройка?»

(Сейчас можно обхохотаться, какая, дескать, это смелость! Но тогда... Одно сомнение в том, что наши беды могут быть вызваны политическими,

идеологическими причинами, автоматически приводило человека в стан диссидентов. А что уж говорить об органе ЦК КПСС Общества «Знание», под чьим флагом редакция «АиФ» тогда выходила «в люди»! Дикость! Абсурд!)

Прочитав и остальные вопросы, шеф совсем загрустил. И раскрыл причины своей грусти: Абалкин либо заботится отвечать газете, либо «накапает» на них в ЦК. Оттуда могут попросить убрать политически незрелого корреспондента важного идеологического издания, а еще худший, но допускаемый вариант — уберут и Старкова, как неблагонадежного руководителя.

Но переделывать вопросы уже не оставалось времени. (А у Натальи — и желания.)

## АБАЛКИН

Пообещав Старкову, что по дороге она постарается «умягчить» свои вопросы, Наталья уехала. Пришла в Институт, к ней вышел высокий, слегка сутуловатый человек. Симпатичный, задумчивый, интеллигентный. Глаза в очках с роговой оправой такие пронизательные, умные, даже добрые. Абалкин ей понравился, расположил спокойствием и уверенностью.

В его кабинете она включила свой японский диктофон «Панасоник», и, глянув в умные глаза членкора, мужественно задала тот же свой первый вопрос.

Леонид Иванович медленно снял очки, закурил... Он долго, испытывающе вглядывался в собеседницу, силясь понять: не провокатор ли она?

Что уж там увидел — неизвестно, но спросил:

— А вы не боитесь задавать такие серьезные вопросы?

— Вам — не боюсь.

— Почему именно мне не боитесь? — насторожился ученый.

— Вы — умный и все понимаете. Разве вопрос неправильный?

— И что — не побоитесь напечатать мой ответ?

— Не побоимся, — твердо сказала Наталья.

— Ну вы, я вижу, смелая. Вы не побоитесь. А ваш главный редактор?

— Он тем более. Не побоится. Надо же, в конце концов, искать и говорить правду. Он уверен, что вы знаете все ответы, — честным голосом врала она. Что и говорить — авантюристка!

— Что ж, тогда давайте попробуем найти эти ответы.

И они двинулись по этой нелегкой дороге поиска истины.

Разговор вышел жесткий, очень откровенный. Они прерывались, он курил сигарету за сигаретой, но Наталья не давала ему далеко уйти от этой погруженности в драматизм страны, от искренности в оценках, от научного и психологического поиска причин нашей вековой «непрухи». Ему самому было и интересно слышать ее рассуждения-вопросы, и страшно.словно стояли они вместе у самого края обрыва и не знали точно — уцелеют или нет? Иногда виртуально брались за руки, надеясь один с помощью другого удержаться на этом опасном приключении.

Мужчины любят отчаянных и смелых, тех, кто и их втянет в рискованное дело. Так и тут она использовала весь свой природный магнетизм, чтобы ученый человек раскрылся, как лотос, и рассказал ей то, что видит он, но не видят другие... При этом она четко чувствовала: не одна с ним беседует, не одна держит его в тонусе и откровении, какие-то светлые силы небесные помогают им. Возможно, что такое же ощущение было и у Абалкина, он прерывался и с удивлением озирался вокруг. С чего бы это? Кто наш помощник? Или покровитель?

Часа через три, уже вечером, она ехала домой и дрожала — вся спина мокрая, а сердце бешено колотится.словно копала землю, а не слушала человека, даже не записывала авторучкой ничего в блокнот. Сидела — слушала, но устала так сильно, будто все свои силы направила на гипноз — не бойся, говори все как есть, родной мой!

Взяла кассету, как драгоценную вещь, и не знала, куда ее положить, чтобы она не пропала, не испарилась. Кормила вечером детей, укладывала спать, разговаривала с мужем, а сама думала: сейчас все сделаю — и за стол.

Ближе к полуночи достала кассету (с ужасом, а все ли записалось?), вставила в магнитофон, нажала на кнопки. Пронзила мысль: а вдруг все не записалось? Всякое ведь с техникой бывает!

Но в наушниках голос Абалкина снова поплыл. Она быстро записывала его речь на бумагу, словно запись с кассеты вот-вот может растаять...

Теперь она еще глубже вдумывалась в то, что он говорил, и задыхалась — ей нужен был свежий воздух, чтобы легче вместить в себя услышанное! Она прерывалась, открыв окно, дышала сырым ночным воздухом и вновь начинала писать.



## ВСЕ ВЗЯЛА НА СЕБЯ

В маленькой квартирке на краю Москвы, в Ясенева, где в соседней комнате уже сопят и видят сладкие сны ее дорогие детки, рождается на бумаге большое откровение. Так о советской экономике пока еще никто не говорил. Но пока об этом знают только они вдвоем — Абалкин и Наталья. Ей казалось, что и Леонид Иванович сейчас не спит, волнуется, переживает. Правильно ли сделал, что сказал все как есть? Не сглупил ли он, поддавшись на уловки этой настырной журналистки? Она-то, видно, отчаянная, но ей-то что? А я, дурак, поддался на ее напор, уши и язык свои распустил... А ведь у меня ученое звание, за мной институт...

А Наталья, расшифровывая кассету, по-своему страдала: вдруг Абалкин завтра утром позвонит в редакцию и скажет, что никакого интервью не давал? Или скажет — давал, но теперь беру его обратно. А что? Имеет право. Слово дал — слово взял. Я его хозяин.

Утром в машбюро сразу две машинистки быстро перепечатали рукописные листки, и Наталья их — шефу на стол. Даже без правки. А сама боится, что раздастся звонок из Института.

Старков читал, читал и... не верил своим глазам.

— Это правда? Он сам все говорил? — переспрашивал он Наталью почти на каждом абзаце.

— Правда, правда!

— И он не боялся?!

Что она должна была на этот вопрос ответить своему главному редактору? То, что Абалкин тоже боялся и тоже десять раз спросил ее, а не заботится ли шеф опубликовать их такую не по времени откровенную беседу? И что тогда Старкову делать? Отказаться от материала? От этой искренней оценки действительности, которую они ищут и пока еще не находят? Этого она не могла допустить! Не для того она весь вечер и всю ночь страдала!

— А чего ему бояться? Конечно, нет! — снова она «закрывает амбразуру».

— Он завизирует этот материал?

— Я съезжу к нему, попрошу.

— Пусть подпишет каждую страницу! Каждую!!! Тогда только поверю! (В редакции такого отродясь не было, чтобы визиловать каждую страницу.)

— Ладно. Попрошу его подписать каждую.

Позвонила Абалкину. Он весь в напряжении. Говорит ему, что надо встретиться. Он отвечает: «Приезжайте». Приезжает. Усаживается на вчерашнее место, кладет перед ученым стопочку машинописных листов. Вежливо так, как бы нейтрально, ждет. Леонид Иванович осторожно берет листы, внимательно читает, кое-где правит...

— Главный видел?

Она кивнула.

— А он читал?

Снова кивнула.

— Он, правда, не боится это напечатать?!

Новый кивок. Абалкин смотрит с сомнением. Наталья включает свою «энергетику».

— Да что вы! Конечно, нет! — убеждает его уже словами.

— Ну смотрите, под вашу ответственность, — с сомнением глядя на нее, он протягивает лишь кое-где правленный текст.

— Леонид Иванович, у нас положено подписать каждый лист.

— Ну положено, так положено, — и он подписал каждый лист.

Слава Тебе, Господи! Слава, слава, слава!

Выходя из кабинета, Наталья протянула ему для прощания руку, он долго держал ее, потом сказал:

— Спасибо вам!

— Это вам большое спасибо, Леонид Иванович! — горячо поблагодарила она. Ее рука пока еще в его руке.

— Ладно, рискнем, посмотрим, что дальше будет, — с тем и отпустил ее.

Подписав номер с этим интервью в печать, шеф признался, что не спал всю ночь, проигрывая в голове возможные последствия. И вот номер вышел...

А утром приехали из Политбюро и забрали все номера, которые оказались в редакции. Горбачеву ужасно не понравилось, что самый сильный ученый страны признал, что причины плохой экономики — в руководстве партией и ее непрофессионализме. Что менять надо не только руководителей предприятий, но партийную политику! Горбачев был взбешен и тем, что Абалкин отвел на перестройку четверть века! А генсеку казалось, что надо всего два-три года. Он не хотел, чтобы о таком большом сроке для перестройки узнал весь мир...

Номер с этим материалом читатели искали во всех киосках. Иностранные агентства цитировали куски из этого интервью. Зарубежные журналисты звонили, уточняя подробности. В течение недели более 100 изданий мира дали отрывки абалкинских откровений.

Вот и подумайте, разве посмел бы исполнительный, честный, добросовестный человек так «чистосердечно» врать и ученому, и своему шефу? По существу, каждый из них старался свою меру ответственности переложить на другого. Наталья им в этом помогла, «спровоцировав атмосферу общей смелости». Результат получился отличный, но прием этот — явно авантюрный. А что было делать? Разве можно было бы поступить по-иному?

## КТО РАЗРЕШИЛ БЫТЬ... СМЕЛЫМИ?

Старкову нелегко было со своими упертыми и не в меру нахальными журналистами. Но он понимал — без этого не добыть хороший материал. А он поставил перед собой задачу — в каждом новом номере раскрывать «запретные» темы! В редакции собралась классная команда. Шеф отбирал людей «поштучно», стараясь взять их из провинции (он и сам не был москвичом), и даже не с факультетов журналистики. В коллективе были и строитель, и врач, и дипломат, и авиатор, и музыкант, и международник, и педагог — словом, молодые люди разных профессий, но объединенные одной ясной целью — сделать в стране жизнь лучше, используя возможности многотиражной газеты.

Тогда и сама Наташа поняла: все самое удачное в жизни так и рождается — порывом души ради какой-то важной идеи и, главное, плотным единением на почве первых вдохновляющих успехов. Они закрепляют результат. Сложи вместе эти составляющие, добавь к ним необходимое звено — уверенного в правоте своего дела капитана, и — вперед! Расправляй свои паруса, команда!

И если первые номера «АиФа» были наполнены официальной «баландой», то по мере насыщения коллектива эксклюзивной информацией стали появляться все более честные материалы. И с каждым номером газета раздвигала границы этой честности. Вот тут-то и началась охота. Дееспособные люди искали «АиФ», чтобы глотнуть уже не заморской, а своей свежей правды. Было желание своими глазами увидеть, что это написано по-русски и — главное — В СОВЕТСКОЙ ГАЗЕТЕ!

«Что это значит? Что «уже можно»? Но «кто разрешил и насколько?» Что им «за это» будет? Или кто-то «заказал» советский строй? Но кто? А что будет «потом»? Что будет «потом» — этого не знал никто. Все здесь жили надеждой, верой, что пройдет небольшое время, и худшее останется позади. А впереди будут только правда и справедливость... Только они и могли вывести многочисленный народ к счастливому будущему. И им, журналистам, казалось, что они в этом жизненном спектакле — не пешки, не безмолвные рабы, а действительно кузнецы своей судьбы и судьбы народа.

До позднего вечера работала редакция, чтобы раз в неделю выдать своим читателям новый откровенный материал! Как горняки, добывали его с огромным трудом и находчивостью. Читатели интересовались статистикой из разных областей жизни, и Наташа помнит, как Госкомстат ни за что не давал ей данных о численности трудоспособного населения страны. Они считались закрытыми. Другие специалисты намекали и подсказывали, как найти ту или иную цифру. Могли даже и назвать ее, но без указания источника. Это была попытка, так как проверяющими всю информацию в редакции были спецы из КГБ. На каждую цифру они требовали официальный источник. Без этого не давали свое «добро» на печать. И все-таки газета сообщала людям то, что никому до них не удавалось напечатать в советской прессе!

## САШКА НА ГРАНИ ФОЛА

В те годы семья Наташи жила в Ясеневе — это симпатичный зеленый район на юго-западе Москвы. Квартирка была небольшая, зато окнами выходила на лес... Вот в гости к ней приехала любимая подруга Света, и они, прихватив с собой двухлетнего Сашу, отправились гулять в парк, а там много тропочек и водоемов... Идут, увлеченно беседуют, пацан то впереди них, то отстает, но все-таки условно рядом. И вдруг — нет его! Женщины бросились в разные стороны искать его... — Бесполезно! Тревожно разводят руками, и тут Света слышит какое-то подозрительное сопение. Где это? О Боже, в пруду! Зачем-то шкода полез, но оступись, и сейчас только колпак комбинезона торчит. За него-то Света быстро, как пантера, ухватила Сашку. С силой выдернула его из воды, прижала к себе и давай все бежать поскорее домой, спасти его от холода и простуды. Он и так был не легкий в своем мокром одеянии, так еще, наглец, пришпоривал свою спасительницу, как всадник лошадь: давай, дескать, скорей. Дома раздели, грели, растирали, укоряли: «Саш, ну зачем ты туда полез?» — «Хотел лягушку получше рассмотреть». — «Ну и рассмотрел?» — спрашивает Света. — «Не, она меня испугалась и в воду прыгнула».

Было еще несколько случаев, когда родные могли лишиться Сашки. Наташа выпускала его гулять одного в песочнице под своими окнами. И чтобы она ни делала в доме по хозяйству, каждые пять минут выглядывала из окна: как он там? И вдруг — нет Сашки. Она быстро метнулась вниз, и из подъезда. Нигде не видит его. Кричит, зовет — без толку. Стала обходить дом по контуру и — о ужас! — смотрит, а ее зорника какой-то мужик запикивает в свою машину! Это пока еще далековато от Натальи, но машина стоит «лицом на выезд», то есть если Сашку заберут, то она даже не разглядит номер машины, так быстро она может умчаться со двора.

«Господи, милый, любимый, помоги мне! Ну хотя бы добежать! Сашка, ты не сдавайся, я к тебе спешу!» — так Наталья молила и Большого, и маленького, пока бежала вдоль длинного дома. Сашка растопыривал руки, бился ногами, но не сдавался. И в легковую машину его пока не могли втиснуть. А тут его мать как закричит: «Ах ты, сволочь такая, оставь в покое моего ребенка!!!» Мужик бешено взглянул на нее, такую же бешеную, спихнул Сашку с рук и мгновенно рванул с места — машина была заведена. От переизбытка чувств Наталья даже не запомнила ее номер. Надо было надрать уши и ей, и ее сыну, но мама его только крепко обнимала и целовала.

Были и другие случаи. Сейчас смешно вспоминать, но так было! У детей утренник, они выступают перед родителями и очень стараются. Саша тоже в кругу артистов. Но Наташа его не узнает — все какие-то одинаковые. «А где наш Сашка?» — спрашивает у сидящей рядом Даши. — «Мам, ну ты по шортам его ищи!» Нашла.

В другой раз приходит за детьми в тихий час — они спят. Но будить надо. Наташу запустили в группу, дескать, будите сами. А детки спят, уткнувшись носиками в подушку. Обошла всех — своего сына не нашла. Но тут снова помогла Даша: «Мам, а ты приподними одеяло и по футболке ищи!» Иногда

Наталья думает: может быть, она была такой плохой матерью?

## ЛЮБИМЦЫ

Сашка еще ходил в детский сад, и Наташа обычно под вечер приходила за ним. Если дети играли во дворе, то при ее крике: «Саша, детка, пойдем домой!» он стремительно срывался, на бегу рвал цветы — лютики, ромашки — и подбегал к маме уже с букетиком цветов.

Наташе удалось сделать старшую дочь Дашу своим «партнером» по воспитанию младшего, возложив на нее определенные обязанности. И не было никакой ревности, злости, зависти. Когда малыш был еще в коляске, Даша кормила его из бутылочки, катала в парке, утешала при плаче. Наташа еще не успела раздать вещи, которые ей добрые люди давали для Даши после своих подросших детей. Так что и коляска, и стульчики, и манеж, и кроватка — все у нее осталось в хорошей сохранности. И даже детская одежда.

Позже просила Дашу беречь вещи, так как после нее их будет носить Саша, и сама уже стала покупать им одежду унисекс, то есть годящуюся и для девочек, и для мальчиков. У Сашки было такое нежное лицо, что все его принимали за девочку. «Девочка, как тебя зовут?» — спрашивали его. Он важно отвечал: «Я не девочка, я Саша». — «Девочки тоже бывают Сашами» — просвещали его. — «Мам, зачем ты меня так назвала?» — «А я и не называла так, ты сразу родился Сашей».

Он ничего не понимал, а это имя ему дала Даша. Бабушка стояла за Филиппа (по святцам), но когда перечисляли подходящие имена и произнесли «Саша», маленькая Даша его подхватила и стала повторять. Так ее брата называли Сашей.

Детишек Наташа приучала к чистоте и порядку. Рвать книжки не позволялось, если только она видела, что интерес к игрушке или книжке утрачен, тут же поднимала их с пола, протирала тряпочкой и прятала в шкаф. Приходит Саша, а мишки уже нет. «Где мой Миша?» — спрашивает. — «Ушел к своей маме, будет отдыхать. И тебе пора уже». После мишки появляется слоник. Ребенок ему радуется, играет. Как слоник надоел, он известным образом исчезает. Появляется зайка. Вот таким путем с наличием десяти игрушек было выращено двое ребятишек. Дети всегда были рады приходу своих друзей, эти игрушки им не надоедали. В результате и игрушки были целы, им не выламывали руки, ноги, не портили глазки от того, что они (бездарно, кучей!) валяются под ногами. И дети обходились малым количеством игрушек. Они успевали соскучиться, задуматься, помечтать о чем-то.

У соседки Тани была дочь, которую все баловали напропалую. Игрушек было море, они круглосуточно кучей валялись на полу, а ребенок все время хныкал, ему было скучно. Тогда они снова приносили ему новую забаву — но ее хватало на пару часов. Ребенка они не приучили фантазировать, обходиться малым.

Как-то приехал по редакционным делам коллега Наташи Дмитрий Макаров. Потом много раз рассказывал, что был поражен порядком и чистотой в доме, где хозяйка — загруженная работой журналистка и двое маленьких детей.



## ДЕТСКИЙ ЮМОР

Конечно, с ними было интересно, а порой и увлекательно.

Когда дети заговорили, Наташа не поленилась и стала записывать их вирши.

Саша, 4 года.

Заходит с ним в автобус. Покупает билеты. И он так громко, на весь салон:

— Что ни попросишь, ты говоришь: «У меня денег нет... Денег нет». А зачем тогда их в ящик бросаешь? (Раньше в транспорте стояли автоматы, выдававшие билеты.)

Все пассажиры смеются.

— Больше покупать билеты в автобусе не будем, — предложил он.

— Почему?

— Мы покупаем, покупаем, а контролер все не приходит. Зря покупаем.

— Саша, хорошо ли ты кушаешь в детсаду?

— Да. Тарелка чистая бывает. Мыть не надо. А ее и не моют.

В духовке испекла картошку в мундире. Детям очень понравилось. Даша:

— Мама, какие ж у тебя золотые ручки!

Саша, 3 года.

— Мамочка, роди мне кого-нибудь, ну хоть белочку говорящую, что ли!

Даша, 5 лет.

— Пап, подними Сашку!

— За что?

— Как за что? За Сашку!

— Я понимаю, что за Сашку, но за что его поднять?

— За живот. Вот так.

И взялась руками за талию.

— Мама, а ты была девочкой? — спрашивает Даша.

— Была!

— А потом ты стала тетей-женщиной?

— Даша, ты что видела сегодня во сне? — спрашивает ее мама.

— Ну у меня же глазки были закрыты, разве ты это не понимаешь?!



## ПРИКЛЮЧЕНИЯ С СЫНОМ

В одну из суббот Наташа с Сашей пошли в прачечную самообслуживания. Дома у них стиральной машины еще не было. Собрали белья полную сумку на колесиках и... вперед. По дороге — овощной магазин. И в него неожиданно завезли много чего полезного — зелень, огурцы, помидоры, бананы. Ну просто буйство плодородия, и оно создало еще и буйство народа. Наташа оставила сына стеречь сумку, а сама пошла занимать очередь то туда, то сюда. Пока «закреплялась» в этих очередях, прошло некоторое время. Возвращается на то место, где был оставлен сын, а его нет. И сумки нет.

Стала гадать, где же он? В прачечную идти страшно — надо переходить оживленную дорогу. Неужели он пошел туда один? Ну не мог же, ему всего четыре года! Наташа ищет сына среди народа, зовет, тревожно смотрит на дорогу, но увы. Сына нет. Идет все-таки в прачечную — чем черт не шутит? Люди сидят, ждут своей постирушки, а сына нет. Неужели его похитили прямо с сумкой? Возвращается к овощному. Ей уже плевать на бананы с зеленым луком, ей нужен сын. Но его нет. Пусто.

Опечаленная, она идет домой, поднимается на свой этаж и... видит своего Сашу с сумкой белья! Радость огромная, а он ей выговаривает: «Сказала, скоро приду, а сама все не идешь. Я уже писать хочу. Еле сумку дотащил». — «Саша, ты на лифте поднимался?» — «Не, до кнопки не дотянулся, а сумка все отъезжает от меня» — «Так ты ее по ступеням тащил?!» — «Тащил, тащил, чуть не описался. А ты все где-то ходишь-бродишь». Наташа опустила сумку на пару ступенек и стала, как он, поднимать ее волоком, и это было даже для нее тяжеловато. (Потом, когда белье принимали на стирку, на весах там было 8 кг!) А как он с этим справился? Вот диво дивное!

И не бросил же сумку, а как муравей дотащил ее до дома. Маленький, а уже ответственный.

Саша стал постарше, уже ходит в школу. Она недалеко — через пустырь.

Однажды осталась дома готовить срочный материал в номер. Сидит пишет, время от времени подходит к окну, смотрит на школу вдалеке.

Потом увидела, как по большому снежному пустырю под метелью идет маленькая согбенная под рюкзаком детская фигурка. Вид несчастнейший, как на картинах Репина.

— Саша! Сашенька! — открыв окно, кричит ему.

И сразу — радость на лице, быстрый бег — мама дома! Значит, горячий обед, интересные разговоры. Как же дети не любят, когда они одни дома!

## ПИВО-ВОДОЧНАЯ ИСТОРИЯ

Конечно, девочки очень отличаются от мальчиков. Даша была спокойная, рассудительная особа. Она не доставляла никакого чрезвычайного беспокойства, на нее можно было положиться. Убирала игрушки, не портила книжки, не ломала, не дерзила. Помогала и маме, и бабушке. Санька был другой. Вспоминаются еще несколько случаев с ним. Наташа стоит в очереди в кассу в универсаме. Саша — два с половиной года — гуляет по залу в своем бордовом комбинезоне, вроде все изучает. Наташа глазами его контролирует. Потом сын направляется к матери и громко так, настойчиво говорит: «Мам, хочу пива. Холодного». Очередь грохнула от смеха. Вроде как он каждый день потребляет этот священный напиток, только в холодном виде он редко ему достается.

В другой раз — картина маслом. Это было время, когда магазины были полупусты, и если вывозилась из подсобки тележка с сосисками, мороженой курицей или второсортным мясом, все сломя голову бросались к ней и хватали сколько удастся. И вот завораживающая сценка. Пока мать добывала продукты питания, Сашка побывал в подсобке, достал оттуда две бутылки водки, взяв их в обе руки за горлышко, и ходит с таким важным видом по залу. Причем еще и размахивает ими, как девушка сумочкой.

Кто-то первый из покупателей ойкнул: «Ой, вы посмотрите!» Все стали «пялиться» на Сашку, с ужасом ожидая, что он по своему малолетству возьмет да уронит драгоценную влагу, а родителям — плати за нее! Другие смотрели возмущенно: «Все эти торгаши где-то нужное народу припрятывают. Молодец, пацан, откопал дефицит, пускай теперь ставят его на полку!» Работники подсобки, прошляпавшие мальчишку-шкоду, стали красться за ним, чтобы обезвредить товар и вернуть его на место. Удалось только с Наташиной помощью. «Саш, ну что ты делаешь? Зачем ты ходил туда?» — «А ты мне купи хотя бы зефиру...»

## В МЕБЕЛЬНОМ

Еще один случай. Наташа с сыном заехали в большой мебельный на Ленинском проспекте. Пока она смотрела на кухонные гарнитуры, Саша (5 лет) затерялся. Вдруг видит — через большое витринное стекло — он уже на улице. Куда ж сорванец направился? Выскакивает на улицу — нет его. Куда делся? Зашел в магазин? Заходит и она. Но сына нет. И вдруг снова видит — он на улице! Снова выскакивает на улицу и снова нет его! Понимает, что так быстро не мог он никуда сбежать. Да и вид у сына был не активный... Магазин огромный, и он никак не мог добежать до угла и скрыться за ним. Ближе всего к нему дверь магазина.

Растерянно смотрит кругом и снова видит его на улице. Быстро выбегает. Его нет. Что за чудо? Как такое может быть? То есть — то нет! Это повторилось несколько раз! Наконец Наташа услышала разговор двух работниц магазина. Одна другой говорила: «Маленький мальчик забрался в витрину, и никто его не вытаскивает оттуда. Как он туда попал?» Ах, вот в чем дело! Сашка проник между больших окон витрины, ходит там, как рыбка в аквариуме, и поэтому мама его не находит ни внутри магазина, ни снаружи — смотрела-то она по косой линии — вдоль стекол.

— Саша, двигайся за мной, — повела она его по периметру магазина в одну сторону, но там выхода не было. В другую — то же самое.

— Где ты вошел?

— Не помню, — отвечает.

Только с помощью работников мебельного выручили сына из этого аквариума.

...Спустя десять лет еще один эпизод был связан с этим магазином. Нужна была кровать для сына. Поехали за покупкой. Но увидели невиданной красоты итальянский гарнитур для столовой. Подружка Света, которая поехала с ними, стала подначивать:

— Купи, купи, не пожалеешь. Займи денег, но купи!

Наташа посоветовалась с сыном.

«Конечно, красивый, клевый, давай купим», — соглашается он.

Отложили гарнитур на день, Наташа заняла на работе деньги, оплатила покупку. Через два дня его привезли домой. Коробки с гарнитуром буквально забили битком их квартиру. Осталась для прохода только одна узкая тропинка.

...Утро выходного дня. Наташа сидит пьет кофе. Сын пробирается по тропинке на кухню, одной рукой поправляет спортивные штаны и сокрушенно-горестно, ну как нечаянный сообщник, ей говорит: «Поехали за кроватью, а теперь — что только творится... Вот беда-то какая!»

## ГАСТРОНОМ И ДАША

Наташе хотелось, чтобы ее дети были максимально самостоятельными, все умели делать, кто знает, что ждет их впереди...

Приходя поздно вечером домой, она просила их: «Дайте хоть что-нибудь поесть, умираю с голоду!»

Ребята суетились, варили кашу или жарили яичницу. Они понимали, что в данный момент маме нельзя сказать: «Готовь сама».

...Даше было шесть лет, когда Наташа решила приучать ее к самостоятельному походу за покупками в гастроном. Дала ей деньги, пакет и сказала: «Если машина близко, дорогу ни в коем случае не перебегай. Даже если ты поскользнешься и упадешь на дороге, у тебя должен быть запас времени, чтобы подняться и перебежать. Вот как далеко от тебя должны быть машины. А в магазине купи нам хлеб, рис и молоко».

Дочь ушла, а Наташа следом за ней, скрываясь за кустами, чтобы дочка не заметила слежку. Видит, молодец, ждет терпеливо, пока освободится дорога. В магазине среди множества людей Наташа ее потеряла. Искала-искала... Наконец увидела: уже стоит в очереди в кассу. Продукты не в корзинке, а в пакете. Но все ли там? Заказанные Даше продукты были нужны, а все ли она взяла — пока неизвестно. Наташа тихонько подзывает к себе стоящую за Дашей женщину. Объяснила ей, что дочка впервые сама покупает продукты, попросила узнать, все ли взяла Даша.

— Даша, ты взяла хлебушек? — вдруг спрашивает дочку чужая женщина.

— Да, тетя.

— А рис, молоко?

— Взяла. Тетя, а это все мама вам заказала или мне? — Женщина даже растерялась от ее вопроса.

Обратно добирались так же. Даша по дороге, мама — кустами. Но прибежала первой. Разделась и как ни в чем не бывало стала расспрашивать Дашу.

— Молодец, сама, Даша, все купила, — поздравила она дочку.

И так совершались все их первые самостоятельные шаги. Как идут в детский садик, как уходят, гуляют на улице. Вроде одни — Наташа подчеркнуто доверяет им, а сама глаз не спускает, пока не увидит, что ее уроки прочно усвоены.

## ПРЕДСКАЗАНИЯ

Однажды у Наташиной приятельницы был день рождения. Она пришла туда со своей подругой Светой. У именинницы оказалось много гостей. Среди них была и Надина Желодковская — молодая женщина, умеющая предугадывать чужую судьбу.

Света попросила Надину рассказать, что ее ожидает.

— Все у тебя скоро изменится — и в семье, и на работе. Причем очень скоро. — добавила уверенно.

— Надина, у нее все нормально. О чем ты говоришь? — заступилась за подругу Наташа.

— Вот увидите, как все поменяется. И у тебя, Натали, будут испытания и очень серьезные. Не пройдет и двух недель, как ты окажешься на пороге между жизнью и смертью.

На третий день после именин Наталью так скрутила неведомая болезнь, что ее тут же отвезли в больницу. Но и там не могли понять, что же является причиной таких сильных болей в пояснице. Решили, что аппендицит.

Стали готовить страдальцу к операции. Но она чувствует, что это не аппендицит.

Приходит хирург, садится на ее кровать:

— Ну что, милая, скоро мы вас прооперируем — и все будет о'кей.

— Доктор, предупреждаю вас: если окажется, что такая боль не от аппендицита — вам не поздоровится.

Он посмотрел на нее, ушел и... Что вы думаете? Ее выписали! Сказали, что гастродуоденит, нужна диета и все остальное — щадящее.

Напоследок все-таки решили взять кровь из пальца. Молоденький медбрат спросил:

— Боитесь из пальца?

— Боюсь!

Он взял ее палец. В другую руку острый «дырокол». Держит его высоко над пальцем и снова спрашивает:

— Так боитесь?

— Боюсь! — она отвечает, а он наслаждается.

— Вы по-прежнему боитесь?

Ее палец, зажатый в его руке, совсем посинел.

«Да коли же ты поскорее, шут гороховый!» — думает Наташа. Нет, ему надо поиздеваться.

— Так все равно боитесь?

— Боюсь!

— Честно боитесь?

— Ах ты, сука, сейчас сам у меня всего забоишься! — она с силой выдернула руку и замахнулась на него. У него — глаза на лоб.

— Боишься меня? — грозно спросила она.

— Боюсь! — так же жалобно, как недавно Наташа, ответил он.

— То-то же. Правильно делаешь, — сказала она и ушла из процедурной.

Самое удивительное, что шла почему-то совершенно прямо, хотя до этого не могла разогнуть спину, ходила вся скрюченная. Вот что делает гнев.

Привезли ее — на радость — домой. Стала себя настраивать на легкое недомогание. Но не тут-то было. Боль сумасшедшая, уже думки пошли, что будет с детьми, когда ее не станет. Жалко их так стало...

## ГЕПАТИТ

Больная Наташа лежит дома в постели. Страдает, не понимает, что у нее. Вспоминает предсказания Надины, и все холодеет внутри: с кем останутся ее любимые детки, а им еще по пять и семь лет. А тут еще сын просит поиграть с ним. Но разве ей до игр:

— Саша, милый, поиграй сам, мне так плохо, что могу умереть...

Сын внимательно посмотрел на маму и ушел к игрушкам.

Снова Наташу забрала скорая и возила по двум больницам — не могли установить диагноз. Только в четвертой больнице она сама, увидев свое желтое отражение в зеркале, поняла: это гепатит. Пошла к сестре: «Срочно отделяйте меня от остальных, я заразная». Но медперсоналу все было «по барабану» — лишь к вечеру перевезли ее в Боткинскую больницу.

Там она оказалась самой худшей по состоянию здоровья. Каждое утро из нее выкачивали кровь на билирубин, и, глядя на анализы, врачи качали головами: «Состояние очень тяжелое».

Навещала Наташу ее верная подруга Света. В записках она сообщала, что узнала об измене своего мужа. К ней пришла его любовница и рассказала об их длительных отношениях. Теперь Света принимает решение разойтись с мужем. Ей очень тяжело, не с кем обсудить ситуацию. Да и Наталья находится в инфекционном отделении — к ней не пускают. Наташа тоже стала очень переживать за подругу — простить ей мужа? Или расстаться с ним? На руках у нее остается маленькая дочка Ксения. На подруг обрушились сильные удары, и, главное, одновременно. Бывает же такое! Как им помочь друг другу?

Совершенно неожиданно Наташу навещает Рая Шеремет — секретарь парткома по прежней работе. Передает мешочек овса, дуршлаг, термос и рецепт излечения от желтухи.

Он таков. Вечером надо засыпать в термос один стакан промытого, но неочищенного овса, залить одним литром кипятка. Все настаивается ночь. Наутро вылить все через дуршлаг в миску, выжать пестиком, промывая той жидкостью, что уже в мисочке. Словом, делать как клюквенный морс. Затем эту белесую взвесь взбалтывать, выпивать по трети стакана в теплом виде — разогреть в мисочке — за полчаса до еды. Кроме того, надо есть много квашеной капусты.

Здоровье Наташе нужно было позарез, и она стала за него бороться. Готовила, пила овсяный отвар и быстро пошла на поправку.

Как-то вечером в отделение привезли новую больную. Желтую, страшную. Она лежала в палате напротив. Наташе так жалко ее стало, что вечером она увеличила овсяную заварку, а утром понесла ей свое снадобье. «Буду делать на двоих», — подумала она.

Но женщина категорически отказалась выпивать овсяный отвар..

— Вы знаете, кто я? — спросила она.

— Нет, не знаю, — ответила Наташа.

— Я врач, кандидат медицинских наук и никакие настои я принимать не собираюсь, — еле живым голосом отрезала она.

Потом еще раз — через пару дней — Наташа вновь предложила свое лекарство. Врачиха снова отказалась и очень туго выходила из болезни.

Наташа удивлялась ее упрямству, но переубедить не могла.

Тем не менее они познакомились и даже подружились. Валентина Александровна Шкоденко была опытным врачом-гинекологом и интересным собеседником.

Пока Наташа находилась в больнице, с ее детками сидела бабушка-выручалочка. Детей в больницу не пускали, и мама и детки очень соскучились друг по другу. Это не помешало пятилетнему сыну Саше, увидев похудевшую мать, сказать: «Говорила мне: иди, иди поиграй сам, один. А то я умереть могу. А сама не умерела. Обманщица».



## РАЯ

Из больницы Наташа вышла через двадцать дней и потом, к счастью, не страдала печенью. Слава Богу и большая благодарность дорогой Раечке за ее заботу. Даже после такой болезни Наташа могла есть все, при необходимости — даже выпить, и ее организм не бунтовал.

С Раисой Ивановной они подружились еще при Наташиной работе в газете МЭЛЗа. Это она научила подругу: «Не спеши бить морду!».

Сошлись они на таком важном деле, как вера в Бога. Тогда это было запрещено, все-таки обе работали в идеологическом секторе. Однако они вместе тайно ходили на праздничные православные службы, привозили откуда только могли друг другу святую воду, иконы.

Однажды на большой службе они оказались в храме Николая Чудотворца в Хамовниках. В этом храме Наташа отмаливала от болезней своих детей. Сколько слез здесь пролила у иконы своего любимого Святого, и он всегда, во всех добрых делах помогал ей. Единственное, чего не любит Николай Чудотворец — это неблагодарности. Сделал тебе добро — благодари Его! С другой стороны, а кто любит неблагодарных?

С третьей стороны, все мы в разные моменты можем — даже нечаянно — быть неблагодарными. Забыли, не успели, не подумали, как человеку это важно. Но «за неблагодарных Бог благодарит». Видимо, подразумевается то, что не обязательно все между людьми должно быть «баш на баш». Один тебе сделал добро, ты — другому, и так по цепочке, лишь бы хорошее дело множилось.

...После вечерней службы, ближе к ночи, Рая звонит Наташе и голосом, полным отчаяния, сообщает:

— Я забыла в храме возле свечного столика все свои партийные документы! Что теперь будет? Полный кошмар! Если они пропадут — мне не поздоровится, поставят вопрос о моем персональном деле. Если посмотрят внутрь папки, увидят, чьи-то телефоны и позвонят на работу: «Возьмите в нашем храме свои важные партийные документы», будет еще чище. Что делать, скажи?

Наташа вошла в положение подруги и утешила ее:

— Иди, родная моя девочка, спать. Утром заедешь в храм и возьмешь свои документы. Тебе не будет никакой беды. Бог этого не попустит! Верь! Да ты же и сама это понимаешь.

Она немножко успокоилась, а утром все было, как Наташа и предвидела.

## БЕДНОСТЬ

Главный редактор был доволен и тиражами, и любовью читателей к его детищу. Но жили все тогда бедно. Как-то Владислав Андреевич и Наташа встретились утром на выходе из метро, вместе шли до редакции.

Владислав Андреевич сетовал на несправедливость: газета выдает многомиллионные тиражи, прибыль от них государству просто зашкаливает, а он не имеет возможности ни повысить журналистам зарплаты, ни купить редакционную машину, ни выбить от государства помещение для газеты.

Как большая оптимистка, Наталья утешала его: все будет, надо потерпеть. Самое главное у них уже есть — уважение людей, для которых они изо всех сил стараются. Находят, выуживают, интересно подают нужную, полезную информацию: по существу, газета проводит «образовательные» классы, учит людей объединяться и бороться за свои права.

Еще она говорила Старкову о том, что пройдет время, и о нем будут писать книги. Настолько необычным, ярким было его дело. «Ну разве только ты и напишешь», — с улыбкой сказал он.

Феномен Старкова заключался главным образом в том, что его искренне и глубоко интересовали люди. Он любил их. Мог слушать часами, запоминал разные обстоятельства их жизни. Разные любопытные сюжеты. Открыто рассказывал о себе. Выдавал яркие идеи и обожал выслушивать их сам. Любил экспериментировать...

Это был очень яркий, харизматичный человек, прирожденный лидер. Вождь. И притягивал он к себе не административным ресурсом, а своим исключительным обаянием. Как только ты познакомился с ним, так, считай, и влюбился. Для него не существовало предпочтений ни в расах, ни в вероисповедании, ни в возрасте, ни в профессии. Интересный человек ему был интересен всегда. Он сам «питался» яркими людьми.

«Знаешь, я многому у тебя учусь», — часто говорил Наталье, но она понимала, что и у других тоже. В то время для Натальи он долго был — наравне с матерью — главным человеком в жизни.

Были ли у него недостатки? Были, их вполне хватало, так что блеск его харизмы не ослеплял журналистов, не затмевал их разум. Но разве они сами — его ученики — были только белыми и пушистыми? Конечно же, нет!

## ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Писем читателей приходило столько, что Наталья опасалась, как бы они ее не «вогнали в гроб». На каждое надо было обязательно дать ответ. Она не успевала, а гора писем с каждым днем увеличивалась. Это было первое ее несчастье. Второе — это требование бюро проверки возле каждой цифры в материале указывать ее источник. Нет источника — убирайте свои цифры! Некоторые данные, вычисленные ею, так ярко подчеркивали сложившуюся в стране ситуацию! Например, за 1 кг зерна, закупленного за рубежом, мы отдавали 4 литра нефти! Разве это не ЧП союзного масштаба? Зерно растет один сезон, а нефть «зреет» столетиями! Разве страна не способна сама кормить себя хлебом?

Можно было бы сказать, что и Наташина работа была замечательна, если бы не две этих «отравы» — бюро проверки, пившее ее кровь больше всего, так как именно у нее было много цифр. И поток писем — благодарных, умных, содержащих интересные темы и вопросы, но на каждое следовало вовремя ответить. А где взять время?

Анализ же действительности складывался потрясающий. У нее «завелось» много сильных авторов, и все главные ученые уже выступили на полосах газеты. Был очень яркий, образный в своих оценках Павел Бунич, был зачинатель новой экономики Станислав Шаталин; были смелые Абел Аганбегян, Николай Петраков, Владимир Тихонов и много других ученых.

Благодаря им складывалась четкая картина того, как должна быть построена экономика, чтобы всем честным, добросовестным и трудолюбивым людям было хорошо.

Разумеется, не только ее статьи, интервью, но и других одаренных сотрудников, тружеников пера, имели большой резонанс, вызывали уважение к газете. Тиражи росли и росли. Уже достаточно было сказать, что ты из «АиФа», и двери любого учреждения перед тобой раскрывались. Людям казалось, что журналисты этого издания все знают и все могут — пред ними нет преград.

Была какая-то мистика, но читатели искренне полагали: газета знает все. И что делается за рубежом, и что в Кремле, и что у них на кухне. Такой пример: Наташа написала заметку об объемах производства нефти, ее стоимости и перспективах. Вскоре получает письмо, в котором ее просят подробнее рассказать, как будут развиваться новые месторождения нефти. Что будет с ценой на нефть через 5–10 лет. На первый взгляд — рядовое письмо, такие она получала по две-три сотни в день! Но... подпись ее просто «сразила». Вопрос задал начальник отдела нефтепродуктов Госплана СССР!

Интересно, к кому бы она стала обращаться в поисках ответа на этот вопрос? Разумеется, и к нему же в том числе. Ну дают ребята! Думают, что она знает больше их? А ведь думали так, раз написали такое письмо!

Авторитет газеты тогда был так велик, что читателям казалось — все ответы здесь заранее знают и, как факиры, достают их из рукава! Но особое восхищение Наташи вызвало письмо такого содержания: «Вот все говорят и пишут о конце света. У меня к «АиФ» два вопроса. 1. Сообщите нам, когда же

точно будет конец света? 2. Что тогда будет с Землей и нашей страной после него?»

## ЗНАКОМСТВО С ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ

Шли сумасшедшие перестроечные годы. На календаре 1989-ый, многострадальный. Во власти Михаил Сергеевич Горбачев со своими реформами, демократией и гласностью. Сначала многие в него влюбились, благодарили, что показал все ужасы жизни под пятой партии, но потом, когда кроме критики сам ничего не создал, а только разрушал, всем уже надоел. Потому что и демократия наступила, и гласность льется из всех щелей, а экономика буксует. Все вышли на улицу, каждый умничает, работать никто не хочет. Магазины пусты, старые цены не устраивают новых немногочисленных производителей. Люди в злобе и растерянности.

Наташа была в числе парламентских корреспондентов и целыми днями работала в Верховном Совете СССР. Познакомилась со всеми депутатами, политиками, экономистами...

Как-то раз появляется из-за служебных кулис премьер-министр СССР Николай Иванович Рыжков. В то время его фигура была очень закрытая. Ни откровенности высказываний, ни смелости, ни критики политики Горбачева от него не жди. Все напрасно. «Человек в футляре» — как знаменитый чеховский персонаж.

Журналисты разных изданий окружили его и стали сыпать вопросами. Наташа стояла рядом, слушала, но ничего не спрашивала: «АиФ» выходит раз в неделю, и ее вопрос — его ответ будет для родного издания бессмыслен, так как быстро огласится радиостанциями, ежедневными изданиями. Таким образом, она бы спрашивала не для «АиФ», а для коллег. Но у них и своих вопросов достаточно. Николай Иванович отвечает, а сам смотрит на Наташу и спрашивает:

— Вы из какого издания?

— Из «АиФа».

— Ах, так это вы очень уж не любите Совмин?!

— За что же его любить, Николай Иванович, — с горечью в голосе ответила она, — за что ни возьмись — все разваливается...

— Не все. Вы ошибаетесь.

— Неужели? Тогда давайте встретимся, у нас к вам очень много вопросов.

— Это реально, мой помощник назовет вам время.

Молодой симпатичный помощник сверился со своим блокнотом и говорит:

— Вторник, в 11 — нормально? Но я вам перезвоню. Ваш телефон?

Наташа дает секретарский.

Интервью с премьером — об этом она даже не мечтала!

Приезжает в редакцию, но пока не говорит об этом шефу (чтоб не сглазить). Начинает усиленно продумывать вопросы.

В понедельник утром раздается звонок из Совмина редакционной секретарше:

— Мы подтверждаем, что завтра в 11 состоится интервью Николая Ивановича Рыжкова вашей газете.

Шеф в радостной панике. Сообщает Наташе об этой встрече и говорит:

— Пойдем вдвоем.

Она ему:

— Вдвоем нельзя.

Интервьюировать вдвоем, втроем всегда хуже, чем тет-а-тет. В советское время на нашем телевидении трое маститых журналистов брали интервью у Маргарет Тэтчер — премьер-министра Великобритании. Ребята многоопытные, но не заточенные на искушенного политика. А она — одна! — оказалась заточенной. Чем труднее ей задавали вопросы, тем легче она их отбивала! А они — как овцы — тыкались к ней то с одной стороны, то с другой, то с третьей. Те, кто придумали посадить перед М. Тэтчер троих, совершенно не понимали смысла интервью. Это духовное соитие. Это интимная схватка. Это дуэль на рапирах. Тогда при чем тут трое? Она их легко — как котят — «раскатала». Гораздо легче отвечать троим, чем одному! Разве танго или вальс станцуешь втроем?

Вот так думала Наталья: «Если мы вдвоем окажемся в кабинете премьера, то шеф сам будет опасаться моих острых вопросов и тут же начнет их «умягчать». Получится, что я стану разговаривать не с премьером, а со своим... шефом. Защитником премьера. Такое у нас с ним однажды уже было и ни к чему доброму не привело.

У каждого из нас свой «статус»: я — бесшабашно смелая, а он, как руководитель, обязан быть политкорректным, думать о безопасности своего издания. Каждый по-своему прав, но смешивать это в одном кабинете не следует».

Шефу она предложила пойти без нее. Он не согласился.

## ВСТРЕЧА В ВЕРХАХ

...Вечером она постирала свой лучший костюмчик, утром отутюжила его. Отправив детей в школу, сама направилась в парикмахерскую. Там так долго ждала медленно текущей очереди, что, когда наконец прическа была сделана, времени оставалось совсем в обрез.

«Возьму машину», — подумала Наташа. Но тут хлынул ливень, а зонтика с собой не было. Еле уговорила частника добросить ее до храма Василия Блаженного.

— Выручите меня, пожалуйста, ужасно тороплюсь, — голосом, которому невозможно отказать, просила она.

— К кому, красавица?

— К премьер-министру.

— Ну и шуточки у вас. Или сейчас все женихи так называются? — спросил он, пока она пыталась просушить костюм и свою уже мокрую прическу.

Потом она почти бежала по длинным кремлевским коридорам, а постовых уже по местному телефону опрашивали, не проходила ли журналистка мимо них.

Слыша свою фамилию (они переспрашивали), Наташа махала им рукой — вот она я!

Минута в минуту вошла в огромный кабинет премьера. Когда-то в нем сидел сам Сталин. И от этого кабинет имел зловещую ауру. Но она в пылу предстоящей схватки этой плохой ауры не почувствовала. Они были один на один. Николай Иванович предложил место и внимательно смотрел на Наташу.

«Почему такой слабый отбор министров? Почему не ищите талантливых? Зачем «троечники»—министры передвигаются с места на место, хотя куда они ни садятся, «все в музыканты не годятся»? Когда появятся продукты в магазинах? Когда будет четкая программа экономического развития? Почему в шею не гоните тех, на кого нельзя положиться?» — такие вопросы она задавала председателю союзного правительства.

Премьер терпеливо отвечал, «отмазывая» от нападков своих министров. Он доказывал, что они не такие уж плохие (дескать, бывают спецы и хуже), но Наталья держалась своей линии: показать, что страна, народ заслуживают лучшей жизни, и это зависит от руководства. В чем-то соглашался с ней, где-то даже откровенничал.

Спросила о семье, детях, о жене (тогда это была большая вольность). Они явно превысили лимит отпущенного времени, но Николай Иванович сам со вниманием прислушивался к «людским» оценкам работы его кабинета и их реакции на ключевые проблемы жизни страны.

Потом Наташа его спросила:

— Признайтесь, давно ли вы гуляли босиком по мокрой траве? — В общем-то это можно было расценить совсем уж как вопиющую вольность... Трудно представить себе чопорного члена Политбюро, ступающего белыми нежными ножками по мокрой травке. С подвернутыми брюками, в окружении охраны... А на лице его — неожиданное выражение щекотки и радости...

— Забыл уже, — с улыбкой ответил премьер. — А так хочется!

Время интервью давно уже перешло свои границы, Наташа стала прощаться, складывать блокнот, диктофон...

Но Николай Иванович остановил ее:

— Хочу вас тоже порасспросить. Кто вы такие? Откуда взялись? Кто ваш главный редактор? Откуда такие сумасшедшие тиражи?

— Правду пишем, никого не боимся...

— Почему никого не боитесь?

— А чего бояться? И кого бояться? Власть сама уже начинает бояться народа, а мы — за народ. И наш главный редактор оттуда — из народа.

В этом была их основная «фишка» — огромная сила редакции. Все, о чем писала газета, было пережито ими самими. Никого из них не было из «номенклатуры», не было блатных. Как и все, еду редакционные покупали в полупустых гастрономах, на рынках. Сами все жили в убогом жилье. Одежда была как у всех. Что достали в очередях — то и носили. Поэтому любой газетный материал «дышал» этой нелегкой советской жизнью. Единственной отдушиной было творчество, отсюда и развелось столько поэтов, музыкантов, художников. Плюс наш подвижнический труд «во имя народа».

Кратко, но с большой убедительностью она рассказала своему собеседнику о Старкове — смелый, горячий, с идеями. И о том, как нелегко им живется.

Прощаясь, она отдала редакционное письмо премьеру, оно как раз пришлось в тему. Что это было за письмо?



## КТО ДОБУДЕТ... ДОМ?

Однажды на редсовете Старков стал сетовать на тесноту в редакции. Вроде уже к этому привыкли, хотя понимали нелепицу: редакция из 25 человек выдает газету с 30 миллионным тиражом и ежегодно приносит стране огромную прибыль. А журналисты, как изгои, все в одной трехкомнатной квартире! Комнаты ремонтировались по очереди. Вот в этот раз строители ушли из отремонтированного помещения, оставив там мусор — обрезки панелей, клей, лак и все прочее. Никто не хотел убирать: не престижно — раз, надо физически потрудиться, испачкаться — два. Да и пошла она к черту, эта уборка! Не для того сюда пришли! Комната эта предназначалась для отдела экономики.

Наташа нашла халат уборщицы — и за дело. Вынесла мусор, взяла пылесос, мокрую тряпку.

Старков с удивлением обнаружил ее вечером за этим «примитивным занятием».

— Больше некому?— спросил он.

— Некому. Не хотят. Чего ждать? Помещений не хватает. К тому же я тоже здесь буду работать...— ответила ему.

Прошло какое-то время, и Старков на расширенном редсовете произнес такую неожиданную фразу:

— Я знаю, кто нам добудет новое помещение.

Все с интересом посмотрели на него.

— Кто же?

— Этот человек среди нас.

Все посмотрели друг на друга, но ничего интересного не увидели. Шутит, что ли?

— Ладно, не буду интриговать. Это — Наталья Николаевна.

— Я? С какой стати? То есть как это я добуду помещение? Какое? У кого?— ужаснулась Наталья.

— Сегодня утром мне показали один дом, за который нам надо побороться. Там, конечно, находится одно учреждение, «Санпросвет», но им могут дать другой офис...

— Владислав Андреевич, вы шутите?! Мне это не по силам, — переживала новое обстоятельство Наташа.

— Вы справитесь, я уверен. А наградой будет премия в тысячу рублей и месяц отпуска. Дополнительный...

Как ни странно, но все согласились с тем, что Наташа сможет заполнить... красивую старинную усадьбу на Мясницкой. Таким оказался дом, который утром показали Старкову.

И вот теперь, когда предстояла встреча с Рыжковым, Наташа предложила:

— Давайте напишем письмо премьеру о нашем бедственном редакционном положении.

Написали. Его-то она и вручила любезному Николаю Ивановичу.

...И снова поздним вечером, уже ночью, она расшифровывала запись интервью. И снова внутри холод. Ой, не выпустит Рыжков это в печать! Забоится.

Наталье слишком часто до этого говорили:

— Это не для печати. Только для вас. Для печати мы подкорректируем...

И в итоге от острого интереснейшего материала оставался пусть не рядовой (она старалась этого не допустить и билась до последнего), но все-таки не тот, живой, экспрессивный, что был вначале. Иногда, каясь потом ему же, использовала имя шефа.

— Ох, как будет разочарован Старков! Как расстроится, увидев вашу безжалостную правку!

— Разве вы уже показывали ему этот материал?

— Да, конечно, не могла утерпеть. Да и ему было интересно. Он сказал, что материал — высший пилотаж.

После этих «обманных слов» правка была уже менее жесткая. Магия «АиФ» и имя Старкова на людей действовали. Иногда она признавалась шефу в этих проделках, когда все страшное было позади. То есть когда им «сходило с рук», как он говорил. Наташе не хотелось травмировать его психику в ответственный момент. Журналистов у него много, а он у них — единственный.

## ПРАВКА

Перепечатанное интервью Рыжкова лежало перед Наташей. Хотела показать его шефу.

— Не надо. Пусть сначала подпишет, — мудро говорит он, так как знает, какая разница может быть между двумя этими текстами. Не хочет разочаровываться, если будут большие сокращения и правки.

Отправляют курьером текст в Совмин. Просят переслать обратно в редакцию через день, так как он планируется в очередной номер.

Наталья снова переживает — страсть как! Уверена на 99,9 процентов, что их разговор останется для них двоих. Уберет он и часть ее вопросов, и часть своих ответов. Будет «как всегда» — дежурное интервью, как в других СМИ.

Молила Бога помочь ей, плохо спала ночью...

...В то утро пакета из Совмина долго не было. Звонит помощнику, спрашивает.

— Когда же вы вернете наше интервью?

Ей отвечают:

— Премьер еще не читал. Идет заседание, после него.

Врут, думает Наташа, все переписывают заново.

Вдруг звонок из Совмина. «С вами говорит заведующий секретариатом Бацанов. Я занимаюсь этимологией фамилий, мне очень интересно, что означает ваша? Откуда она? Откуда вы родом?»

Приехали! Все понятно, испугались, что какая-то (не из их журналистского пула) женщина «пробралась» к премьеру и «раздевает» его перед всем миром. Как посмела? Может, подослана?

Сделав вид, что уважает его любопытство к этимологии фамилий, спокойно ответила, кто она и откуда.

— Хорошо, ждите конверт, — пообещал Бацанов.

Часа через два прибывает фельдъегерь и приносит опечатанный конверт. Наташа разрывает его — и видит: чистые, почти без правок листы. Неужели все переделали? Но нет, ее страницы, все вопросы — ответы на месте.

Она просто не верила своим глазам! Такое видела впервые. Что сказал ей — то сказал и всем. Без всяких «ну вы же понимаете...». Вроде как ты, умный, понимаешь меня (тоже умного), а народ не поймет, он же дурак!

Нет, право, премьер — достойный человек!

Она от всего сердца поцеловала этот текст и понесла к шефу. Он читал, влажными благодарными глазами смотрел на Наташу, потом читал дальше и как будто не верил написанному.

— Подписал? Сам? — спросил он, хотя сам же видел подпись.

Она кивнула. Старков встал, стал нервно ходить по кабинету.

— Ты умница, молодец! Правильно, что меня не взяла! У меня бы сердце не выдержало, если бы ты при мне стала задавать ему такие вопросы! Будет тебе премия. Пусть все учатся!

...Когда вышел номер с этим материалом — а ему было отдано три полосы — снова перепечатки в сотне мировых изданий, выдержки из интервью на

радиоканалах.

...Через несколько лет Андрей Караулов рассказал Наташе, что Андрей Аджубей — замечательный журналист и бывший главный редактор «Известий», сказал ему: «У вас появилась журналистка, я даже робею, когда читаю ее интервью».

А тогда... Вот отклики коллег из некоторых зарубежных изданий, комментирующих эту беседу.

«Копает простой лопатой, но как глубоко!» — так прокомментировал интервью один известный английский журналист.

«Разговор на равных с высочайшим лицом государства... Когда такое видели в Советском Союзе, где еще полвека назад людей казнили даже за косо́й взгляд на кремлевских вершителей судеб?!» — удивлялся американский коллега.

«Молодая журналистка или председатель правительства СССР — кто победит? — На такой вопрос ищет ответ у своих читателей самая многотиражная советская газета», — сообщал немецкий журнал.

Рыжков поразил Наташу своей простотой и интеллигентностью, терпеливостью и терпимостью. Запросто мог бы не отвечать на ее «пыточные» вопросы. Сорок минут, и прощайте, наглая девушка из внепартийной газеты с каким-то непонятным редактором во главе. А они общались больше двух часов. Когда она вышла из кабинета — вся приемная премьера была забита большими чиновниками.

Рыжков был единственным из всех, кто заинтересовался «АиФ» как изданием. Он искренне пытался понять, что же происходит с советскими СМИ. И именно он пожаловал им красивый старинный особняк на Мясницкой, 42. Там находился Институт санитарного просвещения, он раскинулся на площади две с половиной тысячи квадратных метров. Его попросили потесниться, чтобы одно крыло досталось и «АиФ». Санитары были против.

Когда руководители еженедельника туда приехали, сотрудники НИИ забаррикадировались и не хотели их пускать. Газетчики внушали им эту необходимость, но двери они не открывали. Шеф растерялся, выжидательно смотрит на Наталью, дескать, что же это за дар для редакции, если мы не можем туда попасть? Правильно, но что в свою очередь она может сделать?

Ах, вот что! Звонит в приемную Рыжкова, и их там сразу же утешают: «Приезжайте завтра, проблем не будет».

## ВЕЛОСИПЕД КАК СРЕДСТВО ДЛЯ СТРЕССА

Наташа купила Саше красивый трехколесный велосипед, сын на нем наматывал километры. Дома в их микрорайоне расположены полукругом, они как улитки свернулись на территории. И вот Саша мирно катит с горочки посреди проезжей части и его трудно увидеть из-за круглого поворота, а оттуда навстречу ему как раз на приличной скорости несется такси. Машина с шашечками вылетает прямо на пацана. Ему в то время было лет пять. На тротуаре стояли и беседовали женщины. Они увидели этот страшный момент: вот мчащаяся машина и вот он, ребенок. До него оставался короткий отрезок, когда таксист увидел свою нечаянную жертву.

Раздался чудовищный скрип тормозов, тетки заорали как оглашенные и уже закрыли глаза, чтобы спасти себя от жуткой картины, но таксисту удалось вывернуть своего боевого коня от маленького велосипедиста, лицо его было белым как мел, он приостановился, выругался по-русски в адрес родителей и уже медленно поехал со двора. Тут и мать, такая-рассякая, появилась. Женщины ей живописали эту душераздирающую картину, а она вновь и вновь благодарила Господа за Его бесконечное милосердие, благодарила и мужика-таксиста за его профессионализм и сожалела, что не может его найти, чтобы подарить свой цветной телевизор. Это была единственная ценная вещь в семье.

С этим велосипедом была связана еще одна детская история. Идут они со Светой, разговаривают о своих делах, а впереди вдоль домов-улиток катит Саша. И вдруг его нет. Женщины туда-сюда, а это не улицы и не проспекты, тут ничего не просматривается, и за каким поворотом катит он — им неизвестно. И куда он дальше покатит — только один он и знает. Слава Богу, увидели подросток-велосипедистов. Попросили их объехать эти круглые дома и найти нашу пропажу. Пообещали много конфет. Ребята ринулись выполнять задание, объехали все дворы, но тщетно. Они сами заинтересовались, где же этот маленький пацаненок?

Часа два его искали все! И все ж таки нашли! Оказывается, потеряв маму с тетей из-за своей повышенной скорости, он тоже не обрадовался такой ситуации, но и не растерялся. Он поехал домой! Его ищут на чужой территории, а он их поджидает возле дома. Если нарисовать картинку — план местности, где его потеряли и куда он приехал, то взрослый человек не поверил бы, что четырехлетний ребенок может найти свой дом среди таких же похожих! А он нашел. Как его находят и кошки, собаки, если их потеряют хозяева. Так что конфеты ели и старшие дети, и этот проказник.

## ДЕТСКИЙ ЮМОР

После подписания номера в печать Наташа поздно пришла домой. На плите кипит вода в кастрюльке. «Саш, ты что тут готовишь?» — спрашивает его. — «Пельмени будем есть. Со сметаной». — «А где ты возьмешь пельмени?» — удивляется она. — «Как где? — В холодильнике». Открывает морозилку, а там ничего нет. Он озадаченно смотрит на маму: «А куда они подевались? Они ж всегда здесь были!» — он раньше видел, как мама открывала морозилку, брала горсть пельменей и опускала их в воду. Ему казалось, что они всегда-всегда есть в морозильнике. Вот такой житейский облом: не положишь — не возьмешь.

Тогда он стал печь блины, и они ему удавались. Вполне можно было поужинать, особенно после позднего возвращения с работы. Большой радостью было и то, что соседи иногда угощали их то пирожками, то самодельным печеньем или сырниками. Приходишь домой, а там на тарелке ее доля (дети ее не съедали). И уже по тарелке видно, кто к ним приходил и приносил свое щедрое угощение. Спасибо вам, заботливые и добрые, добрые соседи!

Кое-что из сказанного детьми Наташа записывала. И вот как они со взрослыми общались.

Даша была в комнате папы, затем приходит к матери:

— Мама, я там надоела.

— Мама, а твой золотой ключик (на шее у Наташи висел на цепочке) может превратить кого-нибудь в кого-нибудь? — спрашивает Даша.

— Да.

— Кого?

— Непослушный детей в послушных.

— А чего же ты нас не превратишь?

Идут втроем по улице. Вдруг Саша просит купить ему детскую коляску.

— Саш, ты ж из нее уже вырос, куда тебе?

— А я буду маленького возить.

— Где же ты его возьмешь?

— Родю.

— Саша, мальчики ведь не рожают. Не умеют.

— Ну что ты, мам, — вмешивается в разговор Даша, — он же не сейчас родить будет, а когда вырастет.

Саша держит ручки в штанишках.

— Саша, вытаци руки, не играй с пиписькой, а то она отвалится.

— А у Даши она уже отвалилась, да?

— Саш, когда вырастешь, кем ты хочешь стать?

Подумал немного и твердо так отвечает:

— Бабушкой. (У бабушки машина, значит, и у него она будет.)

Даша, 7 лет.

Наташа собирается идти в школу к Дашиной учительнице. Спрашивает у дочери: какая она, как мне узнать твою учительницу?

Даша деловито говорит: «Сейчас я тебе ее нарисую».

Саша, 6 лет:

— Мам, дедушка говорит бабушке: «Давай продадим к черту эту машину». Бабушка отвечает: «Нет, я не могу без машины, привыкла». А я сижу и думаю: и зачем ей эта машина, если у нее тормозная жидкость протекает?

## А ВЫ, СТАРКОВ, УВОЛЬНЯЙТЕСЬ!

В очередном номере «АиФа» были опубликованы данные социологического опроса. Впервые в советской печати. Раньше и в голову никому не приходило интересоваться мнением народа. Опрос был об отношении населения к политическим деятелям. Первое место занял Сахаров. За ним шел Ельцин. Горбачев оказался на третьем месте.

Через два дня в ЦК проходило совещание по идеологическим вопросам. В зале сидела сотня руководителей разных СМИ. В числе их и Старков. В президиуме — Горбачев, Рыжков, Яковлев и другие.

Горбачев «раздолбал» несколько газет за неправильную позицию, крепко прошелся по «АиФу» за то, что посмели поставить его на третье место, в конце совещания бросил в зал: «А вы, Старков, останьтесь. На вашем месте я написал бы заявление об уходе...»

Позже Рыжков рассказывал, что после Наташиной жаркой похвалы главного редактора ему было очень интересно своими глазами увидеть Старкова. Каков же этот загадочный человек? И он специально стал медленно собирать со стола свои бумаги, ожидая, когда же все другие разойдутся...

— Старков, увольняйтесь, я не потерплю больше ваших инсинуаций! Тоже мне надумали: соцопрос проводить! — сказал шефу Михаил Сергеевич.

Удрученный Старков приехал в редакцию. Собрался редсовет, и стали думать, что делать. Все высказались в том смысле, что пошлите вы Мишу подальше. Но им легко советовать, а ему-то надо что-то делать. Что? Скоро наступит завтра...

Перебирали варианты, высказывали версии, выдвигали идеи. Все сходилось в одном — не сдаваться. В полночь разошлись, предчувствуя, что им предстоит серьезная схватка за шефа, а по большому счету — за газету, драгоценное детище. С одной стороны — уже гласность, с другой стороны — ЦК еще в силе. Снимет с работы, и что ты сделаешь? Это же идеологический фронт. И газета не своя, а государственная, значит, и место главного — государственное. Как тут поупрямишься?

Но спас положение Солженицын, совершенно об этом не ведая. У него есть замечательная книга — «Бодался теленок с дубом», которую можно рассматривать как букварь борьбы диссидента-одиночки с беспощадной государственной машиной. Ее должен (и не раз!) прочесть каждый борец за свои права.

Солженицын советует: производите как можно больше шума, как можно больше втягивайте людей, которые будут отслеживать вашу схватку. И не сдаваться, не проявлять уступчивости, слабости — ни при каких обстоятельствах. Тогда победа обеспечена. Не бояться никогда и никого! — вот девиз Александра Исаевича. В редакции решили пойти по этому проторенному пути.

На следующий день Наталья снова была на заседании Верховного Совета. Рассказала всем, что над главным появились черные тучи. И его надо поддержать. Кто-то был поражен: «Как же, в разгул демократии?» Кто-то, к



сожалению, злорадствовал: «Пора вам подрезать языки».

Вечером после заседания она спускалась в лифте на первый этаж. На промежуточном этаже лифт остановился, в кабину вошел секретарь ЦК, ответственный за идеологический сектор Яковлев. Они в нем спускаются вдвоем, лифт дошел до первого этажа, и Александр Николаевич галантно пропускает Наташу вперед.

— Ох, если бы вы, Александр Николаевич, были бы также галантны с нашим главным, — сказала она.

— С кем? — не понял он.

— Со Старковым.

— Выгоняют — ну что тут такого? Политбюро может любого назначить и любого снять.

— А Политбюро его не назначало! Это вы Афанасьева (главного «Правды») сможете двигать туда-сюда. (В этот момент его как раз снимали.) А вот Старкова — не троньте!

— Почему же Старкова нельзя тронуть? — удивился он.

— Потому что он сам из маленького пропагандистского листка создал могучую газету. Ее ищут, читают, ей верят во всем Союзе! Так что Политбюро здесь ни при чем. Он ничего готового — как другие редакторы — не получал. Пришел на пустую поляну и поставил там избу. А теперь, конечно, многим хочется прибрать ее к своим рукам. Не отдадим, — твердо сказала она.

— Тогда пусть он поменьше колеблется со своим курсом, «не играет в социологию».

— А он колеблется вместе с линией партии! Куда она — туда и мы. А социология — это не игра, а наука. И мнение людей нам интереснее, чем мнение высоких партийцев.

Яковлев смотрел на Наталью, пока слушал ее, и в глазах его появлялся мистический ужас. И даже не от слов журналистки (на одно его — пять ее), а от такого ужасного факта: с ним, членом Политбюро, могут говорить так прямо и твердо! Наталью тоже озадачил этот взгляд, выражающий растерянность и потрясение.

— Александр Николаевич, прошу вас, отстаньте от Старкова и посоветуйте это же Горбачеву. Мы за шефа будем драться. Призовем всех, и нас поддержат.

— Я подумаю, что можно сделать, — сказал он, и они расстались.

Самое интересное, никто не помешал этому разговору. Но через минуту тут же появились люди, стали входить в лифт, выходить из него. Словно наверху кому-то надо было дать им поговорить так откровенно.

## АРМИЯ ЗАЩИТЫ

Следовало включать все редакционные ресурсы. На очередном заседании Верховного Совета Наташа нашла помощника премьер-министра Владимира Лукьяновича и попросила его о короткой встрече с Николаем Ивановичем Рыжковым. Он ее устроил.

— Николай Иванович, нужна ваша помощь — помогите выручить нашего шефа! Горбачев на него наезжает, выгоняет.

Тут он и рассказал Наташе, как впервые увидел Старкова, прямо пред горбачевским гонением. А она в свою очередь порадовалась, что успела Рыжкову самое доброе и хорошее рассказать о шефе, как бы заранее перетянуть его на свою сторону.

Да и успех интервью сыграл свою роль, премьеру понравилось, что там он выглядел не скучным официальным лицом, а думающим и сочувствующим человеком.

— Я прикину, что тут можно сделать, — пообещал Рыжков.

На очереди был Лигачев.

— Скромнее ему надо быть, скромнее. Время такое, — посоветовал он.

— Да как скромнее, видели бы вы, в каких условиях он живет, а ведь газета имеет тираж 30 миллионов! Представляете, сколько денег она приносит каждую неделю государству? Кто еще может похвастаться таким результатом?

— Ну что ж, я поговорю с Горбачевым, пусть не горячится.

На редсовете надумали привлечь внимание зарубежной прессы. Она такое раздует — мало не покажется.

Целую неделю двери в редакцию не закрывались, журналисты привлекали к защите Старкова кого только можно. Наташа сама дала не менее пяти интервью зарубежным агентствам. Шум подняли — будь здоров!

Власти решили к Старкову больше не цепляться — себе дороже. Пусть живут как хотят, дел и без них хватает.

Да и на самом деле от газеты государству была сумасшедшая прибыль — 6 миллионов рублей в месяц. Это были большие деньги. Средняя по редакции зарплата была 130 рублей. И сотрудников было всего 25 человек, включая шофера и машинисток, корректоров.

## ПЕРЕД ШКОЛОЙ

Перед сентябрем Наташа с Сашей пошли в «Детский мир» покупать ему и Даше школьную форму. Всюду очереди, давка. Москвичи, гости столицы — всем нужна детская одежда. А ее так мало и по количеству, и по ассортименту. Наташа оставила сына на первом этаже, где продают игрушки, дала ему один рубль и сказала: «Иди покупай себе, что хочешь, пока я вам форму приобрету. Встретимся вот здесь в зале, под часами». Постояла в очереди, взяла форму. Спускается по лестнице вниз, видит бегущего к ней Сашку, в кулачке у него зажат рубль, и он кричит маме возмущенно: «Мам, рубль не деньги, рубль не деньги! Говоришь, иди покупай, что хочешь, а что на рубль купишь?! Ничего!» Рядом с ним проходил кавказец, он поддержал Сашку: «Правильно говоришь, сынок, за рубль даже чирей на заднице не вскочит. Так и скажи своей мамке».

Гуляют с детьми по своему ясеневскому лесу. Даша спросила что-то про Луну и Солнце. Почему от Солнца светло, а от Луны — темно. Луна старается, светит, а все равно ночь. Мама стала рассказывать им про астрономию. Про планеты, как они движутся, про Медведицу, Млечный путь. Разумеется, старалась говорить по их детскому пониманию. Потом спрашивает: «Все понятно?» Даша вздохнула и сказала: «Да, мамочка. Только я не поняла, а наша бабушка на какой планете живет?»

Летом Наташа приобрела путевки в дом отдыха в Пицунде. Говорит детям, что поедem на море. Даша рада, а Сашка отказывается... «Не поеду с вами. Я только в Японию хочу. Только туда поеду». Пришлось соврать, что мы едем в Японию. Согласился. А там все было написано на абхазском языке. Дети накупались, загорели, поели фруктов. Были очень довольны, и Сашка всем говорил, что он ездил в Японию.

Эта поездка была перед школой. Саша шел в первый класс и все лето с нетерпением ждал этого счастливого момента. Уже были куплены форма, ранец, тетрадки-карандаши-линейки... Было все, но не было 1 сентября. «Мам, я наверное, не дождусь, когда пойду в школу. Жду-жду, даже умереть могу, дожидаясь. Ну когда ж будет это 1 сентября?» — прожужжал матери все уши.

Наступило. Парень не спал всю ночь, волновался. Встал в семь утра, все боялся опоздать. Щупал свои обновки, даже букет его не смущал. «У меня будет лучшая учительница, да? У меня будут новые друзья!» — наполнялся счастьем сын.

Отвели в школу, сдали учительнице, первый звонок, поцелуи. После обеда возвращается домой.

— Саш, ну как тебе школа? — спрашивает Наташа.

Тяжело вздохнул:

— И я в ней должен мучиться все 10 лет?

Господи, да что ж такое?! Что там могли сделать с сыном за три часа? Чем могли его ТАК отвратить от школы?

## ДЕТИ ПОДРАСТАЮТ

Каждое лето детки ездили к бабушке, там набирались сил, ума, там и колобродили. Бабушка научила Сашу водить машину и он рулил уже в 8 лет, стоя перед бабулей, сидящей за рулем и управляя ее «Москвичом». Став постарше, он уже сам приезжал на машине на берег речки и намывал каждую деталь. Наташин отчим возмущался, говоря, что машина так сгниет, он ей не дает даже «продыху». Бабушка понимала это, но она ничего не могла сделать против любимого внука. Однажды дед пришел в дом и стал удивляться, что на улице Сашка попал в ямку, которой там отродясь не было, и буксует. Бабушка тоже вроде удивлялась, хотя сама знала, что Сашка специально выкопал эту ямку, залил ее водой и теперь там тренируется, как ездить по плохим дорогам и как из ямок выбираться. Но деду она не призналась в Сашкином новаторстве.

К большому сожалению, у Наташи не было времени водить детей по кружкам, театрам, искать им развлечения внутри большого мегаполиса. Вот тебе лопата, кисть — и вперед, к трудовым подвигам. В это время она познакомилась с одной умной и доброй женщиной — Галей Кузнецовой. Они были с ней в одной поездке и много разговаривали о детях. Как-то раз Наташа рассказала ей, что уже отправляла десятилетнюю Дашу с восьмилетним Сашей одних к бабушке в Демидов. Сажала на поезд, писала подробную записку, где выходить, как переходить к автобусной станции, как покупать билеты и потом уже ехать на автобусе до своей бабушки. Мобильных телефонов еще не было, Наташа просила проводницу вовремя разбудить детей, предупреждала свою маму, и... обе молились за них. И всю ночь Наташа трепетала от ужаса: «А вдруг что-то случится? Как их искать?» Но ей надо было приучать их надеяться на себя. Они приезжали к бабушке, нагруженные гостинцами, и были довольны своей самостоятельностью и таким доверием к ним.

И еще у них было такое правило: если ты потерялся, отбился от группы, сразу возвращайся на то место, где последний раз вы посмотрели друг на друга.

Вот и в той круизной поездке они с Галиной потеряли друг друга в Италии. Это было за рубежом, и каждому предстояло самостоятельно выбираться в другой город, где был их теплоход. Наташа уже смирилась с временной потерей, как вдруг на нее кидается радостная Галя! «Наконец-то ты пришла!» Оказывается, она ждала Наташу на том самом месте (помня ее рассказ о детях), где они виделись последний раз. Таким образом, детский урок пригодился и взрослым.

## ДЖЕСЬКА

Однажды Наташа с детьми шла по Арбату, и они увидели в переходе женщину, продававшую щенка. Малыш дрожал от холода и жалобно смотрел на людей. Сашка сразу воспыпал к нему сердобольными чувствами: «Мама, ему так холодно! Давай купим!» — стал просить Наташу маленький человечек.

— Сколько стоит? — спросили они.

— Отдаю за пятьдесят.

У них было сорок рублей.

— Тетенька, а вы можете продать нам его за сорок?

— Ладно, берите, я уже сама замерзла!

Сашка взял щеночка, как великую драгоценность прижал к себе, запихнул в свою курточку и в метро сидел такой счастливый, каким его никогда не видели в жизни — ни до этого момента, ни много лет позже. Никогда!

Песик вытянул мордочку и лизнул сына в щеку. Тот был на седьмом небе. Наташа думала: «Сколько же надо человеку для счастья?» Всего сорок рублей и друга, о котором ты же сам будешь заботиться много лет — кормить его, выгуливать, лечить, убирать за ним. Но вы оба счастливы — разве не это главное?

Вскоре главный редактор буквально навязал ей своего котенка. У его кошки появились котята, и таким незамысловатым образом он их пристраивал. Словом, у них в доме поселились двое детенышей — котик и щенок. В жизни дети столько не смеялись, сколько с ними. Как забавно они играли, как бежали, скользя по паркету к еде, как забирались на диван или боязливо спрыгивали с него. Это лучшее лечение и от тоски, и от болезней. Дети были заботливы, но Саше не удавалось погулять со щенком, лифт не реагировал на такой маленький вес. Жили они теперь в Крылатском, на 10-м этаже, и лифт не воспринимал вес двух этих маленьких особ, не опускался по приказу Саши. Сын стал брать с собою кирпичи. Спустившись, он складывал их возле лифта, но часто, когда возвращался с прогулки, кирпичей уже не было. Приходилось по черновой лестнице подниматься на 10-й этаж, держа на руках собачку, а тут снова засада — соседи на задвижку закрывали дверь черновой шахты. Так и стоял сын, дожидаясь, когда кто-то из соседей пойдет к лифту и заодно выручит их с Джеськой из плена.

Наташа целыми днями была на работе, за животными ухаживали дети. А что делать, когда они уезжали на каникулы в пионерлагерь? Поигрались — поигрались, но пришлось питомцев передать на воспитание бабушке — их вечной выручалочке. Это случилось после того, как кот Пусик упал из окна на 10-м этаже и остался жив. Хотя и хром.

Пес Джеська вырос и превратился в... симпатичную самочку, по которой стали сохнуть все местные кобели. Что только они не творили, чтобы побыть наедине с харизматичной Джеськой! В самый пик собачей сексуальности — понимаете, о чем речь — Джеську запирали в крепкий деревянный сарай, чтобы оградить ее от воспылавших любовью ухажеров. Однако утром бабушка

обнаружила, что кобели выгрызли два бревна и добрались-таки до Джеськи!

Иногда бабушке надо было уходить из дома по своим делам, и тогда Джеська сразу же пристраивалась рядом и сопровождала ее везде. Но и этого еще мало: за Джеськой выстраивалась вереница ухажеров, которые эскортом двигались за своей царицей. То есть картинка была еще та: мать в магазине покупает продукты, рядом сидит вежливая Джеська, а возле магазина — входить не смеют — пять–шесть кобелей. Ждут дальнейшего продолжения событий. Вот тебе большое счастье за сорок рублей.. Но с ними у бабушки было много мороки. Это видно из писем сына Саши.

## «ВЗОРЕНИЕ БЛАГДАРИЮ» ДЕТСКИЕ ПИСЬМА

Сын часто писал маме объяснительные записочки такого содержания: «Мам если отлупиш 1 раз нузачто прыгалкой напиши (вопрос прыгалок), если обокновенной ремень тогда ладна. напиши?»

«Мам я всю ноч отсюда неvyду и весь вечер отсюда неvyду».

«Если будеш ругать некогда неvyду из етое комнаты».

«Даше. Передай маме. Мам непойду потомучто будеш ругать за 4 руб.».

«Мам нам завтро сказали итти. В школу с родителями. Напиши ответ если есть? Взорание благодарю».

«Мам лушче несмеись ото худо будед денег небудед если еще раз похочиш хаха хаха запомни».

«Мама я гуляю под нашем окном посмотри внимательне и найдеж меня Саша».

Сашка подрос и летом был у бабушки. Оттуда часто писал маме такие письма: «Ма, забери меня отсюда. Я тут больше не могу. Я все терплю, но больше не могу. Дед поддает Джеську ногами, когда Джеська приходит ко мне в дом. Ты меня понимаешь? Меня и Джеську надо тебе забрать отсюда. Срочно. Жду ответа. С Джеськой. Понимаешь?» Как тут не понимать?!

Или вот такое сохранившееся письмо:

«Мам привет!Поздравляю тебя с пасхой.Христос воскрес!Воистину Воскрес!»

Пуська здесь совсем почтишто нечего не жрет весь облезлый стал и еще больше стал хромать, толи его коты побили или еще что. Джени родила 9-ти щенят. один из них остался. его имя Джек. Дед так и хочет Джека отдать, а бабушка говорит: «Выбирай Джека отдадим или Джени?» Пока не отдали некого.

Вот у тебя в руке белый лист. Видишь его? Возьми его и подставь под лампу или свечу на расстоянии 5–10 см и купи поводок с ошейником».

На этом белом листке, написанном молоком, сын сообщал маме что-то секретное. Про собак, разумеется.

И в дальнейшем в своих письмах сын постоянно обращался к теме любимых животных.

«Мам давай увезем Дженьку от сюда. Дженька только писает ни какает. Бабушка говорит деду давай делай конуру, чтобы он там жил день и ночь. Э мам, ну всетаки мы его заберем или нет. Мам а ты удевляешься, что я там написал. Мам ты приежай сюда и увидеш как они его лупят. Э мам давай я лучше в Москву поеду. бабушка говорит, что с Антоном встретатся можно в субб и воск. Я иду в школу прихожу делаю до трех уроки и все только нельзя на улицу. Ни разу почтишто не вышел на улицу только ходиш в магазин и все и все время сидиш дома один и дело с концами. Только незвони ей. Сама понимаеш по чему. И застовляет все правила переписовать. И диктанты пиши и пиши ей. Ашибки правит мам когда будеш приежать позвани. Саша».

Как же больно читать такие письма сына! Прямо Ванька Жуков. Тот адресует свое письмо на деревню дедушке. А этот — в столицу мамочке. У сына доброе сердце, и ему больно видеть равнодушное отношение к своим любимцам.

Он сам маленький, хочет защитить их, но как? Бабушка у него тоже любимая, но видеть, как она поддает собаке, которая писает в чистом доме, он не может. А бабушка? Не она же завела себе щенка, а они ей подсунули, и здесь не принято в доме держать собаку, только во дворе... И каково бабушке за всеми ими — тремя — ухаживать? Кормить, стирать, убирать? И сама уже не молоденькая... Да и муж ее — старый и докучливый. Да еще сад-огород, надо сажать-полоть, консервировать, да еще корова, летом сенокос, машина, да Сашина орфография — сами видите какая. Ах жизнь, колымага! Даже детям трудна она. А как же Наташа заберет к себе сына с собакой, и что они одни будут делать летом в Москве? Кто будет их кормить? Чем они будут дышать? Она-то целый день на работе! А попробуй не работать — на что тогда жить? Сердце стонет от жалости к собаке, к сыну, она просит мать смягчить свое отношение к собаке, но мать строго говорит: «Да забери ты ее к себе!»

А Даша в 10 лет писала так:

«Здравствуй, моя дорогая мамочка!

Я очень соскучилась по тебе. Поскорее приезжай сюда. На Ивана Купалу мы собрали солофаны и щепки и на берегу реки разожгли большой костер с ростом человека. Потом мы купались а когда костер стал меньше перепрыгивали через него все кроме дедушки, он сидел дома и смотрел телевизор.

Пришли мы в 12 часов и легли спать. Я ночью когда все заснут хотела их перемазать пастой, но проспала.

Катка такая наглая и лентяйка! Например, бабушка скажет ей подмести пол или вымыть посуду, она претворяется что у нее гноится палец. Бабушка скажет мне вымыть пока я мою бабушка ей вытаскивает занозу. Или если я убираю бабушка скажет ей, чтобы она помогла мне, а она говорит, что у нее болит голова или живот или смотается на улицу к мальчишкам. Она даже взяла у меня, то есть у куклы Барби самые красивые тряпочки, которые мне дала бабушка.

Она очень любит подлизываться, когда нам дали на соревновании по две большие конфеты, она свои съела, а я одну съела, другую решила оставить бабушке и Сашке. Но она стала подлизываться, чтобы я дала ей половину, я показала ей фиг на половину конфеты и разделила на троих: бабушку, меня, Катку. Она съела даже спасибо не сказала и пошла к парням. Она все время хочет, чтобы ей перепадал кусок получше. Еще удивляется, что я дружу не с ней, а с подружками. Спит она со мной, как принцеса развалится на всю кровать, а я падай. Теперь я хорошо защищаю свою половину кровати. Она каждый день по 100 раз хнычет.

Мама, приезжай поскорее, забери меня! Досвидание. Даша».

(Катя — это двоюродная сестра Даши, красавица, окончила ЛГУ, работает в банке, вышла замуж, родила двоих чудесных деток.)

Но четырнадцатилетняя Даша посылала Наташе уже другие письма. Вроде она мать, а Наташа ее непутевая дочка. Наташа с восторгом читала ее наставления. Было приятно, что она все усвоила и заботиться о доме и о маме.

«Здравствуй, мама.



- 1) не забывай кормить рыбок.
- 2) раз в неделю мой помойное ведро.
- 3) корми кота утром и оставляй еду на весь день. И если кто вечером будет стучать за дверь, то это Урсик.
- 4) Проверь ключи, когда уходишь на работу — свои я взяла.
- 5) Если будет возможность — то позвоню.

Пока.

Счастливо оставаться».

Боже мой, думала Наташа, как же только мы нужны нашим деткам! Где бы они ни были — хоть у бабушки, беззаветно их любящей (но и строгой), хоть в «Артеке», на берегу красивого Черного моря, но мы — родители — для них, не побоюсь сказать, как солнце. Мы все умеем, все понимаем, всегда их защитим от любой напасти.

А как же сироты? Кто согреет их сердце, если они не нужны даже папам и мамам?! Это самое страшное предательство на свете. О них Наташа всегда помнила и за них молилась.

Другое письмо сына (они все сохранились). Сашка был технически подкован и все мечтал о своем автотранспорте. Через пару лет он пишет письмо (уже гораздо грамотнее: спасибо бабушке!) своему другу Антону: «У меня есть Идея. Вот в «Левше» которую я выписываю только это письмо никому не показывай там есть такое название «Карт хоть и маленький зато автомобиль — его можно сделать. Там нужно: 3 железки любые, двигатель от мопеда или мотоцикла, аккумулятор, кресло, 4 колеса и руль. Все. Делать нечего. Только нужно где-то раздобыть сварку да и звездочка с цепью нужна. Сейчас все нарисую.

(Нарисована схема, дано описание.)

Очень легкая система только надо раздобыть еще и выхлопную трубу. Согласен ты со мной сделать эту штуковину? Напиши. И еще совершенно секретно. У меня есть еще одна бешеная идея. Пистолет: ливальер старинный стреляет специальной пулей. Я нарисую а ты никому не показывай. Сохрани письмо до моего приезда. Саша».

## ДЕТСКИЕ ССОРЫ

Дети (семь и девять лет) дерутся, сын ухватил свою сестру за длинные волосы, и потасовка в разгаре. Наташа стирает белье и, слыша их сопение, хватается мокрым полотенце и — к ним, чтобы отшлепать по кому попадет. При виде матери они — в разные стороны. Мама за сыном, но он юркнул под стол и потом в туалет. Она — за дочкой, та менее сноровистая, и ей вот-вот попадет... Сашка слышит их передвижения и кричит из запертого туалета:

— Дашка, Дашка, ты скорее в ванную и запирайся!

Маме радостно, что нет у него «жажды» мщения чужими руками. Только что дрались и тут же: спасайся!

Сыну восемь лет, поспорился с мальчишками. Наташа в тот день была дома — писала статью. Сына со школы все нет, хотя пора вернуться. Слышит возню в лифтовом холле. Выходит. Трое воинственных мальчишек.

— Что вы здесь делаете, мальчишки? — спрашивает их.

— Здесь Сашка живет, хотим его убить, — отвечают.

— За что?

— Не скажем.

Они не поняли, что она его мать, и пооткровенничали. А Сашки все нет, видно, знает, что расправа его ждет на этаже.

Выходит Наташа на улицу, ждет, ищет сына — нет нигде. Уже совсем темно, и засада покинула свой пост. Где же сын?

Звонит отец Саши:

— Что там у вас стряслось? Сашка мне позвонил, просился приехать ко мне. Я не разрешил.

— Почему? Ему же надо где-то спастись?

Вечером Саша пришел голодный, замерзший — прятался в чужом подъезде.

— За что тебя хотели убить? — спрашивает мама сына.

— Денег не принес, они вчера приказали — для старшеклассников.

Господи, неужели эта «чернота» уже и в школы пробралась?

## МАМИНЫ ЗАВЕТЫ

Времени для воспитания у Наташи было мало, поэтому она старалась все давать в концентрированной форме — во время поездок на дачу.

«Самое главное, дети, это вера в Бога. Она вас спасет от всякого зла и напастей. С Богом, с Богоматерью вы никогда не будете одиноки. Уйдут ваши родители в мир иной, но с вами навсегда останутся небесные родители. А все святые — это ваши покровители, ваши ориентиры, их жизни — повести о том, как простые люди становятся святыми... Ангелы-хранители — ваши наставники и защитники. Общайтесь с ними, прислушивайтесь к ним... Без Бога — ни до порога. Ты гол и беззащитен.

Если вы будете добрыми, вас будут любить люди, у вас будет много друзей, они выручат в любую трудную минуту. И вы должны их поддерживать, помогать советом, делом, утешать в страданиях.

Если вы будете трудолюбивыми, то станете счастливыми и обеспеченными. Третью жизни мы проводим в труде. Любишь его — работа становится удовольствием, не любишь — каторгой. Выбирайте себе любую профессию, но по любви.

Если вы будете аккуратными — вы будете здоровыми и красивыми, ваше жилище будет уютным и родным. Вам никогда не будет стыдно за беспорядок, грязь, когда кто-то неожиданно придет в гости. Вы будете милы и для окружающих — опрятные люди приятны.

Если вы будете щедрыми, независтливыми, доброжелательными — вы будете любимы всеми, и в том числе своими супругами. Всегда подавайте милостыню, не рассуждая ни о чем, давайте займы, но ту сумму, от потери которой не будете переживать. Помните: лучше давать, чем просить. Самое главное, чтобы у вас всегда были средства на милостыню и на лампадное масло. Ну и — само собой — на оплату жилья и еду».

Так внушала она своим детям и приводила им много примеров из жизни.

Для нее важно было, чтобы они знали: что такое хорошо и что такое плохо.

## ИХ ЗАБОТЫ

Даша уже с четырнадцати лет сама ходила на английский, на рисование, на музыку, бальные танцы. Потом она стала даже учить других! — Ей хотелось заработать. Она стала учить английскому языку одного дошкольника, а потом к учебе подключилась и его мама. Даша обучала танцам и старшую детсадовскую группу. Была и нянькой на несколько часов в день для трехлетнего ребенка. Маленькие они были трудягами.

Наглядевшись на сестру, сын тоже стал просить у матери работу. Она устроила его в свою редакцию. Дело серьезное — доставать из конвертов читательские письма и скреплять их скрепками. Чтобы все выглядело солидно, попросила кадровика зарплату сыну в 35 рублей (их она платила сама) выдавать по ведомости (под Сашину подпись).

Гордость переполняла сына, и он всегда делал гораздо больше конвертов, чем студенты вузов, подрабатывающие в редакции. Сыну было двенадцать лет. Он шел на работу даже тогда, когда была ужасная погода — метель, ливень, большой мороз. Наташины телефонные уговоры не действовали:

— Мама, ты же знаешь, какая в редакции большая почта?! (Писем тогда в редакции получали по 6 мешков в день!)

В первый же месяц работы Саша попросил у мамы 5 рублей в долг. Объяснил, что хочет купить фоторезак, чтобы быстрее разрезать конверты. Разумеется, она дала ему взаймы, и он вернул ей деньги с первой «получки». Устроил им с Дашей «пир», приобретя мороженое, конфеты и пепси-колу.

Начиная с их десятилетнего возраста, Наташа не стирала их личные вещи. Они сами замачивали, драили свои джинсы, свитера, футболки, кроссовки. И никогда от них не было никаких требований или выклянчивания покупок. Она спрашивала, надо ли им чего, они отвечали. Если это было необходимо, то покупала. Но денег у них практически не было — ни карманных, ни лишних.

Помогло и то, что с младенчества мама воспитывала Дашу на бережливости к своим вещам, ведь они должны были перейти к Саше. Так он и носил то, что до него принадлежало сестре (а до нее — еще кому-то). Правда, брючки, свитерочки, курточки — все было в стиле унисекс. Но и ему не разрешалось неаккуратно обращаться с вещами. Всегда находился кто-то младший, к кому должны были перейти эти одежды. Как-то раз Наташа спросила у своего коллеги, нужны ли его «новенькому» ребенку детские вещи.

«Конечно, нужны», — ответил он. И она передала ему чемоданчик. Когда они с женой раскрыли его, были удивлены — все чистое, выглаженное, аккуратно уложенное. А чего другого они ожидали?

...Дети сами устраивались в свои школы, сами расписывались в дневниках, иногда Наташа их просматривала и охала-ахала. Никаких репетиторов не было, а учили их — честное слово — плохо! В ее провинциальной школе знания были

гораздо фундаментальнее. А здесь, в Москве, уже тогда все было рассчитано на кошелек родителей. И дочь Даша тоже отмечает, что те предметы, которые она изучала в школе, когда была у бабушки, она знает, а столичные — нет.

## К МАМЕ, В ТИПОГРАФИЮ

Наташа, привыкшая к самостоятельности, хотела вырастить такими и своих детей, которых она очень любила и уважала за их мудрость.

Она вспоминает такой случай. Саше очень хотелось приехать к ней на работу, он после школы туда благополучно добрался, но Наташе в этот день пришлось дежурить в типографии на выпуске номера. Саша позвонил маме в типографию — телефон ему дали в редакции — и сказал, что он все равно приедет к ней. Но как? Наташа стала ему подробно рассказывать, попросила его записать, где и в какую сторону делать пересадку. Договорились, что через 40 минут она встретит его внутри метро, внизу, где ходят электрички.

В положенное время спускается — а сына нет. Он был в оранжевой вязаной шапочке. Ждет. Сына нет. Ходит по перрону, встречает приходящие электрички — но нет Сашки. Поднялась вверх, позвонила в редакцию, уехал ли он. Да, ответили, попросил 5 копеек на метро и ушел. Звонит домой — никто не отвечает.

Время идет. Сердце екает. Уже прошло сверх нормы полчаса. Уже надо подписывать в свет полосы, а она в метро, вся очень встревоженная. Вот увидела оранжевую шапочку — бросается к ребенку, нет, это не Сашка, а какая-то девочка. «Господи, Боже мой! Что делать??? Где мой сын? Прошел уже час, куда он делся? А вдруг пропал? Пропадают же люди! Господи, милый, любимый и дорогой Боженька, умоляю Тебя, умоляю, Ты все можешь, верни мне сына!» — Так сильно она когда-то молила Всевышнего о своей сестре Ане, когда та с бельем опаздывала на их свидание. Мозг лихорадочно работал, сердце обмирало от ужаса...

И вот он, потерянный, плетется по перрону. Как же они обрадовались друг другу! Кинулись в объятия, мама целовала его пухлые щечки и благодарила, благодарила Господа за такой подарок! Оказывается, в большой толчее он не смог на нужной станции вовремя выйти из вагона, и его повезли дальше, а когда вышел, схема маршрута была совсем другой, и он самостоятельно ее выстраивал. А в центре Москвы развязки еще те — там надо «бдеть» ежеминутно, если хочешь без плутания добраться до нужного места.

Вот такие дети росли в ее семье. Сейчас, конечно, она понимает, что была чрезвычайно рискованной матерью, но надо знать, что ей одной приходилось бороться за выживание в Москве, за обеспечение семьи. И ей очень хотелось, чтобы ее любимые дети были умные, находчивые, смелые, самостоятельные... Она надеялась, что, когда они вырастут, они все это оценят и будут ей благодарны. А она будет благодарна Господу Богу за Его милосердие, за то, что во всех этих рисках Он сберег ее деток...

## КООПЕРАТИВ

Семейная жизнь Наташи и Володи стала разлагаться: они не находили общего языка, у них уже не было общих интересов. Наташа постоянно плакала и совсем расшатала свою нервную систему. Только у нее спросят: «Как дела дома?» — так она сразу рыдать.

Этот в целом хороший, порядочный человек был малопригоден для семейной жизни. Ни праздники, ни прогулки, ни гости, ни культурные мероприятия, ни родственники (даже свои!) его не интересовали. Он был полностью — в буквальном смысле! — погружен в науку. Это не грех, это — напротив — вызывало уважение, но в семье не было самого для Натальи главного — диалога. Она любила расспрашивать о работе, о сотрудниках, о мечтах и планах, о детстве, о его родных... Но ответа не было ни на один вопрос. Мужа возмущали эти расспросы, он отвечал так: «Отстань! Зачем тебе это надо?», словно она собирала разведанные, а он обязан был хранить их как зеницу ока.

Наташа делилась своими семейными расстройствами со своей подругой Светой, и та как-то предложила:

— Пойдем в райисполком. Твое заявление (на увеличение жилплощади) лежит уже больше четырех лет. Надо потрясти чиновников.

Начальник был суров, говорил, что нет никакого жилья, а когда узнал Наташину фамилию и понял, что постоянно и в первую очередь читает ее материалы в «АиФе», сразу резко подобрел. «Ваша очередь подойдет нескоро, но я могу вам помочь. Мы сдаем один кооперативный дом. Там уже комплект жильцов, но у меня есть личный резерв. Для вас я согласен с ним расстаться. Если вы до утра понедельника оплатите первый взнос, то однокомнатная квартира будет ваша».

Счастливые, но озадаченные женщины вышли из райисполкома. Сегодня — пятница, уже вечер. Цена вопроса — три с половиной тысячи рублей. Это для Натальи были гигантские деньги. Где их взять, да за такой короткий срок? Впереди всего полтора дня на сбор денег. Но это же не грибы, где их собрать? Наташа позвонила маме, просила занять у кого только можно. Сообщила о таком повороте Володе, просила его срочно искать деньги. Он стал кому-то звонить, с кем-то договариваться...

Но в жизнь вмешалось новое обстоятельство. Когда Наташе совсем неведомо стала семейная жизнь, она решила разъехаться с мужем. Но как? Снимать жилье! Ситуацию облегчало то, что их сосед по квартире уехал на Сахалин, а свою квартиру решил сдавать.

Наташе нет бы смолчать, подождать, пока Володя привезет деньги, но она тут же поделилась с ним этой радостью.

— Может, ты заедешь заодно и за ключами?

— Какими?

— Сосед решил сдать нам свою квартиру и передает от нее ключи.

— Заеду.

И уехал. Позвонила мама, сказала, что нашла немного денег и уже везет их в Москву. Все шло, слава Богу, как надо.

После обеда возвращается Володя.

— Сколько денег ты занял? — спрашивает Наталья.

— Нисколько.

— Почему?!

— А зачем? Теперь у меня есть квартира, — и на пальце перед ее носом он вертит соседские ключи.

— Но это же временное жилье, а там — свое! Это такая удача — приобрести кооперативную квартиру! Посмотри, сколько лет мы стояли на очереди, родив двух детей! Почему ты не занял деньги, ведь тебе пообещали дать?!

— Меня и эта квартира устроит.

Тут с Наташей случилась истерика. До окончания работы сберкассы, куда они должны внести деньги, осталось три часа. В воскресенье там выходной. А денег нет! Квартира уйдет, а попробуй дождись другого такого шанса! Наташа плакала, дети опечалились тоже, хотя не понимали, что случилось.

Но вот приехала мама, привезла полторы тысячи рублей. Наташа лежала на диване почти без чувств — настолько сильным был у нее нервный стресс.

— Дочка, не переживай так. Конечно, этих денег мы не соберем. Смирись. Ну он же съедет, дай Бог, все уладится.

Наташа — в слезы, рыдает, сахалинские соседи через пару лет приедут обратно в Москву, такой у них контракт, и что? Снова вместе? — Не хочу! Не могу!..

Мать в смятении пошла за утешением к Наташиной подруге, живущей над ними. Все ей рассказала, а о неладах в семье Шура и без мамы еще лучше знала. Знала, как Наташе тяжело жить и как надо разъехаться с мужем. Вместе они спустились к плачущей Наталье. Шура понимала, что нельзя упускать время и это их единственный шанс. Она вдохновилась ситуацией и пошла по соседям. «Выручайте Наталью. Срочно нужны деньги. Отдайте все, что сейчас у вас есть».

Люди знали эту семью, доставали записки, отдавали последние деньги из кошельков.

Шура обошла двадцать шесть квартир и за полтора часа собрала всю недостающую сумму!

Время таяло, душа рыдала. Наташа не поверила своим глазам, когда Шура принесла кучу денег и список — кому сколько она должна.

В сберкассу они бежали вместе, Наташа впереди, мать сзади. Оставалось десять минут до закрытия. Наташа, запыхавшаяся, положила перед операционисткой справки, и та изумленно посмотрела на нее:

— До закрытия не успею оформить. Приходите в понедельник.

— Девушка, мы дадим вам 5 рублей, но просим это сделать сегодня, нам это чрезвычайно важно, — прошептала ей мама.

Кассирша согласно кивнула, быстро выполнила все процедуры, и они вышли счастливые.

Все воскресенье женщины драили раковины, полы, окна — словом, чистили запущенную соседскую квартиру, чтобы туда переехал Володя...



В понедельник рано утром — во время! — документы и квитанции были сданы в райисполком. Дело завертелось.

Но душу Наташи мучило, как она вернет добрым людям деньги, если ее зарплата была 170 рублей. На троих.

На работу в понедельник она приползла в изможденном состоянии. Старков спросил, что случилось. Она разрыдалась, рассказала ему все, как было.

— Чего же так рыдать?

— Я даже не представляю, как верну людям деньги! Люди отдавали последнее — надо срочно возвращать такой долг. Разве это мыслимо?

— Умоляю тебя, не плачь. Мы сделаем все, чтобы у нас были деньги. И они будут!

Эти слова шефа привели Наташу в чувство. Нутром поверила, как он говорит, так и будет. Она была очень благодарна ему за те слова утешения и поддержки, они просто спасли ее.

## ВСТРЕЧА С СУПРУГОЙ ПРЕМЬЕРА

В Институте экономики проходила большая научная конференция о делах в производственной сфере. Наташе надо было быть там обязательно. Она отвечала в газете за этот сектор, и была надежда, что там наметят и предложат что-то настоящее, живое. И вот записаны интересные выступления на диктофон, кого-то она намечает для будущих интервью. Вдруг Наташу попросили подойти к телефону — служебному, институтскому. «Что-то случилось с детьми? Или в редакции? Или дома?» Сердце сжалось, и она мысленно стала просить Бога отвести от них все беды. Взяла в кабинете директора трубку. В трубке звучал приятный мужской голос. Он приглашал ее немедленно приехать в Кремль для важного разговора.

— Можно не сейчас? Я на конференции, мне нужны эти ученые... — попыталась перенести встречу на более подходящее для нее время.

— Да нет, нельзя. Машина за вами уже выслана, она во дворе...

Она была очень недовольна, что ее выдернули с важной «сходки», лишив, таким образом, интересных материалов, и в то же время волновалась из-за неизвестности: что еще там придумали, зачем я им так срочно нужна? Откуда же она могла знать, что едет навстречу своей судьбе? А та вольна поступать так, как ей вздумается.

Пропуск выписан, Наташа прошла в главный правительственный корпус, в указанный в пропуске кабинет. Ее встречает симпатичный человек, с правильными чертами лица, умными серыми глазами за стеклами очков, тонкими усиками и седеющими волосами. На вид лет пятидесяти. Приглашает ее присесть к своему совершенно пустому столу. Спрашивает о жизни, о газете, старается расположить к себе. Потом деликатно приступает к теме встречи — предлагает сделать интервью с женой председателя правительства. «Людам, видимо, интересно, в каких условиях живет семья Рыжковых, чем занимаются, что думают о нынешнем положении страны, постараться высветить облик премьера изнутри, от семьи. Показать его не только членом Политбюро, но и просто человеком, обремененным теми же проблемами, что и обычные «нестатусные» люди. Нам понравилась ваша беседа с Николаем Ивановичем, мы решили, что, может быть, вам удастся разговорить и его супругу», — заключил Владимир Лукьянович Саваков, так он Наталье представился.

В ответ Наташа сказала, что согласна на такую встречу, тем более что жен больших чиновников ей еще не приходилось интервьюировать. С этим вежливым господином — он был помощником премьера — договорились созвониться о времени предстоящего путешествия в семью Рыжковых. Когда Наташа вышла из кабинета и направилась к выходу, то почувствовала на спине тепло от чьего-то взгляда. Обернулась и увидела, что этот взгляд принадлежит ее визави. Они улыбнулись и еще раз вежливо кивнули друг другу.

Через несколько дней сообщили, что Наташу уже ждут в подмосковном доме премьера. Машина стояла возле редакции. Они ехали по красивому Рублево-Успенскому шоссе, и нельзя было не любоваться и не наслаждаться красотой этого края. Дом премьера был большой, деревянный, двухэтажный.

Они посидели в гостиной с Людмилой Сергеевной — миловидной, скромной женщиной, попили чаю, она рассказала о своем житье-бытье. Дом уже старый, все скрипело от времени, когда супруга премьера поднялась за фото на второй этаж, ее шаги были слышны на первом этаже. Мебель всюду была казенная, на каждом стуле прибита бирка с инвентарным номером... Людмила Сергеевна рассказала, как они работали на «Уралмаше», воспитывали дочку, как любили те родные края. Часто выезжали на природу с хорошими друзьями и сослуживцами. Она сама знает, что такое лишения, нехватка денег, непонимание советских экономических догм, постоянного давления сверху... В конце разговора призналась, и даже сейчас они держат курочек, чтобы в доме были свежие яйца...

Готовое интервью показали супруге, и потом Наташе в редакцию его вернул тот же помощник премьера Владимир Лукьянович. Пока он сидел в редакции, ожидая Наташиного прочтения, она несколько раз при нем по каким-то поводам совсем нелестно отозвалась о Горбачеве. Уходя, Владимир Лукьянович тактично сказал: «А что касается Горбачева... Знайте, я ничего не слышал». Наташу его слова тронули, так человек от власти запросто мог и настучать на нее, куда следует. А этот чиновник красиво ее предупредил, чтобы она не волновалась. Ей понравилась и деликатная правка, сделанная рукой Владимира Лукьяновича. Впечатление осталось теплое и уважительное. Она подумала тогда, что с помощником премьеру явно повезло.

После публикации реакция на интервью была бурная, люди не верили, что Рыжковы живут не в мраморе и бронзе, сидят не на золотых унитазах, не едят с серебра и вообще, что нет там скатерти самобранки. В представлении людей была такая картинка: что уж если ты добрался до власти, то отгребешь от нее все! Нынешняя ситуация буквально срисована с этих представлений. А тогда у людей, даже на самом верху власти, еще была совесть. Поэтому они еще не смели сильно отрываться от уровня жизни населения. Прошли годы, и Наташа не раз и не два вспоминала казенный дом премьера и понимала, насколько он был непритязателен, скромен против дворцов нынешних нуворишей. Читатели не верили тому интервью. А зря. Так оно было на самом деле.

## ПРИМАКОВ НЕ РИСКУЕТ

...Наступило время, когда интересно было послушать каждую из имеющих политический вес сил, чтобы получше понять: куда идем? Зачем идем? С кем идем? Людям не терпелось узнать, что же может ожидать нас в ближайшем будущем.

Наташа договорилась об интервью с Евгением Максимовичем Примаковым — он был в тот момент председателем Верховного Совета СССР, а до этого... Кем только не был, начиная между прочим, с профессии журналиста в партийном издании и продолжая свой путь через внешнюю разведку. То есть еще тот гусь — в плане знаний сокровенных о нашем могуществе или... бессилии. И вот тут случился первый Натальин облом!

Приезжает в Кремль в назначенное время, причем у нее, как всегда, времени в обрез, машина не доезжает до Спасских ворот, Наташа бежит на каблуках по мокрой брусчатке Красной площади и боится упасть, тогда колготки порвутся, каблук сломается, хороша же она будет в таком виде перед Председателем ВС СССР! Обошлось без падения.

Входит в кабинет, а у Примакова в кабинете еще сидят человек пять, судя по всему, приятелей. Сейчас уйдут, думает она, оставят нас наедине. Но нет, все здесь, время идет.

— Когда начнем? — спрашивает Евгения Максимовича.

— Начинайте, мы уже ждем.

— А ваши гости?.. Разве останутся?

— Да, пусть побудут здесь.

Ее попытки добиться честного, четкого ответа были тщетны. Задает серьезный вопрос Примакову, а ответы (часто шуточные) сыплются со всех сторон — считай, от каждого из пятерых... Сам Евгений Максимович либо выбирает что-то из «подсказок», либо выдает свое, что тут же бурно комментируется окружающими.

Наташа сделала попытку остаться вдвоем. Так и сказала: «Господа, не могли бы вы заняться своими великими делами и не мешать нам?»

Но куда там! Им стало еще веселее. И чем острее был вопрос — тем веселее им становилось! Ничего себе интервью... Это уже скорее похоже на КВН — кто остроумней ответит.

Понятно, какой мог получиться из этой камарильи материал. Только дурацкий. Потом она его равнодушно расшифровала, заслала Примакову и несколько не переживала. Он вернулся полностью переписанным — официальным, «дежурным». Даже ее вопросы они переиначили, сгладили до полного примитива.

Наташа хотела снять свою подпись. Но шеф уговорил подпись оставить, все-таки председатель Верховного Совета. Иначе «обидится».

Читатели очень удивились, что она не расколола Примакова. Куда там! Он — матерый разведчик, хитроумный дипломат. Даже наедине ни на минуту не захотел остаться — Наталья потом подумала, может, забоялся провокации? Вдруг журналистка заорет, что ее насилуют? (Но это уже шутка.)

Странное дело: пройдет пара лет, и однажды в перерыве заседания, когда она задумчиво сидела в кресле, к ней подсел Примаков. Они дружно минутку «помолчали», отдыхая от тех страстей, что происходили в этот день в Верховном Совете, а потом Евгений Максимович сказал: «Как бы я сейчас все это бросил и уехал бы послом в какую-нибудь теплую далекую страну!» Наташа внимательно посмотрела на него: «Хорошая мечта!» — вздохнула она. — «Ну так поехали вместе со мной!» — то ли в шутку, то ли всерьез предложил он. — «Вы даете! У меня же двое детей!» — «А я знаю. Я все про вас знаю!» Тут Примакова обступили депутаты и увели его мысли совсем в другую сторону, так же, как и Наташины. Она стала думать, как получше написать материал с этого бурного заседания и чем вечером кормить своих ребятишек...

## А ЛИГАЧЕВ СЕБЕ НА УМЕ

Не шуткой была новая задача — поговорить с Егором Кузьмичом Лигачевым. Им пугали народ. Интеллигенция его боялась, считала человеком жестким, лишенным всяких человеческих чувств, «серым кардиналом» при мягком Горбачеве. Это он «посмел сказать» Ельцину, в которого были влюблены три четверти страны: «Борис, ты не прав!» И Россия содрогнулась от негодования: «Да как он смел обидеть нашего Бориса Николаевича!» — Тогда Ельцин был мачо российского разлива: взбудораженному обществу это казалось святотатством, покушением на святыню демократии. И образ Лигачева становился зловещим. Тем более что многие еще хорошо помнили сталинских «стервятников» — Берию, Ежова, которые безжалостно морили народ в лагерях, карали его почем зря, расстреливали в центре Москвы — в подвалах Лубянки, да и по всей стране не церемонились с человеческой жизнью. Откровенно говоря, и нападки на Горбачева усилились после объявления им Лигачева «вторым лицом» государства. Сейчас, зная все последствия бездарного для страны Ельцинского правления, очень многие люди могли бы воскликнуть так же: «Борис, как же ты был не прав!»

Итак, назначено время — 10 утра. Место — Старая площадь. За 10 минут до интервью Наташа на месте. Ее встречает помощник Лигачева Романов и сообщает, что Егора Кузьмича срочно вызвал к себе Горбачев. Сейчас у них будет заседание Политбюро «по Гдляну и Иванову», поэтому извините нас, пожалуйста. Но неожиданно появляется сам Лигачев. Он тоже извиняется, говорит: «Хотел сам попросить перенести нашу встречу на завтра, на это же время».

Ладно, завтра так завтра. Ее коллеги потом целый день шутили, что еще есть время подсушить сухари: «С «твоим вопросником», считай, тебе это обеспечено. И что от Лигачева тебя поведут «под белы ручки» — ручаемся», — запугивали они.

Но Наташа так не считала. Ей было интересно раскрыть характер, натуру, воззрения, широту взглядов представителей правящего класса.

Она верила в свою планиду, всегда благодарила Бога, любимого Святого Николая Чудотворца и своего Ангела-хранителя за покровительство. Смело действовала, зная, что она не одна. Она чувствовала, что защищена более других — осторожных, послушных. Защищена Господом, который, видимо, одобряет ее поиски справедливых и добрых людей, полезных для народа. Без этой ясной путеводной звезды не понятно, куда, зачем шел человек, за что он бился и что хотел сделать.

...Утром они устроились в кабинете Лигачева, и начался их экскурс в его оценки современной российской действительности.

Лигачев отвечал искренне, кое-где горячо, разумно и даже прогрессивно, то есть так, как от него невозможно было ожидать! Он был на подъеме, красовался, желая выглядеть демократом перед представительницей многомиллионного издания.

Через час Наташу что-то подтолкнуло проверить запись. Но ничего — кроме жеваных невнятных звуков — на магнитной пленке не услышала. Как так?

Новая кассета, новые батарейки — а записи нет!

Она растерялась.

Лигачев вызвал помощника, отдал ему пленку — исправляй, как хочешь! В это время стал ее искренне утешать.

— Не переживайте так сильно! Всякое бывает. Мы же живые люди, никто из нас не умер, значит, ничего смертельного нет...

— Но ведь жалко, вы так увлеченно отвечали!

— Что делать — еще отвечу. У меня с сегодняшнего дня начался отпуск. Так что все заседания будут без меня. А у нас время есть. Я вам подарю красивый альбом, — и дал Наталье прекрасно иллюстрированный альбом о деревянном зодчестве его родного города Томска.

Помощник не исправил пленку. Как ни пытались технари — не удалось. Он что-то шепнул Лигачеву, Наташа поставила другую пленку, и они стали повторять свои вопросы — ответы.

Потом прервались на обед. Он предложил ей покушать вместе, но Наталья уехала в редакцию, за еще одной новой кассетой, заодно пожаловалась «на заеденную пленку» шефу. Он сказал, что в кабинете были включены «глушилки», поэтому запись не получилась. А потом опомнились, отключили, и все пошло своим ходом. Поэтому, мол, он и не обиделся на нее.

Закончили свою встречу они часов в пять вечера. Наташа отзвонилась Старкову, который весь день за нее волновался: «Все нормально».

— Приезжай ко мне домой — все расскажешь.

Она поехала... Зря поехала! Надо было уклониться...

## У ШЕФА

Проживал главный редактор тогда на улице Климашкина (в доме, где жил и Владимир Высоцкий), в маленькой двухкомнатной квартире на последнем этаже.

«Юля, налей-ка нам коньяку! Да не в эти рюмки, а в те — праздничные», — командовал он женой.

Наташа рассказала об атмосфере встречи, о своем впечатлении об этом человеке. Старков жадно слушал, смотрел альбом. Этот альбом Егор Кузьмич подарил ей и при прощании сказал: «Что вам только надо — просите, все сделаю». Шеф все выпытывал, переспрашивал, хотел через Наталью понять, кто же такой Лигачев — друг или враг? Потом стал показывать ей свою работу по улучшению жилья. Он купил (или достал по блату) симпатичный гобелен и обил им стены спальни. Получилось в целом оригинально, но темновато, как в шкафу. А еще собрался сделать на окна такие же тяжелые шторы.

— Как, нравится?

— Ой, Владислав Андреевич, вам надо не обои и шторы менять, а квартиру. Разве это жилье для главного редактора такого издания с 30 миллионным тиражом? — искренне ответила Наташа. Шеф задумался.

Они еще выпили по рюмке за успехи, и она уехала домой.

Расшифровка интервью с Лигачевым тоже обрадовала журналистку. Конечно, в ней не было каких-то особых откровений, прозрений и анализа ситуации, но была человечность, озабоченность ходом перестройки и были необычные оценки — предостережения — от того же Ельцина.

Наташа понимала, что этот материал общественные деятели будут читать «с лупой»: «Каков он, этот Лигачев? Почему именно его Горбачев назначил вторым? Что от них всех можно ожидать? Хорошее или плохое?» — извечный вопрос российского общества.

В интервью была полновесная пища для этих размышлений, так как телевизионный Лигачев резко отличается от «этого», здесь он был другим — все-таки не «серым кардиналом», как его рисовала горбачевская оппозиция.

На следующий день Старков позвал Наташу к себе, снова порассуждал о Лигачеве и материале (он его еще не видел), а потом сказал, впервые обращаясь к ней на «ты».

— Я знаю, что ты должна попросить у Лигачева.

— Что?

— Квартиру для меня.

Наташа опешила. Одно дело — попытки яркого демократического издания разобраться в психологии политических персонажей (даже реакционного толка, каким на тот период считался Лигачев) и другое дело — попасть к ним в зависимость. И из-за чего? Из-за какой-то там квартиры! Для Лигачева ничего не стоит дать квартиру Старкову — это ясно. Это даже выгодно для него: «смотрите, демократы валяются у меня в ногах!» А для «АиФа»? Узнают остальные СМИ (а они обязательно узнают) — позора не оберешься! Смелый, гордый Старков униженно просит жилье... И не для газеты, а лично для себя. Люди подумают: «И куда же ушел весь его справедливый раж? Ах, да вы такие же, как остальные, —



лишь бы хапануть. А как же ваша борьба с блатом, с привилегиями? Или все это демагогия?»

«Нет! Я не игрок», — подумала Наташа.

— Я этого делать не буду, — твердо заявила она, — это неправильно, мы так подставимся, что потом позора не оберемся. Сами будете жалеть.

— Нет, ты попросишь его! Он же сам сказал: «Что надо — просите, все сделаю».

Подумала: «Ну и дура же я! Зачем надо было говорить об этом шефу! Но разве могла мне придти в голову его идея!»

## НЕ ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Через час он зашел к ней в кабинет.

— Почему не попросишь его? Скажи честно!

— Знаете, Владислав Андреевич, он ведь сказал: «Что надо, просите» всей редакции. Я вам все честно передала, и вы сами можете просить, что угодно. Имеете право.

— Но он же не мне это сказал, а тебе!

— Но не мне лично (просите), а коллективу!

— Нет, тебе лично сказал! — настаивал он.

— Не буду! И все! Я с ним и с другими веду себя твердо и бескомпромиссно, и не собираюсь быть попрошайкой! Тем мы и сильны!

В общем, в тот момент они с ее любимым шефом поссорились в первый раз. Возможно, она была неправа, тем более что в один час сама заплела эти две ситуации: «чего, мол, бьешь гобелен в стены, когда надо менять квартиру» и второе — «проси, что хочешь». Вроде как сама подначила его к этому и сама же твердо отказала. Но Наташе было ясно: пройдет немного времени, и они сами смогут всего добиться — и помещения для редакции, и хорошего жилья для главного. Но сделают это достойно — за свои деньги.

На следующий день в редакции узнали, что десятки тысяч людей томились в аэропортах, дожидаясь вылета своих рейсов, которые авиаслужбы все откладывали и откладывали... Из-за чего откладывали? Это был день Наташиного интервью с Лигачевым. Для него сохраняли свободным воздушный коридор. Он должен был лететь на юг в отпуск, а она его задерживала своим разговором.

«Бедные люди с детьми, с чемоданами, спешащие к близким и к отдыху, простите меня ради Бога! Я не знала, что так дорого обходится вам наша беседа!» — молила она народ, узнав о такой лигачевской «подлянке».

Через два дня получает отосланный Лигачеву материал. О Боже! Там осталось несколько ее не самых острых вопросов и все переписанные заново ответы. Звонит помощнику, возмущается.

— Что вы сделали? Зачем все подстригли, подровняли, выкинули сердцевину?

— То интервью давать нельзя — ни при каких обстоятельствах!

— Почему же тогда он так по-человечески отвечал?

— Значит, вы ему по-человечески понравились. Но это не является основанием, чтобы публиковать все, что сказал он вам в личной беседе.

— Какая «личная»? Что вы говорите? Я — представитель газеты, и у меня не может быть личных встреч с членами Политбюро! Я настаиваю на публикации первого варианта — вы увидите, какая будет реакция.

— Мы знаем, какая, и не хотим ее увидеть. В печать — только наш вариант.

Наташа долго бодалась с Романовым, но тщетно. Естественно, все рассказала шефу и предложила ему такой нестандартный ход — опубликовать вариант ответа, что на диктофоне, а рядом — ими переделанный.

Шеф ее идею не одобрил, а то, что прислал Лигачев (или его люди с одобрения Е. К.), решил поставить без возражений. Зря, конечно. Могли бы

сослаться на то, Лигачев сам говорил — это у Наташи на диктофоне, а переделанный — это происки его аппарата. Даже подписи Е. К. нет, как нет и его «отпускного» телефона, чтобы все выяснить.

«Нам еще лучше», — загадочно сказал шеф.

Чем лучше? Наташа не поняла. На следующий день в редакции появился человек, который контролировал прохождение материала по всем ступеням технологического процесса. В первую очередь он не подпускал к материалу, как вы уже и догадались, возмущенную Наталью. Дежурил он до подписания номера в печать, даже в типографии. Шеф с ним заигрывал, во всем соглашался.

Наташе было все это ужасно неприятно. Имидж редакции был так силен, репутация главного так чиста и мощна, что никак не хотелось их принижать, терять. Не хотелось разочаровываться в людях. Неужели все это с надеждой на получение квартиры? Разве ради этого стоило лишаться своей редкостной репутации?

## «СОСНЫ»

Вся в делах и заботах, Наташа не очень сильно переживала размолвки со Старковым, понимая, что они временные, что они по-прежнему уважают друг друга. Шеф гордился, что экономическая тематика у него на высшем уровне, а она дорожила своими авторами — учеными, министрами, которые делились с ней новыми разработками.

Однажды на одно из важных заседаний за городом, в правительственном санатории «Сосны», ее пригласил помощник премьер-министра Владимир Лукьянович. Сказал, что будет большой сбор важных персон, и если она согласна, то он вышлет за ней машину.

От такого не отказываются, тем более что кроме нее (так он сказал) там не будет других журналистов. Наташа впервые ехала по красивейшей извивающейся дороге, которая шла вдоль дивного ухоженного леса. Дорога была узкая, с редкими автомобилями, поскольку она издавна принадлежала правящему классу — там были их «гнезда».

Владимир Лукьянович встречал ее внизу, вежливо открыл дверцу, протянул руку — теплую, надежную. Провел на второй этаж, где собирались вип-персоны. Со многими она была знакома. Мужчины оживились, увидев ее, стали предлагать место за столом заседаний. Наташа поблагодарила и села. Через несколько минут подошел Владимир Лукьянович и тихонько попросил ее пересесть: за столом должны были быть только члены правительства. Она села на второй ряд, а на «ее» место сел он.

Обсуждался очередной этап перестройки, наиболее интересные выступления она записывала на диктофон, что-то — в блокнот. Но ее внимание иногда отвлекал... затылок Владимира Лукьяновича! Вроде он тоже слушал, но его затылок «говорил», что она ему интереснее! Бывает ли такое? С этим феноменом она столкнулась впервые в жизни, когда красноречивее всего бывает неконтролируемая часть тела человека.

В перерыве он подошел и предложил вместе пообедать. Время было как раз подходящее. По длинному коридору они дошли до туалета, и здесь он галантно открыл ей дверь, включил свет и сказал: «Помойте ручки». Закрыв дверь и стал ждать снаружи. Это тоже было кстати.

Справившись с супом и мясом с овощами, он спросил у Наташи, что она хочет на десерт?

Ну раз уж тут «пошла такая пьянка» (по Твардовскому), то почему не шикануть? И она говорит: «Мороженое». А вот мороженого у них нет. Что значит — мужчины, их число здесь было явно преобладающим. Пришлось ограничить свои неумные потребности чаем.

Выходя, они встретили Леонида Ивановича Абалкина и радостно приветствовали друг друга. Наташа тут же оставила своего «кормильца», и уже с Абалкиным они отправились на природу, погуляли, делясь экономическими новостями, потом сели в беседке возле основного корпуса. Абалкин ласково смотрел на нее, а она уже расспрашивала его не только о перспективах страны (они были не очень), а о том, имеет ли он дачу и что на ней делает. В этом месте

Леонид Иванович набрал в грудь воздуха побольше обычного и сказал, что только там он живет и вдохновляется, а любимое его дело на даче — мастерить что-нибудь своими руками. «Вот недавно я сам сделал простую табуретку. Она получилась так себе, на троечку, но как же я был счастлив, глядя на нее!»

Да, это были люди одной крови. Она тоже любит простой ручной труд и отдыхает, работая на природе.

В это время в окно за ними следил внимательный Владимир Лукьянович. И — подумайте только! — страшно ревновал ее к Абалкину. Об этом Наташа узнала спустя много времени.

В следующие разы, когда ее приглашали на заседания рабочей группы по подготовке новых государственных законов и она приезжала туда, после обеда ей уже приносили... мороженое. Это было намеком на лично хорошее к ней отношение.

## ДИСКУССИЯ В КРЕМЛЕ

Чего скрывать, когда на арене цирка по имени СССР появился этот молодой факир-фокусник, очень многие ему поверили и в него влюбились. Старая гвардия членов ЦК им была выперта из Кремля и Старой площади и, по сути, уже была обречена. Коммунисты тоже сами видели пороки старой системы, порой, хоть и имели неплохую кормушку, сами страдали от того бюрократизма, вот никто и не вышел защищать «коммунизм». Горбачев под вопли ослепленного гласностью народа все взорвал, разрушил. А как создать новое надежное здание страны, с чего начать, — сам не знал. Это ему было неведомо. Понимал одно: строить надо было сразу все — и все по новой архитектуре. А с чего начать — кто ж его знает?

В числе молодых экономистов Наташа была приглашена в Кремль — к Горбачеву на беседу. Там были Явлинский, Чубайс, Гайдар и многие другие. Часа четыре они говорили Горбачеву о вопиющих проблемах советской экономики. Наташа видела растерянное лицо Михаила Сергеевича, ей казалось, что он и сам не рад произведенному им же разрушению.

Видимо, именно поэтому он с такой охотой совершал бесконечные международные вояжи. Там он был король со своей королевой и свитой, а здесь — внутри страны — козел отпущения. Страх перед властью он сам же и аннулировал «гласностью», а новый пьедестал — из уважения, доверия — так и не создал.

Плюс к этому непрерывное присутствие на экранах ТВ с объяснениями, разъяснениями... Чем больше тебя видят — тем больше «раскусывают». Как орешек — пробуют на зубок, и все ясно. Вождю не пристало быть, как картошка на столе (все одно и тоже). Он должен появляться, как рождественский пирог. Тогда все слушают, замерев дыхание. Сталин грамотно использовал и производил этот эффект постоянного присутствия. Но за кадром. «Я везде есть, но я невидим». Почти как Господь Бог.

...На той встрече Наташа тоже выступила: у всех было это право. Привела такой пример: «За один килограмм зерна страна сейчас отдает в зарубежье четыре литра нефти! Нефть зреет столетиями, а зерно можно вырастить за полгода. Разве ж это нормальная экономика? Как долго мы будем в этой яме? Где и когда будет выход?» — спросила она.

Тут Горбачев «возбуждился»:

— В вашей газете Абалкин сказал, что на перестройку потребуется 25 лет! Нет и нет! Это абсолютно пораженческие настроения. Пройдет три, от силы пять лет, и мы все изменим!

— С кем? С какими руководителями? Толковых вы как огня боитесь, а что доброго могут сделать бездари? И это — талантливые управленцы? Это передовая экономика? Нет, это идиотизм!

— Вы не понимаете! Сами процессы — гласность, открытость — выведут нас на правильный путь!

— А кто будет управлять этими процессами? — не унималась Наталья, ее тоже, если заведешь, не скоро остановишь..

Горбачев разозлился, за чем-то полез в ящик стола... Ее соседи по круглому

столу стали успокаивать: «Да ладно, что он может»...

Горбачев тоже продолжал кипятиться, но ей от его раздражения было не страшно. Нисколько. Словно знала, что ничего плохого он ей не сделает. Да и хорошего тоже. Не дано.

## В КНИГЕ РЕКОРДОВ ГИННЕССА

«АиФ» стал народной газетой и в 1990 году был внесен в Книгу рекордов Гиннеса за самый большой тираж еженедельного издания — 33,4 млн. экз. Жизнь коллектива резко улучшилась: редакция переехала в старинный особняк Барышниковых на Мясницкую, 42.

Журналистское содружество — это всегда «суть тьмы и света сплав гремучий». И, конечно, сотрудникам «АиФа», их задору и дерзновению завидовали! Завидовали, не замечая даже того плохого, что они испытывали на себе: чрезвычайно пристальный контроль со стороны Старой площади; долговременное отсутствие нормального помещения, технических средств, корпунктов за рубежом, денег на командировки и гонорары. Завидовали и тому, что газетой руководит такой главный редактор, о котором толком никто ничего не знал. Он казался загадочно-значительным, непонятым, а от этого — могущественным и всесильным. Потом, спустя время, завидовали и главному — что у него такая сильная, сбитая команда, готовая взять любую амбразуру.

В общем и целом, в «АиФе» были молодые волчата во главе с умным и хитрым матерым волком. Что уж говорить об остальных людях, когда журналисты сами с жадностью хватили свежие номера и прочитывали их от корки до корки, ощущая при этом «мурашки по спине» и сухость во рту от того, что они это сделали! Журналистам Старков давал такие заветы: надо любить своего читателя и перестать заниматься самовыражением. Хочешь заниматься самовыражением — рисуй картины, облака, но не занимайся таким прагматичным делом, как журналистика. И еще: идя на поводу у читателя, тяни все-таки его за собой. Хоть на шаг, а будь впереди. От Старкова исходила сила, заставляющая людей подчиняться ему. И уже много позже ты осознавал, что он был противоречив, непостоянен, бесконечно влюблялся в людей, а потом — отворачивался от них, во многом он был, как и другие люди, несовершенен, но это была яркая, запоминающаяся личность. Первую часть совместной жизни он для многих людей был непререкаемым авторитетом и даже кумиром. Библия это запрещает. «Не сотвори себе кумира», — внушает нам православие. (Возможно, журналисты и поплатились в дальнейшем за то, что забывали об этой мудрости.)



## ЕЛЬЦИН

В то время началась пробуксовка перестройки, люди не чувствовали никаких результатов от этой гласности и демократии. Горбачев все обещал и обещал манну небесную, обнадеживал, призывал западноевропейскую и заокеанскую помощь, но российское общество видело одну говорильню. Реформ нет, стало еще хуже, чем было, разве что за разговоры в лагеря не сажали. Говори себе о чем хочешь — хоть уговорись. А толку-то?

И тут на политической сцене появился деловой и решительный Борис Николаевич Ельцин. Народная любовь, наполненная радужными надеждами, но не удовлетворенная Горбачевым, вскоре переключилась на него. Высокого, статного, красивого — ну прямо богатырь из русских народных сказок. И давай рубить правду-матку. И все по делу, все против привилегий да против несправедного богатства. И на трамвае поездил, и в магазины заходил и там принародно директоров чихвостили, и на рынках сам продукты проверял. В общем, дождались, вот он заступник обиженных. Да и Горбачев нечаянно ему подыграл: стал совершать явные ошибки — «запрещать» Ельцина. Что само по себе было абсолютно нелогично: всюду вроде как объявленная гласность, а вот СМИ запретили даже упоминать имя — «Ельцин».

В «АиФе» понимали, что все это неправильно, потому что сами сильно симпатизировали Ельцину, и решили в рубрике «По материалам зарубежной прессы» поставить интервью БН, данное им испанской газете «Карьера делла Серра». Перевели этот материал, Наталья его немного сократила (все-таки еженедельник, а не ежедневная газета) и — в печать!

Номер вышел, и разразился очередной скандал. «Зачем вывели в свет этого уroda?» — интересовались в ЦК. Журналисты выложили перед чиновниками из идеологического отдела ЦК горы писем с вопросами о Ельцине и задали встречный вопрос: что нам прикажете отвечать своим подписчикам?

До этого случая Наталья, будучи парламентским корреспондентом, несколько раз приносила Ельцину в Верховный Совет СССР стопки писем от читателей, которые его поддерживали. «Пусть будет моральная опора», — думала она. Ельцин был за это ей благодарен. На следующий день после публикации его интервью из испанской газеты он подошел к ней и стал возмущаться: почему вы сократили, не дали полностью его материал?

Его претензия Наталью тоже возмутила:

— Борис Николаевич, но вы же «запрещены цензурой»! Ни одно СМИ о вас не пишет! Или для вас это новость? Где за последний месяц хоть раз упоминалось ваше имя?

— Не важно, скажите, зачем вы сократили мое интервью? — продолжает свое Б.Н.

— Я сама его сокращала. Вырезала незначительные куски, где вы говорите: «Если принять во внимание», «я долго размышлял», и прочее. От этого материал только усилился.

— Нет, я все равно требую, чтобы в следующем номере вы напечатали все.

— Еще раз? Да мы только еле-еле «отбрехались» от ЦК, и вы думаете,

теперь еще раз на рожон полезем? Я завтра принесу вам тот текст, и вы сами увидите мои сокращения.

На следующий день Наталья показывает ему обведенные ею и выкинутые слова. Он смотрит, а она говорит:

— Значит, так: если вы по-прежнему настаиваете на своем, то я опишу читателям ваши претензии, и мы дадим только выкинутые слова, так как все остальное уже напечатано. У нас в газете мало места, и мы им дорожим.

— Ладно, не надо, — недовольно буркнул он.

## МАШИНА!

Выпало какое-то немыслимое счастье — за большие трудовые подвиги Наталье выделили автомашину — да еще какую — «девятку»! В то время легковушку ни за какие деньги нельзя было купить. Машин не было. Иномарки ввозили только для больших-больших «шишек», а отечественный автопром выдавал скудную и малотиражную продукцию. Почти все они шли «по разнарядке». То есть по великому благу или... передовикам производства.

Так что медлить ни в коем случае нельзя, надо срочным образом — на крыльях счастья! — лететь в Тольятти и брать там свою красавицу. Наташа отказалась от предложения опытных гонщиков, обещающих за несколько часов перегнать ее новый автомобиль из Тольятти до Москвы. Не захотела такого явного насилия над «ласточкой». С какой же скоростью они погонят ее, если положено «не выше средней»?

Уговорила бывшего мужа Володю поехать с ней на «АвтоВАЗ». Попросила снять номера с его «Волги» и взять на нее же техпаспорт — на всякий случай.

Был конец августа 1990 года. Приезжают оба в Тольятти поездом, во дворе завода находят свою машинку, вроде как она им даже подмигнула — ну вот так им показалось! Оплачивают покупку — чудесную белоснежную «Ладу» за 6200 рублей и страхуют ее. Наташа хочет застраховать хотя бы на две стоимости — для гарантии в случае чего. Володя настаивает на одной: зачем тебе отдавать лишние деньги? Он вообще этого не переносит. Страховщица сочла, что решающее слово здесь явно имеет такой суровый и безапелляционный мужчина, и быстренько оформила документы на одну стоимость.

Володя полюбовался белой «девяткой» и предложил выехать из Тольятти в ночь, дескать, дороги меньше загружены, а зрение у него хорошее. Наташе ночью ехать совсем не хотелось, но в конце концов она согласилась, с условием, что на новую машину он повесит номера от «Волги». В течение этого дня их много раз предупреждали, что на дорогах разбойничают банды и отбирают новые авто. Ее замысел был таков: действующими номерами скрыть новизну автомобиля. А с гаишниками они как-нибудь разберутся на месте.

Разузнали дорогу. Второе главное, сказали им, не пропустить два поворота. Один — на Пензу, второй — на Москву. Указателей мало, так что надо быть очень бдительными и, конечно же, самое страшное — опасаться бандитов. Что значит «опасаться» — было понятно, но как от них спастись — совершенно неясно.

Вечером тронулись в путь. Наталья, помолившись, устроилась на пассажирском сиденье и вся во внимании, где будет этот первый поворот.

Быстро стемнело, а поворота все нет. Она уже опасается, не проскочили ли они его? Спросить не у кого, дорога пуста.

Вдруг впереди замелькали задние огни автомобиля.

— Давай догоним, спросим, где этот чертов поворот, — предлагает она.

Поднажали. Видят, машина без номеров, значит, тоже только что куплена. Но идет очень резво, значит, дорогу знает. Хотя почему хозяин ее не бережет? Обкатку ведь еще не прошла!

— Посигналь ему, — говорит Наташа.

Володя посигналил. Никакой ответной реакции. Решили поравняться с ним и знаками выяснить правильный путь.

Вот уже едут рядом. Четко — крыло в крыло. Наталья открыла пассажирское окно и кричит водителю (руки у рта трубочкой): «Скажите, пожалуйста, где поворот на Пензу?»

Ответа нет. Наташа еще и еще, и еще раз выкрикивает ему свой вопрос... Водитель, как сфинкс, даже не поворачивает голову на ее зов. Но лицо его имеет странный мраморно-белый профиль. Вот он вцепился в баранку и что есть силы давит на газ.

Она снова с отчаянием кричит: «Да скажи же ты, где этот чертов поворот на Пензу?» А потом еще короче: «Где Пенза?»

Но безмолвный попутчик газанул так, как они уже не рискнули, и наконец-то оторвался от них.

В неведении двое бывших супругов едут дальше. А что еще делать? И вскоре (о, радость!) увидели скромный указатель — поворот на Пензу. Слава Богу, не проскочили! Теперь только следующий поворот не проморгать. Едут-едут. Вдруг впереди пост ГАИ. Их, естественно, останавливают... А кого еще? Дорога пуста. «Давайте, почтенные, ваши документики...» А документики-то у почтенных совсем на другую машину! Володя замешкался — какие давать? Наталья шепчет — «волгины». Он протягивает неправильные документы, внимательный гаишник наклоняется, рассматривает в темноте номер на автомашине, потом в техпаспорте... «Все в порядке. Счастливого пути! Будьте осторожны!» — напутствует он, не замечая, что перед ним совсем другой «конь». Не «Волга», а «Лада». Пронесло! Едут дальше, дело уже движется к рассвету. А где же теперь поворот на Москву? Вдруг проскочили его в потемках? Ой-ой-ой! Как же тогда быть?

Внезапно впереди увидели задние огоньки автомобиля. Вот оно, спасение!

«Давай, жми!» — советует Наталья.

С трудом, но догоняют, сигналият (бесполезно), потом снова выравнивают машины, благо встречных на дороге нет, Наташа открывает окно, складывает руки трубочкой и кричит: «Где поворот на Москву?»

Вместо ответа видит белое как снег лицо водителя и...

узнает его профиль! Это тот самый человек, который сбегал от них в начале пути!

Он на одно мгновение повернул к ней свое искаженное испугом лицо. Глаза его расширились от ужаса... «Это снова они гонятся за мной! Я думал, что уже оторвался, а они продолжают погоню, чтобы отобрать мою новую машину!» — вот что выражали в тот момент его глаза.

Наташа подумала, что сейчас его точно хватит кондрашка! От неожиданного «опознания» растерялась и даже кричать перестала... Да уже и некому было: водитель так газанул (без всякой жалости к машине), что снова оторвался от них! Но и им горевать от такой потери недолго пришлось. Наконец-то они увидели поворот на Москву... Расслабившись от ночного напряжения, они вдруг представили, как этот мужик будет живо и достоверно описывать погоню

бандитов за его новой машиной... Причем «с бабой во главе». И какие новые легенды еще шире разойдутся про дорожных разбойников, отбирающих новые, еще не зарегистрированные автомобили. Вот такие это были проходимцы.

## НЕТ МАШИНЫ!

Радость от обладания собственным средством передвижения длилась недолго — всего две недели. За это время бывший муж восхищался машиной, обучал Наташу водительскому мастерству. Машина стояла во дворе многоквартирного дома в Крылатском, где они жили уже целый год, и блистала своей красотой и чистотой. Наташа строго следила, чтобы ни одной помарочки не было на ее кузове. Она все время просила Володю съездить на станцию техобслуживания и поставить на машину надежную противоугонку. В ответ слышала, что в те дни, когда машину могли принять на СТО, ему некогда, вот чуть-чуть попозже.

Она, естественно, волновалась за авто, сияющее своей красотой во дворе многоэтажного дома, но все равно с нее буквально «пылиночки сдувала». Лучше бы пылью да грязью ее покрывать, а не демонстрировать всем завистливым людям ее новизну! Но что поделаешь — таков характер. А характер — это уже судьба. В утешение, что он не может поехать и поставить противоугонку, Володя советовал, уходя от машины, забирать с собой центральный провод. Научил, как его доставать, но не сказал, что надо прятать. В итоге после поездки она вышагивала от машины с этим проводом в руках. Дураки, да и только. Даже идиоты.

10 сентября у Володи был день рождения, Наташа и дети, как и положено, его поздравили, выпили шампанского, поели разного вкусного, съели торт — вот и все немудреное веселье. Вечером он не хотел уходить домой, пытался остаться здесь ночевать. Но не получилось. Наташа была непреклонна. «Уходя, гасите свет!» — так она считала.

Утром, как обычно, ушла на работу.

В обед звонит ей в редакцию десятилетний сын Саша:

— Мам, ты что ли на работу на машине поехала?

— Нет, что ты! Я еще не решаюсь добираться до самого центра!

— Мам, знаешь, нет нашей машины.

— Не выдумывай, она теперь у торца дома стоит.

— Мам, я весь двор два раза обошел — нет машины. Звони в ГАИ.

Наташа не могла поверить этому сообщению. Считала, что это абсурд. Ее же не могли завести! Вчера она вытащила из-под капота центральный провод. «Без него, — утверждал Володя, — машину не заведешь, а значит — не украдут».

В большом волнении она позвонила в ГАИ, сообщила об угоне. Они сказали, надейтесь, но не очень. Мы находим только каждую пятую машину, и ту в плохом техническом состоянии. Печаль ее была глубокой...

И тут раздался звонок от Владимира Лукьяновича, помощника премьера:

— Здравствуйте! Как дела у вас?

— Да вот, мою новую машину, кажется, угнали... Я в трансе, не представляю, что делать, как пережить это!

— Срочно выезжаем на место! Я заеду за вами.

Вскоре он приехал к редакции, и на его машине они двинулись к месту последней парковки. Наташа была в расстройстве, но еще не теряла надежду

найти свою ласточку.

Увы... Когда она увидела чистый серый асфальт вместо своей новенькой «Лады», слезы градом покатились из глаз:

— Как такое может быть?! Вот поставила машину, а ее... нет. Умыкнули! Ну разве это люди? Нет, это звери, ворье поганое! Вообще не понимаю, как можно брать чужое?!

— Не надо так переживать, я помогу вам приобрести другую машину. Лучше той, что была, — утешал ее этот добрый человек.

«Лучше той» — и быть не могло. «Лада» — светлая, нежная, как невеста, уже была своей, драгоценной и долгожданной. Но слова этого человека все равно здорово утешали Наташу — в них была надежда: не все пропало.

...Потом она встречалась со следователем, который был скептически настроен насчет обнаружения пропажи. Одна соседка, тоже пострадавшая от угона, рассказала свою историю, произошедшую в нашем дворе пару недель назад.

Она возвращалась с работы и возле своего подъезда заметила, что ее автомобиль отъезжает от дома, а в нем — незнакомые ей люди! Надо отдать должное ее самоотверженности, она не растерялась, рванула к другим машинам, где были водители. Упросила одного из них двигаться за ее угнанным автомобилем. Им это удалось, но все время не было удобного момента, чтобы захватить угонщиков.

Они вместе выехали на московскую кольцевую автодорогу, стали медленно двигаться по ней и увидели, как после сигнала огнями угнанной машины у стоящей на обочине фуры быстро открылась задняя дверь, из нее был выкинут трап. По нему угнанный автомобиль быстро въехал в эту фуру. Пару минут и... Все! Приехали!

Фура двинулась в путь, и женщина с водителем поехали теперь уже за ней, беременной чужим авто. Удобный момент они нашли возле поста ГАИ, когда поток машин по велению указателей резко снизил скорость. Женщина подбежала к постовому, сказала, что ее угнанная машина вон в той фуре. Гаишники сначала не поверили взбудораженной женщине, но все-таки фуру остановили, проверили. И в фуре той был уже наполовину разобранный автомобиль. Его приготовили на запчасти.

...Никаких признаков того, что «Лада» найдется, к сожалению, не было. Во дворе уже появилось нехилое сообщество автовладельцев, оставшихся без своих «карет». То есть бывших автовладельцев.

У одного из них тоже была своя уникальная история. Он купил новый автомобиль с рук, много за него заплатил и в тот же день нечаянно задел крылом бетонную тумбу. Горя было — словами не передать! Но потом оно сменилось радостью.

Оказалось, что этот автомобиль воровали и продавали уже... восемь раз! Продадут кому-то (адрес его становится известен при оформлении техпаспорта), дадут ему ключи (а еще одни — оставляют у себя), и в тот же день (вечер, ночь) ее угоняют. Техпаспортов на эту машину у бандитов было навалом, как и желающих ее приобрести. И ее тут же перепродавали другому. Быстро, пока

автомобиль не потерял свой товарный вид. У девятого «раззявы», который рассказывал эту историю, авто потеряло свою новизну по причине помятого крыла, и бандиты сочли это знаком для прекращения очередных угонов именно этого автомобиля...



## ЭКСТРАСЕНС

Видя Наташины нешуточные страдания, коллеги посоветовали ей какого-то экстрасенса. Тот привез с собой ясновидящую Веру. Вера взяла Наташу за руку, ее (Веру) ввели в транс, и она стала рассказывать свое видение: вот ночью к машине подошли двое молодых мужчин. Они переговаривались на незнакомом ей языке, затем чем-то открыли капот, достали из своей сумки провод (центральный), каким-то ключом открыли дверцу и завели машину.

Экстрасенс приказал Вере сесть на заднее сиденье. Спросил, что она видит? Вера описала маленькую подушку, сообщив, что с водительского места бандиты кинули ее на заднее сиденье; белый лист бумаги с буквой «У» на заднем стекле. (Ни о подушке, ни об «У» Наталья никому не рассказывала (сама забыла), поэтому сочла ее рассказ абсолютно достоверным.) Описала она и место, где все это происходило. Сказала, в какую сторону машина двинулась со двора и что затем свернула в сторону области. Увидела она и гаишника, который внимательно посмотрел им вслед...

Потом Вера воскликнула: «Ой-ой-ой! Не могу больше! Хочу выйти!» Экстрасенс быстро вывел ее из транса, попутно объяснив Наташе, что недавно ясновидящая Вера попала в ДТП и теперь боится скоростей.

Наташа дотошно пыталась найти свою машину; привлекала силы таких же страдальцев, следователей.

Ночью в ее квартире стали раздаваться непонятные звонки:

— Не переживай, все наладится, — говорил ей вкрадчивый мужской голос. Самое удивительное, что этот голос был ей абсолютно знаком, как, например, знаком голос матери, брата и подруги. А теперь попробуйте, смешайте их голоса в один. Вот таким неузнанным, но до боли знакомым был этот ночной голос. Она спрашивала:

— Кто вы? Я вас не узнаю.

— Этого не может быть, что ты не узнаешь меня, это меня очень огорчает.

По полчаса говорил он с нею. Его она слушала с одной целью — понять, чей же это голос?

Он продолжал ее успокаивать:

— Не страдай, так должно быть. Не ищи машину, забудь о ней. Не твоя она, понимаешь? Не ищи, не ищи...

Странное дело, до сих пор она так и не может понять, кто говорил с ней таким до боли знакомым голосом, что казалось, вот-вот, и она определит его владельца! Но потом — через пару недель — он исчез так же неожиданно, как и появился. Наташа долго потом вслушивалась в голоса своих знакомых, надеясь опознать своего ночного собеседника. Увы... Как будто это было смоделировано кем-то на компьютере на базе голосов знакомых ей людей. Но зачем??? Как версия: что-то плохое было написано на судьбе той машины, и некто (может, ангел?) уберегал ее от Наташи, чтобы продлить годы ее жизни. Значит, она (Наташа) кому-то была необходима? Тогда для чего?

Вспомнила, как ясновидящая Вера на вопрос экстрасенса, найдет ли она свою машину, отвечала: «Не знаю, найдут ее или нет, но через три месяца я вижу

ее с похожей машиной».

— Значит, найдут?— переспросил экстрасенс.

— Не уверена, но машина будет — это точно, — ответила Вера.

## В ЗАЛЕ — СУМАСШЕДШИЕ

Жизнь в стране бурлила. Выборы Ельцина, борьба демократов с коммунистами, реформы дикие, невыплаты зарплат, валютные курсы скачут... «Не приведи Бог жить в период перемен!» Но этого уже невозможно было избежать. Кто-то ушлый сказочно богател, сумев ухватить, приватизировать кусок народной собственности (и все по закону!), кто-то нищал, а от этой безысходности сводил счеты с жизнью. Негласный девиз был такой — «Выживает сильнейший!» При этом подразумевалось, что сильнейший — это наиболее разворотливый, наглый и хитрый. С другой стороны, а может, это на самом деле так, если вокруг тебя не просвещенные люди, а стаи волков. Людям, как глоток свежего воздуха, надо было увидеть, услышать тех, кому они еще продолжали доверять. Журналисты «АиФа» в те годы часто выезжали на такие читательские конференции, и всегда на них приходило много взволнованного событиями люда. Они хотели из первых уст услышать, будут ли продолжаться экономические издевательства или наконец-то наступит какая-нибудь передышка.

И вот однажды в Наташин кабинет заглядывает Старков и говорит ей:

— Сегодня мы выступаем в Политехническом музее, — сказал он, — ты обязательно должна быть.

— У меня столько дел. Может, без меня обойдетесь?

— Нет, не обойдемся. Даже не думай!

— Что ж так сразу? Даже не дали подготовиться, — обиделась Наташа.

— Дорогая моя, ты готовилась к этой встрече всю жизнь! Зачем еще какие-то два часа?

А ведь на самом деле, ну что можно узнать за два часа?!

...Приезжают, их встречают радостные сотрудницы Политеха:

— Народу — страсть сколько! Музей может лопнуть. Только учтите — среди людей всякие попадают, — предупреждают они.

— «Всякие» — это кто? — не поняла Наташа.

— Это те, у кого с головой не все в порядке.

Ясненько...

Зал забит битком. На столе — уже гора записок. А что будет дальше, когда начнем отвечать! Выбираем — каждый себе свои записки по интересам. В них вопросы об экономике, ценах, безобразиях, о политике, слухах, персонах...

Вопросы читателей по-прежнему оставались нашим «золотым ключиком». А они сыпались на газету и сыпались: «Были ли пенсионеры в России до 1917 года? Сколько они получали?»; «Когда в нашей стране «органы» стояли над партией?»; «Можно ли сейчас приватизировать военные предприятия и продавать их акции? Куда тогда денется их сверхсекретная продукция?»; «Раньше люди, нашедшие клад, отдавали их государству и получали за это 25% от стоимости клада. Сейчас о новых кладах ничего не слышно. Интересно, чего стало меньше: кладов или дураков?»; «Рождаются ли люди маньяками или становятся ими уже потом?»; «Если бы, например, я в 1985 году положил на сберкнижку 1000 рублей, сколько бы я снял сейчас?». «У нас в стране есть золотой запас. Может ли моя семья претендовать на свою долю в нем?»; «Что мне делать, если мой муж

«половой лентяй?»»

Подают новую серию записок. Наташа берет верхнюю и читает: «Как вы прокомментируете посадку немецкого самолета на Красной площади?»

«Ну, началось, психи активизировались», — подумала она и показала записку шефу. Тот понимающе покивал головой и улыбнулся ей. Дескать, все правильно, предостережение сработало.

Они еще не знали, что это не бред сумасшедшего, а истина. Москву посетил Руст. Молодой немецкий паренек высадился на своем маленьком самолетике прямо на Красную площадь нашей дорогой столицы! Сел, вышел из своего «ястребка» и с восторгом сообщил, что так хотел увидеть горбачевскую Москву, что вот, извините, не сдержался, прилетел без предупреждения.

Что тут было! Полетели «головы» многих ведомственных «шишек»! А где была ПВО (противовоздушная оборона)? А куда глядели другие спецы — важные «птицы»? Словом, произошел большой международный скандал от одного беспечного и любопытного паренька... Вот какие были времена.

## «ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ»

Дело было так. Депутаты выдвинули Ельцина на пост Председателя Верховного Совета России, чтобы он наступил на горло Горбачеву (тогда их отношения серьезно накалились). Наташа сидела в зале заседаний ВС и внимательно за всем наблюдала. Она понимала, что эта весть не доставит никакой радости Михаилу Сергеевичу, ведь ему в спину дышал его главный конкурент.

Но нет! Почему-то он спокоен. Лицо Горбачева не дернулось ни одним внешним мускулом. Почему? По гороскопу Наташа и М. С. — Рыбы, и она всегда «нутром чувствовала» его реакции. А теперь была озадачена: почему он не переживает? Ведет себя так спокойно и уверенно, словно весь этот спектакль не касается его.

Ради раскрытия сей тайны она даже на следующий день принесла с собой из дома театральные очки, позволявшие наблюдать за внешними реакциями Горбачева.

Как раз в то время в Верховном Совете проводилось промежуточное голосование депутатов по какому-то вопросу. Наташа стала внимательно следить за происходящим. Депутаты были возбуждены предстоящими выборами и заняты исключительно мобилизацией сил «за Ельцина»: уговорами сомневающихся депутатов, подкупом нейтральных. Некоторые из них, видя Наташу, радостно сообщали, кого еще удалось перетянуть на сторону Ельцина.

А Горбачев по-прежнему был спокоен, и это в то время, когда «в его гроб» начали заколачивать гвозди. Как разгадать эту загадку? И вот сейчас депутаты нервно кидают свои бюллетени в урну. Вопрос на голосование был важный, но не настолько, насколько предстоящие выборы Ельцина председателем.

Итак, следим за процессом: вот депутаты получают бюллетени, отмечают их и бросают в урны. Тут же делятся своими впечатлениями. Потом урны опечатывают, парни из охраны уносят за кулисы, потом уже выносят к счетной комиссии. А что если тайна как раз за кулисами? Унесли одни урны, «неправильные», а вынесли другие — приятные Горбачеву? Так или не так? Проверить можно одним путем — пометить выдаваемые депутатам бюллетени. Например, печать и три подписи на обороте.

Эту идею Наташа высказала своим коллегам по редакции.

Пятеро из них уже стали депутатами Верховного Совета России. (И главный редактор, разумеется, тоже. Шеф после нападок Горбачева захотел быть неприкосновенным: только депутатство давало ему такую возможность). Предлагали выдвинуться и Наталье, но она без малейших колебаний отказалась. Во-первых, двое детей — и без того она не баловала их своим постоянным вниманием и присутствием. Во-вторых, работа выжимала из нее все соки. В-третьих, браться за многое и делать все кое-как — не ее стиль жизни.

Коллеги оценили Наташину идею, высказали ее другим депутатам, те с радостью поддержали: от Горбачева они ожидали чего угодно.

Настал день голосования. Оно было не всенародным, а депутатским. И вот решающий момент. На общем заседании Президиума депутаты от Межрегиональной группы (державшиеся за Ельцина) объявляют: на выборах

председателя Верховного Совета все бюллетени будут помечены — печатью и тремя подписями.

Наташа внимательно — в бинокль! — смотрела на Горбачева. Его лицо перекошило, а потом побелело от злости. Ей показалось, что она раскрыла его тайну.

Председателем ВС РФ был избран Ельцин. Странно, но сама она ни разу не голосовала за него, когда впоследствии были всенародные выборы, как за президента.

За Ельциным пришла зарубежная тусовка, советники всех мастей. Они управляли российскими «лаборантами»: Чубайсом, Гайдаром, Козыревым, Нечаевым, Бурбулисом и другими. А те — многострадальной страной. Вот такие бывают честные выборы.

## ЖАДИНА И ВРУН

Ельцин! Каким он все-таки был? Однажды Наташа вспомнила эпизод, который был связан с помещением для редакции. Поскольку Ельцин уже возглавлял Московскую партийную организацию, редакция решила обратиться к нему за поддержкой. Подготовили аргументированное письмо, и с ним Наташа пришла к Б. Н. Так и так, Борис Николаевич, у нас кроме старой трехкомнатной квартиры нет другого помещения. Негде принять посетителей, люди сидят по семь человек в одной комнате, письма некуда складывать, а тираж 30 миллионов экземпляров.

— Нет, ничем не могу вам помочь, обращайтесь к депутатам, пусть они (чем больше, тем лучше) хлопчут за вас.

— А вы-то подпишете?

— Пока нет. Может быть, после них.

Полный облом. Наталья не ожидала такой реакции, но обошла депутатов, и больше десятка с большой готовностью подписали это обращение. Оно им впоследствии пригодилось, когда они просили помещение у премьер-министра страны.

Очередное столкновение с Ельциным произошло на почве его купания в реке в результате падения с моста.

После недельного отсутствия по причине якобы простуды, Б. Н. пришел в здание Верховного Совета. И сразу же столкнулся с Наташей и корреспондентом «Известий» (они стояли и беседовали в холле Верховного Совета). Журналисты завели Ельцина за колонну — подальше от чужих глаз — и попросили его рассказать, как все было на самом деле.

Он взял и все рассказал. Сам он был после похмелья, но говорил связано и откровенно.

— Решил, понимаешь, навестить свою подругу. Разве не имею права? Что они мне все запрещают? Нет, я сам решаю, что можно, что нет. И вот, понимаешь, с цветами, как и положено, выхожу из машины. Не возле дачи, а заранее, чтоб никто не видел...

И далее, как было. Ребята впечатлились той живописной картиной, как муж подруги, забыв в пылу ревности о статусе «великопоставленного» любовника, по-мужицки лихо скинул его с моста. БН не смущался драматичности и подловатости момента, а, наоборот, чувствовал себя героем, пострадавшим за возлюбленную. Во всяком случае, таков был его внутренний камертон, и он не скрывал его от журналистов...

На другой день была очередная читательская конференция «АиФа» в Доме кино. На сцене — несколько ведущих сотрудников «АиФа», в зале — читатели, политически активные граждане столицы. Они в записках задают свои животрепещущие вопросы, газетчики отвечают так: кто лучше знает ответ, тот и отвечает.

В числе многих записок получили и такую: «Вы не знаете, что же случилось с Ельциным до и после купания в речке?»

Записку Наташа взяла себе и стала отвечать, ссылаясь на слова самого БН,

но соблюдая политкорректность, то есть чуточку сглаживая действительность.

Через день в том же зале была встреча уже членов Межрегиональной депутатской группы (Ельцин во главе) с москвичами. Ему задали тот же вопрос, но отвечал он совсем иначе: его историю бдительные соратники как следует отредактировали, чтобы образ «борца за справедливость» не испортил этот любовный инцидент. Тогда другой слушатель, который был вчера в этом зале на читательской конференции «АиФ», переспросил:

— А вот журналистка из «АиФа» (имярек), ссылаясь на вас, рассказала эту историю по-другому.

— Да что вы слушаете всяких журналисток?! Мало ли что они там насочиняют.

Зал остался в недоумении, ведь многие политически настроенные москвичи знали Наталью по острым публикациям и мало верили, что она что-то там насочиняла...

Поздним вечером того же дня Наташе домой позвонил Председатель Моссовета, ее хороший знакомый:

— Ну и гусь же этот ваш Борис Николаевич! — начал он, не здороваясь.

— Что такое? — удивленно спросила Наташа.

— Я был на сегодняшней встрече с Ельциным... — и он пересказал ей, что там происходило. А потом и добавил:

— Я даже не спрашиваю вас, как все было, знаю, что вы не врете, но он-то каков?! И припечатал не очень цензурное слово.

Наташа решила не терпеть обиду и при очередной встрече выразила ее Борису Николаевичу:

— Как же так, вы ведь сами день тому назад мне все рассказывали?! А вчера в Доме кино стали меня позорить, дескать, все это мои придумки!

— Но вы же сами понимаете, людям не надо, даже вредно, — он внимательно посмотрел ей в глаза, — знать всю правду...

Об этом Наталья рассказала шефу, ей просто хотелось с кем-то поделиться, хотя она не сомневалась, что он будет порицать ее: тогда все были подсажены на «священную корову» — политическую целесообразность. Что полезно демократии, а что ей вредно. А Наталья ее вроде проигнорировала. Однако вопреки ожиданиям Старков сказал: «Правильно сделала...» Для журналистки это было удивительно, потому что шеф ради этой «священной коровы» уже не раз ее (Наталью, а не корову) предавал...

Отпечатался в памяти Наташи и такой штрих. Во время парламентского перекура она случайно увидела, как в большом зеркале фойе мужского туалета Ельцин любовался собой. Он не знал, что его кто-то видит (произошла игра зеркал, такой эффект иногда бывает, когда стоишь спиной к событию, а все видишь уже в свое зеркало), и так прильнет к зеркалу, и отпрянет от него, и вот так повернется левым профилем, застынет, разглядывая себя, а потом правым... Никак не налюбуется своим образом.

«Боже мой, — подумала Наталья, — и этот человек, так влюбленный в себя, хочет руководить страной?! Что он из нее сделает?»

К сожалению, тот эпизод был после того, как Наташа сама приложила руку



к его избранию председателем Верховного Совета России.

## ЮБИЛЕЙ ОТЧИМА

Примечательным был 85-летний юбилей Наташиного отчима. До этого дня он лежал в госпитале на поправке здоровья. В материнском доме в это время строили большую веранду — она очень «просилась» к дому, и Наташа давно готова была профинансировать ее возведение, но отчим был против: «Зачем зря тратить деньги?».

Покрасили дом, украсили новую веранду, пригласили родных и друзей. За столом собрались все дети, внуки. И начались тосты: «Желаем тебе дожить до ста лет и чтобы всегда тебя окружали добрые родные люди», — говорил один. Другой вторил ему: «Ты прошел войну, разруху, живи теперь долго и счастливо — на радость нам». Третий: «Посмотри, какие красивые у тебя дети, жена, внуки, какой красивый дом. Не болей! Береги здоровье. За тебя!»

Каждый может представить себе, что говорят тостующие в такой славный юбилей и что они желают виновнику этого праздника. Так продолжалось часа два. Мама тоже взяла слово:

— Мы прожили с тобой сорок лет, я благодарю тебя за все, будь счастлив, мой муж!

Неожиданно на торжестве появился сын материнской подруги. Подруга уже ушла в мир иной, а ее неприкаянный сынок, любитель выпить, но при этом безобиднейший человек, существовал возле этой семьи. То огород вскопает, то воду принесет, то еще что-то сделает, что уже не по силам было ни отчиму, ни матери. Они его за это кормили, по праздникам наливали выпивку, давали одежду. Такой вот был взаимовыгодный альянс.

В самый разгар застолья этот человек по имени Мишка, ради торжества переодевшийся в белую сорочку и черный костюм, зашел к собравшимся со скромным цветком в руках и сказал: «Я пришел тебя, дядя Илья, поздравить...» Но поздравить отчим ему не позволил: «Тебя еще здесь не хватало! Уходи, потом придешь — покормим тебя».

Мишка растерянно замолчал. «Ну уходи же, уходи, чего уставился!» — прогонял его отчим, видимо, по причине того, что надоел им этот Мишка и что это он вздумал являться на пышное торжество?!

Мишка вышел, Наташина мать бросилась за ним, чтобы хотя бы покормить его, а за столом началась шумиха.

— Как ты смеешь прогонять Мишку? Сколько дел он тебе переделал? — вдруг возмутился друг отчима.

— Да, ты не прав, батя, зря обижаешь божеского человека, — укорял младший сын.

— Ты всегда таким был, всегда жалел для другого куска хлеба. Посмотри, сколько всего на столе, а ты все жадничаешь, — возмущалась кума.

— Я давно раскусил тебя, Ильюха. Думал, к старости ты уймешься, сколько крови выпил у своей жены, но ты все такой же! — с чувством горечи говорил другой его друг.

— Как она с тобой столько прожила! Валя, где ты взяла столько терпения? — возмущалась их общая подруга.

— Он даже детей всех разогнал! — Только на юбилей и собрались вместе, — кричал с конца стола еще один родственник.

— А зачем ты подставил всю семью из-за своей долбанной политики?! Разве ты знаешь, что пришлось вынести твоей жене, когда она осталась с таким выводком — пятеро! — выплескивал свои чувства очередной из гостей.

— Да ей без него гораздо лучше было бы жить, никто бы ей нервы на кулак не наматывал, — вторила ему другая гостья.

— А помните, как он после войны...

...Такой разворот событий никто не мог предвидеть. Наталья едва успевала воспринимать этот бурный поток обвинений. Тут вдруг все переключились на нее.

— А твое черствое отношение к Наталье! Ты сам однажды сказал, что если бы загорелся дом, а в нем была она, ты бы дверь подпер колом, чтобы она не выскочила! Что плохого она тебе сделала? Она просто видела тебя насквозь, и тебя это бесило! Наташ, скажи ему все, что тебе пришлось здесь вынести! — требовали возбужденные собравшиеся.

Наташа представила себе хорошего режиссера, который снял бы этот двухсерийный фильм. Первая серия — все во славу именинника. Вторая — разоблачение его. Сильный ход, но там был бы художественный вымысел, а здесь кто режиссер? Только Бог. Подослал ничего не подозревающего Мишку, и действие пошло совсем в другую сторону.

Наталья чувствовала, что кто-то должен разрядить обстановку, и попросила всех утихомириться. Но людям хотелось выплеснуть накопившиеся свидетельства, и ей долго не удавалось унять разгоряченную публику.

— Знаете, а я благодарна ему за то, что он перекрыл мне дорогу домой, — искренне сказала она. — При моей любви к матери и при ее хлебосольстве многие на моем месте не выдержали бы московских испытаний и вернулись бы домой. Но для меня не было обратного хода. Домой — нет, только не это! Так что не надо упрекать его — он таков, каким его создала природа. Но сегодня его день, его праздник — давайте продолжим торжество. Я желаю вам всем жить долго и счастливо. Не будем осуждать другого — не имеем права. Я лично ему благодарна.

Илья сидел потерянный, очумевший от разоблачительных признаний. Ситуацию спасли чудесные русские песни, где каждый, кто соло, кто в хоре — показал, что нас всех объединяет такая непростая штука — по имени «жизнь». С ее проблемами. С ее надеждами. И с прощением. Отчим тоже исполнил свои любимые две песни: «Гори, гори, моя звезда!» и «Здесь под небом чужим, я как гость нежеланный...». Называется она «Журавли». Пел он так проникновенно, что у многих на глазах были слезы. Наташин брат Виктор записал это пение на видео, и когда потом они просматривали его, тоже плакали. Наташе отчима было жалко. Если бы он был бы жив, она с ним охотно общалась бы. Никакого зла у нее к нему нет.

...Через два месяца отчима не стало. Так что тот юбилей оказался итоговым. Он услышал все про себя — и плохое, и хорошее. Наталья во время молитв поминает его каждое утро.

## «МОСКВИЧ»

Невероятно (тогда вообще невозможно было купить автомобиль), но в начале декабря того же года вечером звонят с работы и говорят: «Срочно ищите деньги, завтра вы будете покупать «москвича». Завод выделил для нашей редакции шесть штук, одна — ваша».

Так Наташе удалось купить белый «Москвич 4112», который был очень здорово похож на угнанную ладу. И она его полюбила всей душой. И служил он ей верой и правдой много-много лет. Это было живое существо, многократно спасавшее ее жизнь. Он сворачивал раньше, чем она соображала. Он сигналил ей, если на торпедо она забывала свою сумочку. Он заводился даже с разряженным аккумулятором, когда ей позарез надо было ехать. Он был ее верным другом. Она всегда благодарила Бога и машину, когда заканчивала свою поездку.

Как-то в зале ГАИ, где было много водителей, ожидавших оформления своих бумаг, здоровенный мужик стал клясть свою «тачку».

— Наконец-то я ее, суку, продам.

— За что вы ее так? — поинтересовалась Наташа.

— Не заводится. Глохнет, зараза. Никогда не знаешь, доедешь на ней или нет. Все нервы, сука, измотала, готов был монтировкой ее бить и бить.

— А вы не пробовали с ней как-то по-другому: с любовью? Упросить ее, пожалеть, поблагодарить, похвалить, погладить?

Он посмотрел на нее как на безумную. Такое ему и в голову не приходило.

Потом, когда «Москвич» совсем состарился, они с мужем Лукьянычем по-настоящему отремонтировали его — в знак признательности его немислимых заслуг — и отдали хорошему человеку. Если бы она сейчас встретила свой «мерседес»-«Москвич» с номером 95-54, то с великой радостью расцеловала его родную мордочку. Она хозяйке даже снилась.

Наташа даже не представляла, какая машина сумела бы столько вытерпеть, как ее «Москвич». Благодаря ему удалось построить дачу. В машине они жили, ночевали, в ней кушали, на ней перевозили все — от щебенки и песка, кирпича, цемента и досок — до столов, деревьев и мотоблоков. Коллеги долго убеждали Наталью поменять машину на иномарку. Упрекали, что уже не престижно ездить на «Москвиче». А она была уверена: от добра добра не ищут.

Потом были у нее другие машины, иномарки, но первая ее «ласточка» как первая любовь — дороже всех остальных. Это была просто божественная машина. Она Наташу много раз выручала, спасала, помогала...

## ПЕРВЫЙ АВТОВЫЕЗД

Наташа уже неплохо ездила, только когда рядом сидел кто-то. Мастер-классы вождения ей давала подруга Света, которая годом раньше села на своего железного коня и на практике понимала, какие неожиданности ждут женщину за рулем. Лучше нее ни один мужчина не смог бы так глубоко докопаться до женской логики...

И вот однажды... Это был летний день. На работу к Наташе позвонила ее

давняя подруга Клава и пригласила на выходные к ним, на их дачу.

— Слушай, может, мы на моей машине туда поедem? — Внезапно для себя предложила «автоледи».

— Отлично! Тем более нам надо перевезти туда помидорную рассаду. Заезжай за нами. Будем ждать!

Наташа забеспокоилась. А довезет ли она их? Тем более с рассадой. Откуда-то появилось сомнение. Вышла из кабинета и встретила коллегу и друга Дмитрия Макарова.

— Дим, посмотри на меня, — зачем-то именно так сказала она, словно он Наталью не видел целое десятилетие (хотя они еще час назад сидели рядом на планерке), — и скажи, смогу ли я сегодня отвезти моих друзей на дачу? С рассадой, — снова непонятно почему добавила она, как будто рассада влияла на ее умение управлять машиной.

Он внимательно, как-то совершенно по-новому, посмотрел на коллегу.

— Ну почему же нет... Сможешь, только медленно и по крайней правой, — не очень уверенно сказал Дима. Затем добавил: — И с рассадой поаккуратней. «Далась и ему эта рассада! Слово не помидоры будущие, а ракетная установка!» И она помчалась домой.

Во дворе ее машина оказалась заставлена другими: выезд был, но между деревьев, считай, по газону. Сама не выедет — это точно, решила она. Что же делать, как быть? А ведь Клаве она уже из дома позвонила и сказала:

— Выезжаем с Дашей. Как к вам заехать во двор?

— Я тебя встречу на Мичуринском проспекте, возле заправки. Через сколько?

— Через полчаса, — взяв с запасом, сказала она.

Итак, машину надо вытаскивать. Но как? С тоской Наташа смотрела, как стальные кони заслонили ее беленького «Москвича». Из подъезда вышел молодой мужчина, он нес мусор.

— Вы водите машину? — с надеждой в голосе спросила его Наташа.

— Да, конечно.

— Если сумеете, пожалуйста, выгоните мою машину, мне надо на дачу.

Парень сел и достаточно ловко вывел из заточения ее «Москвича».

— Я сегодня впервые сама поеду, — объяснила она ему в свое оправдание.

— Ну что ж, отлично! Удачи вам!

Они с доченькой тронулись в путь. Тогда ее еще никто не обучил чудесной молитве: «Господи, благослови мой путь и всегда со мною будь!» Из улочки надо было выезжать на большую дорогу — через встречную полосу. По ней — сплошной поток. Все торопятся на отдых, и Наталье ну никак не удавалось преодолеть встречный поток и вписаться в свой. Никто перед ней не притормозит, а рисковать машиной разве ж она будет? Вот уже и сзади сигналият, давай, мол, живее, а она все стоит и... стоит. Господи, да что ж такое?!

Вдруг в окно стучит тот парень, который уже выгнал со стоянки ее машину. Он ей предлагает:

— Я сейчас выйду, их приостановлю, как махну вам рукой — так вы сразу же двигайтесь.

Какой умный и добрый человек! Как ей повезло! Он слегка перекрыл поток, Наташа быстро нырнула в него и поехала! Едут они с Дашей, едут и попадают в еще больший поток. Пятница. Все хотят за город. Столпотворение напоминало всеобщий исход из мегаполиса, который движется еле-еле. Он-то их и пронес мимо Клавиной заправки.

## РАССАДА

Где-то впереди они припарковались, Наташа пешком пошла на заправку. Клавы нет (прошло больше часа). Надо звонить. Но где телефон? Ей показывают на далекий микрорайон. Только там. Надо еще разменять деньги для телефона-автомата. О сотовых тогда еще и не слышали. Разменяли деньги, пошли с дочкой звонить. Клава уже дома, рассказала, как к ним ехать.

Впереди сложный разворот. Как они в него впишутся? Стала разворачиваться и наехала колесом на бордюр. Машина заглохла. Она с ней и так, и этак. Глухо. Выходит, просит ближайшего водителя снять ее авто с бордюра. Сзади жмут, сигналият, Наташа очень переживает. Ее волнение уловил водитель-помощник.

«Ничего, все так учились, не волнуйтесь», — утешил он женщину.

Снял машину с бордюра, уехал на своей. А машина даже на ровном месте не трогается. Сзади снова сигналият. Пришлось просить уже третьего водителя посмотреть машину. Он снимает туго затянутый ручник. Вон, оказывается, в чем дело! Зачем тот затянул ручник?

Наконец через два часа (от намеченного времени) они приезжают к Клаве. Те довольны, что транспорт их дожидается. Клавин муж Володя аккуратно выносит ящики с высокой симпатичной рассадой.

«С ними надо как можно осторожнее», — просит он Наташу.

Что они сегодня все о рассаде? Как вас она довезет — вот в чем вопрос! Все усаживаются, как в купе поезда. Трogaются. Но впереди горка и сразу же двухсторонняя дорога. Снова робеет: если мало поддать газу — не преодолеет горку, если много — может вылететь на дорогу так, что пострадают другие машины. Из-за придорожных кустов они совершенно не видны.

Выручила Даша.

— Мам, я выйду на дорогу, как махну рукой, что нет машин, ты сразу же и выезжай.

Умница. Ей уже 12 лет. Научилась у того парня, который первым им помогал.

Так и сделали. Машина вылетела на дорогу, Даша села в нее — и вперед!

— Куда сворачивать? — спрашивает Наташа у пассажиров.

— Через квартал направо, — говорит Клава.

— Что ты! Вот здесь надо! — кричит Володя.

— А поточнее? — это уже вопрошает Наталья.

— Через квартал!

— Нет, сейчас!

Она свернула, куда хотел Володя. Нечаянно включились дворники без щеток и царапают лобовое стекло. Ей никак не удается их вырубить, а Володя с Клавой всю ругаются, где надо дальше сворачивать. Останавливает машину гаишник.

— Почему вы едете с мигалками? — строго спрашивает Наташу.

— Какие мигалки?! Выключите мне эти дворники! — просит умоляюще она.

Гаишник послушно выключает. Вырубает и нечаянно включенные ею аварийные огни.

— Как нам выехать на кольцевую? — хором спрашивают пассажиры.

Он объясняет...

Клава с Володей на время затихают. Стали подъезжать к кольцевой, снова бурные дебаты.

— Все! Молчать! Слушать буду только Клаву! — жестко приказала Наташа, рассудив, что все равно приедем куда надо, а Клаву выбрала потому, что она до этого еще ни разу не подвела ее.

Но все-таки подвела.



## ПРИЕХАЛИ!

— Сейчас надо был

о свернуть направо, — указала Клава, когда машина уже выехала на виадук. Где там развороты, Наташа не знала. Остановила очередного водителя и попросила его сдать машину назад, метров на двести. Сама боялась давать задний ход при таком насыщенном движении. Четвертый помощник оказался крепко выпивши, все остро почувствовали это, когда он приземлился на водительское кресло. Пожалели, что именно ему предстоит задним ходом двигаться навстречу потоку машин, но что ж теперь делать. Надо смириться с обстоятельствами... Выпивоха — не выпивоха, а с задачей справился.

...Солнце уже садилось, било в глаза своими жаркими заходящими лучами, Наташа радовалась, что предусмотрительно надела темные очки. Они уже ехали по магистрали, и все были счастливы. Но вскоре солнце совсем зашло за горизонт, и ей пришлось в темных очках (с диоптриями) ехать по незнакомой местности.

В темноте подъехали к даче, Володя показал, куда можно припарковаться, Наташа пристроила туда и свою многострадальную «ласточку», которой сегодня поуправляли (кроме нее) еще четверо шоферов.

Володя с Клавой вытаскивали свои ящики и радовались, что ни единая рассадочка не пострадала.

Утром Наташа в нежных лучах весеннего солнца увидела место парковки и поразилась, с каким необъяснимым мастерством поставила «Москвича» в такое узкое пространство. На обратном пути они везли в Москву их общего друга, врача-кардиолога (он тоже водил автомобиль), и Наташа у него так заинтересованно спросила:

— Что я делаю не так?

Он ответил:

— Все не так.

Таков был ее первый опыт путешествия на собственном автомобиле.

## ГДЕ НАЙТИ РАЙСКИЙ УГОЛОК?

Еще до приобретения автомобиля Наташа мечтала о своем кусочке земли. То есть это был тот стандарт вещей, о которых мечтают все те, кто их пока не имеет: квартира — дача — машина. Квартира в большом городе — это значит и работа, и зарплата. А дача — необходимейший передых, потому как почти каждая работа в столице вытягивала из человека все жилы, выкачивала все жизненные соки. Восстановиться можно было только дыша свежим воздухом, пия чистую воду из скважины, ходя босиком по траве и физически вкалывая, но уже с удовольствием — для себя и своих близких. Именно отсюда то столпотворение, которое происходит каждую пятницу из города и каждый вечер воскресения в город.

Однако мечтать не вредно; где только найти свободную землю, где взять на стройку деньги, если и так их семья еле-еле дотягивала до зарплаты. Нехватка

денег на простое проживание в то время была лютой. Хорошей одежды невозможно было достать, а если и выстоишь в очереди по 5–7–10 часов за импортными сапогами или туфлями, то стоили они часто явно дороже твоей зарплаты. Зарплата, например, 100 рублей и сапоги 120. Вот такой был замечательный «развитой» социализм, о котором некоторые тоскуют. Тогда, да и сейчас, требовались терпение, смирение, и только в этом случае получится у тебя выживание.

Будь бы власти помудрее и подобнее к своему подопечному народу, более любовно и заботливо относились бы к потребностям людей, компартия могла бы комфортно просуществовать еще не одно десятилетие. Но... Они хотели жить только для себя любимых. Остальные были «дорогой наш советский народ» — молчаливый, неамбициозный, терпеливый. Что только над ним не творили, ответ был один: «лишь бы не было войны...» И ведь что главное — он прав. Так что и в терпении есть свои причины.

Однако вернемся к мечте о даче. Разумеется, подруга Клава видела реакцию Наташи на дачную жизнь и захотела ей помочь. Но произошло это не тогда, когда подруга с мужем гостили на их даче, а лет через двенадцать, когда у Наташи уже были дети.

Клава нашла в своем садоводческом товариществе клочок земли — сотки три–четыре — на краю оврага и решила оформить их на Наташу. Подруги вместе пошли посмотреть этот заросший ивняком берег маленького ручейка, заливаемый весной водой, но неожиданно худой мужчина — сосед выскочил из своего домика-лачуги и стал так кричать и яростно кататься по земле (оказывается, на том клочке он сажал картошку), что Наташа сразу же отказалась: зачем причинять зло бедному человеку? И зачем ей такой нервный сосед?

Клава, желая иметь друзей поближе к себе, предлагала не обращать внимания на бесноватого соседа, захватившего «не свою землю», но было невозможно даже представить, сколько агрессии выливалось бы на них, — разве это отдых?

Наташа видела, как бьются люди за каждый метр земли. Вот, например, Клавины соседи вставили в овраг старые ржавые сваи, скрепили их проволокой, запахнули туда картон и насыпали ведрами землю. Так они под свои кабачки «присвоили» три квадратных метра земли. К своим шести соткам. Рассказывали, как дачники воюют за ширину межи, за то, чтобы тень от чужих яблонь не загораживала солнце для любимых помидоров. Наташе было очень жалко этих тружеников: они всего лишь хотели прокормить свои семьи. Такая огромная страна и такая скаредность властей, жалеющих землю для своих же сограждан, своих подданных! Разве могло это долго продолжаться? И вообще — зачем измываться над родным народом? Их отцы, деды воевали, а у кого-то и пали, чтоб земля чужим не досталась. Да, чужим не досталась, но не досталась и своим.

## ГАЗЕТА ПРЕДАЕТ АБАЛКИНА

В редакции по-прежнему был трафик. Письма приносились мешками, Наталья страдала, что не может ответить каждому, кто обращался к ней с вопросами или со своей точкой зрения... Выездные читательские конференции, интервью, планерки, обсуждение вышедших номеров... Жизнь кипела. Это было и очень напряженное, но интересное время. В своих материалах журналисты газеты шли по лезвию ножа. У Старкова появился ажиотаж пополам с куражом, ему хотелось каждый номер сделать таким забойным, словно он последний в его жизни. В принципе, это правильно. Нельзя закисать, надеяться только в будущем на успех. Его надо ковать, пока железо еще горячо.

«Идти по лезвию» своих коллег толкал и сам Старков, он не видел большого греха в нарушении журналистской этики. Такой случай едва не вынудил Наташу уйти с работы — так она разозлилась на главного редактора. А дело было вот в чем. Леонид Иванович Абалкин, член-корреспондент Академии наук, вскоре после публикации в «АиФе» его первой беседы с Наташей, когда тиражи «АиФ» резко рванули вверх, стал заместителем председателя Правительства СССР, руководителем всего экономического блока. Это давало редакции огромный карт-бланш к «святым святым» проводимых реформ, было большим преимуществом перед другими СМИ. Мы первыми могли получить любую информацию. Такими возможностями пресса дорожит, а информаторов бережет и ценит на вес золота.

И вот спустя год Наталья снова встретила с умудренными экономистом и сделала еще один сильный материал. Абалкин уже доверял ей и откровенно, как другу, рассказал о важных закулисных моментах, которые тормозили реформы. Единственное выставленное им условие было такое: ни в коем случае не публиковать интервью до определенной даты, на которую было намечено в Кремле важное совещание. Преждевременная публикация могла повредить и ему лично, и общему делу — грамотной реформации.

Наташа клятвенно пообещала, но обо всем «по дружбе» рассказала Старкову. Она посчитала, что ему, как главному редактору, надо знать о предстоящих подковерных баталиях в Кремле.

Шеф попросил у нее «почитать» материал, она, естественно, не отказала. Каково же было ее возмущение, когда в первом же вышедшем номере она увидела это интервью!

Абалкин с ней не здоровался года два, он не мог поверить, что она об этом не знала! Не верил — и все!

Поступок же Старкова ей был не понятен до сих пор. Зачем же «убивать» авторов, которые приносят тебе «золотые яйца» — сенсации?! Или это просто жизнь «одним днем»: сегодня я его проскочил, а завтра — будь что будет? Она не исключает и его желание испортить их дружеские отношения... А чего? Начальники тоже ревнуют своих подчиненных.

Но если бы допускались дуэли, Наталья вызвала бы шефа на нее.

## РОЙ МЕДВЕДЕВ

Ах, эти переживания... Казалось бы, работай, спокойно делай свое дело. Ан нет. Вот какая еще одна неприятная история приключилась у нее со Старковым по поводу честности и принципиальности, а также игры журналистов на грани фола. Это был год бурных выборов: Горбачев или Ельцин?

На этом фоне блистали «народные мстители» Гдлян и Иванов. Их имена гремели по стране, так как именно они, опытные следователи, раскрыли громкое дело о коррупции в Узбекистане. И не просто дело о банальном воровстве (его и тогда хватало), а раскопали преступную, мафиозную связь всей огромной цепочки снизу — от хлопкоробов до самого верха — ЦК Компартии Узбекистана. Верхи приписывали республике дополнительные урожаи, выходили на рекорды, за них полагались (и они присваивали себе) премии, звания, деньги. Вся страна, не отрываясь, следила за ходом следствия и, естественно, была на стороне этих «следопытов».

Депутаты от имени народа требовали создать независимую комиссию по расследованию воровства в Узбекистане, чтобы как следует наказать сановных чиновников. Факты были таковы, что никто не сомневался в причастности всей верхушки. Вопрос был только один: кому доверить эту комиссию? Кто ее возглавит? Человек должен был обладать и большим авторитетом, и быть безупречно честным, чтобы выводам расследования поверили в народе.

...На очередном заседании Съезда народных депутатов Наташа была вместе с главным редактором. В перерыве они вместе со Старковым подошли к историку Рою Медведеву, блиставшему своими разоблачениями на съезде. Тот еще не отошел от бурной реакции зала на свой доклад. «Как вы относитесь к узбекскому делу?» — спросили они его. — «Считаю, что Гдлян и Иванов просто сами бандиты, — ответил Рой, — не верю им, не могут узбекские руководители покрывать такое безобразие! Не было его!» Наташа все записывала на диктофон, рядом стоял Старков и внимательно слушал Медведева.

Этот разговор вошел в большой материал, который Наташа подготовила по итогам съезда. В следующем номере он был опубликован. Огромные тиражи «АиФа» пошли гулять по всей стране. Их прочитали миллионы людей.

Но! Пока люди изучали газету, в верхах назначается Комиссия по проверке узбекского дела. Председателем этой «независимой комиссии» назначается... Кто бы вы думали? Да, именно он — Рой Медведев, у которого уже была своя «непредвзятая» позиция!

Вот тебе и скандал! Сейчас бы СМИ радовались такому нечаянному пиару, а тогда было не до шуток. Страна уже проинформирована устами самого Роя Медведева, как он ненавидит Гдляна и Иванова, а наша власть находит в его лице самого честного правдолюбца... Словом, все сели в лужу.

## ОПРОВЕРЖЕНИЕ

В тот день Наташа прилетела в Алушту, у нее начался отпуск. Красивое теплое море, нежный ветерок, пальмы... Под ногами песочек с камешками, они щекочут усталые ступни, солнышко пронизывает даже закрытые веки, через них на глазах умиряют душу играющие блики... В голове вертится одно: «Боже, какую же Ты создал людям благодать!» Постепенно уходит из головы вся политическая трескотня, отдаляются газетные проблемы, столичная суэта и множество лиц — требующих, доказывающих, отрицающих все.

Как же она ото всего этого устала! Как хорошо, что отпуск ее будет не у матери, где сейчас ее любимые дети, как она вначале планировала, а у моря. В прошлом году дети были в пионерском лагере в Подмоскowie, она приезжала к ним... Наташа вспомнила тяжелые сумки и какую-то аномальную тоску по ребятишкам. Еще накануне поездки она предвкушала встречу с ними и торопила время — скорей, скорей! — чтобы увидеть их такие родные симпатичные личики, услышать их рассказы о новых друзьях и затеях, чтобы обнять их и надышаться их запахом, погладить густые шелковые волосы. Она приближалась к лагерю и почему-то не верила, что вот-вот, через несколько минут она увидит своих родненьких ребятишек, вымоленных у Бога и таких долгожданных. Детки, детки, как без вас можно жить? Без вас нет стимула, это не жизнь, а так — бесконтрольное существование. Именно в тот приезд она почувствовала, что абсолютно счастлива именно с ними и со своей драгоценной матушкой. Что именно в них таится сгусток той энергии, что дает ей возможность творить другие дела.

Наташа лежала на теплом песке, расслабившись и погрузившись в воспоминания. Рядом у кого-то играл и сообщал новости транзистор. Он ей не мешал, был фоном той жизни, от которой она на две недели сбежала на юг.

Но услышав по радио эту весть, она очень удивилась. Сообщалось, что председателем независимой комиссии по Гдляну и Иванову назначен Рой Медведев. Какая тут Независимая комиссия, когда у Роя «рыльце в пушку», так как у него уже есть мнение: следователи — сами бандиты. «Как же будет выкручиваться Рой?» — подумала она. — «Газета вышла чуть раньше, чем произошло назначение Р. Медведева. Люди прочтут — и всем станет ясно: вот еще одна подтасовка Горбачева. «Рой должен отказаться от председательства», — к такому выводу пришла Наталья и стала ждать свежих новостей. Однако...

На следующий день в этот же дом отдыха приехала ее сослуживица Рая Валитова. Она привезла свежий номер газеты. «Посмотри», — показывает заметку. А там... опровержение: «Извините нас, глубокоуважаемый Рой Медведев, за то, что наша журналистка такая-то опорочила вас, дав непроверенную и неверную информацию. Редактор АиФа».

«Да разве так можно? Разве не шеф собственной персоной стоял рядом, сам все слышал! Как же он мог так опозорить меня? Да, я понимаю, что Рой попал впросак, ему хочется выкрутиться. Надо было просто отказаться от председательства, но это мог сделать только честный человек. А Старков-то, что с ним случилось, зачем он предает своих? Может же наступить такой день, когда

свои предадут его! Каково ему будет?!».

Нет, все-таки дуэль — не плохое дело. Зря ее отменили!

## В МОРЕ

Утром следующего дня Наташа встала пораньше, и к морю. Не пропустить золотые денечки. Но море нынче было не в духе. К берегу катили большие, страшные волны. У спасательного пункта висел черный флаг. «Видимо, не придется сегодня искупаться», — подумала она и решила совершить пробежку вдоль моря.

После пробежки — зарядка, и вдруг она увидела, что море утихло. Ровная водяная гладь, но в море ни человекка! Она быстро скинула шорты, кроссовки, футболку — и в воду. Море спокойно восприняло ее появление. Она быстро поплыла подальше от берега, где вода была чище. И вдоволь, с большим удовольствием там накупалась. Однако пора завтракать.

Пловчиха повернулась к берегу и увидела картину, которая ей очень и очень не понравилась, если не сказать точнее — испугала... Огромные волны разбивались о волнорезы и длинными сильными языками накрывали пляжное пространство. Они доходили до белеющей кучки Наташиной одежды, которая еще недавно была далеко от морской кромки.

«Господи, что же делать? Как мне выйти на берег, ведь волны запросто разобьют меня о камни? Как быть?!»

Черный флаг полоскали порывы ветра, на берегу практически никого. Наташа постаралась держаться подальше от волнорезов, чтобы волна не размазала ее о гранитную стену. Идущая сзади огромная волна накрывает женщину и двигает к волнорезу.

Соппротивление бесполезно. Волны играли с ней, как со щепкой. То вперед выкинут, то назад отташат. «Что делать?» — судорожно думает незадачливая пловчиха. И решает бороться до последнего. Когда волна двигается обратно, Наташа подныривает под нее, чтобы удержаться и не быть унесенной далеко в море. И так много раз. Но силы иссякают. «Игра» с волной заканчивается полным поражением человека.

Следующей волной она оказывается прижатой к волнорезу, и огромная мощь воды то поднимает ее вверх, где еще можно хлебнуть воздуха, то снова с силой опускает вниз.

На глубине она видит страшную, заросшую зеленым мхом подводную часть волнореза, потом морское дно, по которому ее протягивает — как по кругу — неистовая волна...

Наталья еще пока напряженно думала, как же ей выбраться. Но когда силы совсем ушли, она понимает: все, это конец. Сразу представила рыдающую мать и своих маленьких растерянных детей у гроба. Услышала разговоры сослуживцев: «Какая глупая смерть — добровольно пойти в бушующее море. На что она надеялась?» Уже увидела некролог в газете: «Нелепая смерть оборвала жизнь нашей журналистки» и сама о себе подумала — «идиотка!» Сначала опровержение, потом некролог. Неужели это мои последние мгновения?

И вдруг — как молния, последняя вспышка надежды: «Господи, Боже мой, помилуй меня!» Сознание отключилось.





## НЕБАБА — ТЫ НАСТОЯЩИЙ МУЖИК

В это время на берегу тренировались двое братьев — сибирские боксеры. Они поглядывали в сторону моря, поражались отваге пловчихи: «Наверное, тоже спортсменка, — думали они, — вон как лихо подныривает под волну». И только когда Наталья стала то исчезать, то появляться вдоль волнореза без малейших движений, они поняли: «пловчиха» тонет, надо спасать ее.

Под контролем молодого долговязого спасателя с фамилией Небаба они выбрали более-менее удачный момент: волна откатывала назад, женщина была на самом дне. В сей миг и прыгнули оба в море. Нашарив безжизненное тело и схватив его, все трое со следующей волной были вышвырнуты на галечный берег.

...Несколько дней израненная галькой купальщица пролежала в палате с сотрясением мозга. Все говорили о ее чудесном спасении. А Наташа уже который раз была спасена не только людьми, но и добрым и милосердным Богом, который послал ей на помощь хороших людей. Слава и хвала Ему за это!

Потом они с боксерами отметили это счастливое событие в морском ресторане. Но и после этого драматического случая она не стала бояться моря: вода ее стихия, ее обожание и восхищение. Плавая, она читала молитвы Богу с надеждой, что вода — как лучший информатор быстрее донесет ее любовь и благодарность Всевышнему за то, что он даровал нам такую великолепную красивую планету; за это чудо под названием «жизнь» и за свое удивительное спасение.

Вернувшись в Москву, Наташа пошла к шефу — разобраться с ним: «Разве так можно?! Все записано на диктофон, вы стояли рядом, все слышали и всему удивлялись! Но главное: как можно потворствовать назначению такого человека? И как можно предавать своих сотрудников, на которых вы держитесь?»

Старков стал выкручиваться: «Понимаешь, как ужасно вышло для него — назначили председателем, и все подумали, что это хорошо для следствия, а тут — как гром среди ясного неба — выходит наша статья. Получается, что он выглядит подонком. Рой только что в ногах моих не валялся, умолял пожертвовать тобой, а не им... Что мне оставалось делать?»

Конечно, Наташа не согласилась со Старковым, что зачастую случалось и в дальнейшем. Ради конъюнктуры шеф мог пойти и на подлог. Все эти его лукавые компромиссы ни к чему хорошему в дальнейшем не привели....

## В АЛЕКСАНДРОВСКОМ САДУ

В редакции корреспонденты жили как на вулкане. Одна проблема сменяла другую с пугающей скоростью. И теперь вот новая — с помещением, которую никак не удавалось решить. Тогда было такое странное время, когда ни совесть, ни законы уже не работали. Что делать? Здание ведь пропадет, отберут! Давали его редакции в аренду на 49 лет, а теперь вдруг намекают, что время истекло. Чушь какая.

Наташа вспомнила о Владимире Лукьяновиче. В нем было нечто такое основательное, которое не позволяло подозревать ни в каких играх и махинациях.

Она позвонила ему, попросила о встрече, и как можно скорее.

«Давайте через час в Александровском саду», — ответил он.

Она приезжает, ждет, ждет. Никого нет. Не сумел? Но взгляд ее находит его слаженную фигуру, спешашую к ней:

— Что-то случилось? Рассказывайте, не волнуйтесь и не торопясь.

Рассказала. Он внимательно слушал.

— Давайте пройдемся.

Они пошли по дорожкам среди цветущих кустов и цветов. Весна вступала в свои права. Разливался нежный аромат распускающихся бутонов. Боже, какая красота! Но ведь ее не видишь из-за бесконечной занятости и суеты. В природе все так гармонично, а среди людей... одни склоки и раздоры. Обдумав что-то, Владимир Лукьянович успокоил:

— Не волнуйтесь. Я поговорю с людьми, которые все уладят. Так и скажите в редакции. А как вы сами? Чего-то хотите?

— Ну разве что мороженое. — Они как раз проходили мимо киоска с этим сладким продуктом. Он купил Наташе стаканчик мороженого и добавил:

— Если что случится — обращайтесь ко мне. Я вам всегда помогу. Лично вам — помните об этом.

Слышать такие слова всегда приятно. Это бальзам на сердце. Скорее всего и не придется обращаться за помощью, привыкла сама справляться с трудностями, но они, как длань эфирная, защищают тебя от житейской непогоды. И с машиной сама ведь выкрутилась, а поддержка в день угона была так необходима! «Я вам помогу купить — еще лучше той!» Знает этот человек, что, как и когда сказать, чтобы поддержать страдающего...

## НИКОЛАЙ ПЕТРАКОВ

В то время в стране все бурлило, все ожидало радостных перемен. Вот теперь-то мы наконец-то заживем! Наконец-то мы используем для народного блага всю мощь крупной и богатой державы! Но какими путями мы пойдём к этому земному «раю»? Где эта дорожная карта, кто ее составит?

Выход виделся в талантах российских экономистов-корифеев. Уж они-то должны расписать, что и как делать, помочь найти «волшебный ключик» к ржавому механизму государственной монополии...

В правительстве решался вопрос о новой реформе, и Наташе понадобилось сделать интервью с членом-корреспондентом Академии наук, экономистом Николаем Петраковым. С ней на эту встречу напросился гость Москвы — обозреватель старейшего и влиятельнейшего английского издания «Экономист». Они встретились и вместе приехали в институт к Петракову. И уже на первый Наташин вопрос Николай Яковлевич стал отвечать целой «лекцией». Десять, двадцать минут его слушают, а на четкий вопрос ответа так и нет.

Наташа не выдерживает этого издевательства, перебивает и просит ответить кратко. Петраков делает свою речь короче, но и из нее журналистка ничего не понимает — настолько специфически научная речь. Тогда она строго просит перевести все им сказанное на простой и понятный язык. Объясняет ему: как я сделаю материал, если сама ничего не понимаю? А если бы даже я и поняла ваш «птичий язык», то как я донесу его до народа? Ему же придется выполнять все ваши хитрые задумки!

Больше четырех часов ушло на битву с член-корром, а в итоге надо было написать всего четыре страницы — но яркого, убедительного текста!

Когда они вышли на улицу, обозреватель из Лондона указал Наташе, что она была не дипломатична — в Англии журналистам непозволительно так разговаривать с VIP-персонами. Те сколько хотят — столько и говорят. Их никто не одернет. Но Наташа была другого мнения: она выдергивала из Петракова знания не для «галочки», а сугубо для людей. Эти реформы касаются всех, надо донести мысли ученых до народа! Как же их услышат, если они не могут формулировать свои постулаты доступным языком?

Потом этот журналист сказал и Старкову, что в их издании Наталью моментально уволили бы за то, что она перебивала интервьюируемого и «строила» его. Шеф ответил, что «мы ее за это как раз и ценим». И добавил, что «Петраков сам, когда выйдет его материал, поблагодарит за то, что она из него выдрала какие-то откровения».

## ШУМЕЙКИН

Фамилия этого человека Наташу несколько лет приводила в дрожь. Она думала о нем утром, днем и вечером. Николай Яковлевич Шумейкин, начальник бюро проверки, был ее главным мучителем. Больше всех донимал ее именно он, так как в то время она была редактором отдела экономики, и все цифры, данные о жизни страны проходили сначала через ее отдел, а после — через Шумейкина. Он не пропускал ни одной цифры, если не видел официальный источник, откуда взяты эти данные. И дело было нешуточное, так как Шумейкин в редакции представлял Главлит — грозную организацию, без ее визы ни одна типография не бралась ничего печатать. Дело было подсудное.

Но какие могут быть источники, если многие выразительные, убедительные цифры рождались из Наташиных самостоятельных расчетов и сравнений?! Например, правительство радостно рапортует, что на медицину в следующем году выделено аж 10,5 миллиарда рублей! Счастье какое! А Наташа поделит это на население страны, и выходит, что радости кот наплакал, по 35 рублей на нос — да еще на год! В каком, скажите, источнике будет эта «капля датского короля» прописана?

Шумейкин все донимал: «Николаевна, не пропущу без ссылки! Что хочешь делай — не пропущу!»

Абсурд не раз торжествовал: однажды понадобились цифры численности трудоспособного населения СССР, и Наталья ни в одном источнике не могла ее найти! «Это секретные данные — и все тут. Не имеем права сообщать», — заявляют в Госкомстате, куда она обратилась к большим специалистам. В конце концов уговорила, назвали данные, но только без ссылок на них. А без ссылок Шумейкин не пропускает. Нет его визы — нет и публикации. Ну хоть ты задуши его! А ведь могла...

Тогда он сидел в соседнем кабинете. В обеденный перерыв с сумочкой тихонько выходил в гастроном, возвращался, запирался. Часто призывал к обеду другого сотрудника — тоже в погонах. Старков думал, что они там в служебное время выпивают. Вот кожей чувствовал: выпивают! Ясный хрен, выпивают, а чего бы им еще запираться? А запаха нет! И голова ясная! Ох, как это злило Старкова! Ох, как ему хотелось застукать их и наказать! А запаха-то нет!

Сколько раз Старков просил Наталью «засечь» Шумейкина. Просто умолял! Каждый раз она искренне его уверяла:

— Ну не пьют они! Не пьют! Просто в тишине обедают. Как джентльмены.

— Знаю я этих джентльменов...

Шумейкин так надоед Наталье, что, «заложи» она его Старкову, шеф точно сгоряча его уволил бы, и ей жить стало бы полегче. Но она не посмела, хотя точно знала, что они с коллегой там перед обедом по рюмочке «для здоровьица» точно принимают.

То ли кто-то «настучал» Шумейкину, что соседка его «не закладывает», то ли что еще, но чуть мягче стал нажимать на Наташу Николай Яковлевич, требуя «источника» цифр. Но ведь часть из них она высчитывала сама. В каких справочниках эти цифры найдешь? — Ни в каких! А она только и делала, что

старалась показать, как ничтожно мало из народного добра достается каждой «народинке». Она никогда не соблазнялась крутыми цифрами! За ними часто скрывалась пустота...

Потом Шумейкин привык к таким выкрутасам и понял: нет источника, кроме нее самой. Хочешь верь, хочешь — проверь. И уже просто спрашивал, видимо, Наташин авторитет понемногу возрастал в его глазах:

— Сама считала?

— Сама.

— Ну ладно, может, Бог пронесет.

И выпускал полосы, ставя свою подпись и штамп Главлита.

## ПАРТБИЛЕТ

С Шумейкиным у нее была еще одна интересная история. В 1990 году вовсю пошел развал компартии, люди выходили из ее рядов, Ельцин — секретарь ЦК партии демонстративно вышел из нее, за ним — как на шоу — стали отсекаться и другие.

Состоялось партийное собрание и в «АиФе». Секретарь парткома предложил написать коллективное заявление о выходе из партии всем составом редакции, причем тоже сделать это публично, вот, мол, какое демократическое издание «Аргументы и факты»!

И отнести заявление в райком партии. Шумейкин и его напарник Вороненков, с кем они понемногу выпивали, запротестовали:

— Мы не хотим выходить, мы там лет по сорок состояли, и с чего это вдруг мы выйдем? А вдруг завтра все вернется на круги своя? Нет, мы не согласны...

Все остальные стали на них шикать и активно жать:

— Как это «вы не хотите»? Все — значит все! Не нарушайте нам «акцию»! Раз «АиФ» выходит из партии, значит — выходит, без исключений! Вы чего хвостом крутите?

Собрание шумело, возмущалось «отщепенцами», слышались голоса, что, мол, пусть уходят с работы, раз такое дело...

— Нет, ребята, так дело не пойдет. Где же наша демократия? Не хотят люди выходить, значит, мы не смеем за них решать. Это первое. Второе — в партию принимали поодиночке, не чохом, вот поодиночке и надо выходить! Они десятки лет были в партии, а мы им — плюньте, мол, на это! Давайте оставим их в покое, — предложила Наташа.

С ней чуть-чуть поспорили, но все-таки согласились. Шумейкину поручили собрать у журналистов партбилеты и сдать их с общим заявлением в райком партии. Что и было им сделано.

...Прошло несколько лет. Как-то раз перед своим уходом из редакции заходит в кабинет Наталья Николай Яковлевич, садится перед Наташей и говорит: «Знаешь, Николаевна, я тут на пенсию собрался. Ухожу. Пора отдохнуть. Здоровье уже шалит, зрение, память подводит... Хочу передать тебе твой партбилет, — и протягивает знакомую книжицу. — Знаешь, я его не сдал тогда в райком партии, других наших борзописцев сдал, а твой — нет. Подумал, а вдруг все эти пляски в демократию закончатся, партия восстановится, и он тебе еще ой как пригодится. Я за тебя даже партвзносы платил. Все как положено. Посмотри-ка».

Наташа смотрит — все клеточки аккуратно заполнены, прямо пионерка старательная, а не авантюрная журналистка.

Боже, Боже мой! Вот тебе и Шумейкин, которого Наталья мечтала прикончить, если он не ставил штамп Главлита на ее готовую полосу! Вот какие бывают люди! Она еле «всучила» ему деньги, он не хотел их брать, но она надавила на «партийную дисциплину». Никакой партбилет ей не нужен был, но внимание! Но усердие! Деликатность!

Таким неординарным поступком Шумейкина Наташа была растрогана

буквально до слез. Человек, мучивший ее много лет своими придирками, «пивший ее молодую кровь лоханками», проявил о ней, неразумной, настоящую «партийную заботу».

Сейчас он уже умер, Царство ему Небесное! Боже, прости ему все его грехи и помилуй там, на Небесах!

## КОГО ПОБЕДИЛ ЕЛЬЦИН?

12 июня 1991 года в России состоялись выборы первого президента. На волне большого ажиотажа победил Ельцин. Любовь, радость, надежда — этими чувствами жила страна. Ожидали скорейших перемен к лучшему, мало кто сомневался в правильности курса и выбора.

Конечно, Ельцин — не Господь Бог, он тоже растерялся от обилия свалившихся на него проблем и мало представлял, с какого бока к ним подходить. Но вокруг него образовалась компашка молодых, бескомпромиссных и жадных до денег и власти бесенят, которые дурили «деду» голову как хотели. Бросаясь неизвестными, научными терминами, они выставляли себя корифеями современной экономики. Мы, мол, знаем, за какую ниточку потянуть, и все встанет на свои правильные места. Рисовали ему диаграммы, убеждали, что есть такие законы, такие методики, что они быстро — за 500 дней — сделают страну процветающей.

В это же время старые профессора твердили традиционное: частная собственность не должна забивать государственную, они могут сосуществовать вместе, сразу все рушить и рвать нельзя, надо дать вволю земли крестьянам, помогать им, развивать передовое производство, улучшать профессиональное образование, и тогда лет через 20–25 будет устойчивый результат, и Россия станет привлекательной для своих сограждан и для инвесторов.

Естественно, Ельцину захотелось осчастливить народ сейчас, немедленно. Он согласился на ваучеры, что предлагал Чубайс, они якобы делили страну на условные куски для каждого гражданина. Но что с ними делать — никто не понимал. Кроме деляг. Они быстренько скупили за копейки у ничего не понимающего народа эти ваучеры, сложили их и «приобрели» у государства крупнейшие ресурсобрабатывающие предприятия, заводы, здания, научные учреждения. Это была гигантская афера, сделавшая бедный народ просто нищим. Тем более что по совету этих проходимцев была проведена реформа денег, и миллионы людей потеряли в банках свои крохи, хотя у многих были там и пожизненные накопления. Некоторые граждане от отчаяния даже кончали с собой! Это был настоящий шок. После этого они лишились работы, так как скупленные предприятия закрывались, простаивали из-за резкой смены собственника... В общем — караул!

Это была великая «прихватизация» страны — шоковая терапия, проведенная горсткой советников президента, которого следовало считать «паханом». Руководил этой камарильей по захвату народной собственности и.о. премьера Егор Гайдар, сын знаменитого писателя Аркадия Гайдара. Тот прославился хорошими книжками, а этот — плохими делишками. Закончилось это тем, что можно было спрогнозировать еще в самом начале их действий. Все окруженцы Ельцина, все его «советники» и консультанты стали богачейшими людьми на планете! Это были наглые махинаторы, обворовавшие Родину. Сейчас они хотят выглядеть, как успешные «менеджеры», но люди-то все понимают...

На следующий день после выборов шеф за обедом по привычке всех опрашивал, кто за кого голосовал. Все, естественно, за Ельцина.



— А ты? — обратился к Наталье.

— Неужели я буду за этого козла голосовать? — без компромиссов ответила она. — Мы еще столько с ним нахлебаемся — мало не покажется. Что они со страной творят?! Это грабеж, разбой, и никто за это не наказан. Давайте сделаю интервью с Гайдаром, «раздену его», — предложила она.

— Что ты! Они и так считают, что мы их совсем заплевали — с твоей подачи. Все они жалуются на тебя. Говорят, такая крупная газета их не поддерживает, им обидно, что ты, как редактор по экономике, их без конца критикуешь. Мне даже неудобно. Мы же не ретрограды. Я разговаривал с Гайдаром, честно скажу, ни-че-го понять не смог, что он там вещал про реформы. Что ни слово — то иностранное. Умный, наверное, аж жуть!

— Если вы понять не можете, то как его поймет народ?! А идеи-то надо суметь донести до людей. Они же участники реформ, а не простые болванки! — возмущалась Наталья.

— Поезжай лучше с ними в командировку в Индию, может, помирится.

## ИНДИЯ

Это была правительственная делегация. Все новые министры и несколько журналистов из крупных СМИ. Встретили их в аэропорту Дели посольские работники — высокие, крепкие, красивые. А правительственная группа из Москвы представляла плачевную картину — маленькие, но уже пузатые, какие-то кургузые, лица некрасивые. Когда они сели за стол переговоров, можно было предположить, что это просто собутыльники, неудачники-выпускники, но никак не представители России. «Убожество, прости меня, Господи! Кого вы сюда привезли?» — шепнул Наталье сидевший рядом с ней посольский работник.

На переговоры один из министров шел в расстегнутом до пояса спортивном костюме, с голой грудью. Наташа увидела и вовремя на него цыкнула. Тогда он... подтянул повыше молнию спортивной трикотажной куртки и в таком виде — после подпития — пошел на деловую встречу.

Ни этики, ни этикета — сердце разрывалось от вида этих картин. Ведущая журналистка с ОРТ с микрофоном в руках бежала вслед за министром, чтобы получить ответ на свой вопрос, а он, не останавливаясь, шел вперед, как надутый индюк, и что-то бросал ей через плечо.

Раньше ругали советских чиновников, но разве позволили бы они вести себя так по отношению к журналистам? Они все-таки понимали, что у каждого из них своя работа, свой статус. И журналистам тоже необходимо отчитаться перед своим СМИ.

Индия впечатляла дикими контрастами. Вот супершикарный отель в Бомбее, а рядом — жутчайшая нищета! Грязные, голодные детки, мусор, и тут же — как издевательство над здравым смыслом, над своим народом — бешенство денег!

На обратном пути в самолете (перелет был долгим) журналисты тепло общались с охранниками новых министров. Секьюрити спросили: «Хотите, мы вам что-то особенное покажем?» Естественно, что никто из журналистов не отказался. Потихоньку приносят шикарные кожаные папки, раскрывают их, а там... бесподобные бриллиантовые украшения — кольцо, браслеты, серьги... Это добро индусы подарили нашим министрам за какие-то выгодные им сделки, то есть подкупили их, а охранникам пришлось их проверять на безопасность. Вот они и «похвастались», при этом страшно возмущаясь продажностью правительственных негодяев.

В этот период начались Натальины самые нелегкие будни. Видеть весь маразм, предательство — и молчать — она не могла, но ее острые статьи так и оседали в редакционной папке. Шеф, опасаясь гнева «правлящей элиты» (либо сам уже «переориентировался»), не допускал их до читателей. На самом деле получалось так, что лучшие материалы (у других журналистов тоже была аналогичная ситуация) прочитываются только главным редактором, а средние и худшие выдаются читателям. Вроде как они недостойны глубоких и честных публикаций.

Так хотелось «вжарить» острым пером по этим продажным сукам и по другим чинушам. Но не только «АиФ», а и другие органы печати стали лизать все

места новым кукловодам. Наталья чувствовала, что задыхается в этой атмосфере, начинает духовно заболеть.